

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

№ 4 / АПРЕЛЬ 2003

**Народ
назвал его
Грозным!**

**ОН И БЫЛ ТАКОВЫМ
ДЛЯ ВРАГОВ
ГОСУДАРСТВА**

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ
ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО
В 1991 ГОДУ

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ—
АЛЬМАНАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ,
НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И ФАНТАСТИКИ
ГАЗЕТЫ «ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЬ»
УЧРЕДИТЕЛИ:
ЗАО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»
ЗАО «ДЕСНИЦА»
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ-77-5609
ОТ 20 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Страничка «Чудес и приключений» в Интернете на сайте Издательского дома «Экономическая газета» по адресу: WWW.AKDI.Ru

Е
Р
М
О
Н
В
Е
Т
Й
Т
И

26

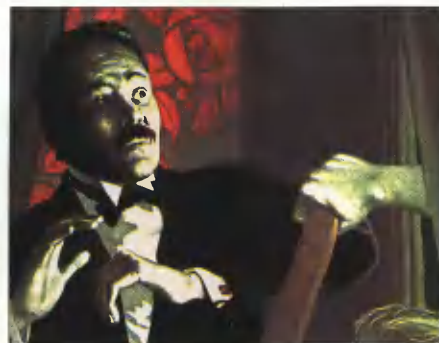
**ЭТА РЫБКА
НЕ СТРАШНА**
Страшна другая,
которую
чуть было
не съел
капитан Кук.

**ЧАСЫ
ОСТАНОВИЛИСЬ
ЗА 19 МИНУТ
ДО ПОЛУДНЯ**
Именно в это
мгновение
погиб
Ленинакан.

14

**«МЫ СОКРУШИМ
СТЕНУ
НЕВЕЖЕСТВА!»** —
заявили духи,
вызванные
знаменитым
писателем
Конан Дойлом.

44

**ЕСЛИ БЫ КОРОЛЬ
ФРАНЦИСК I**
не соблазнил
Франсуазу де Фуа,
Пушкин
не получил бы
сюжета для
«Скупого
рыцаря»...

54

**НА ВСЯКИЙ
МОТОК БЕЧЁВКИ**
найдётся
свой денди
с моноклем...

4

На 1-й стр. обложки:
Леонтий Усов.
Иоанн Грозный.

Главный редактор
ГЕРМАН СМЕРНОВ
Зам. главного редактора
КОНСТАНТИН СМЕРНОВ

Редакционная коллегия
АНДРЕЙ ГЛУШЕЦКИЙ
генеральный директор
Центра деловой информации
газеты «Экономика и жизнь»
СЕРГЕЙ ДЁМКИН
журналист

МИХАИЛ ИВАНОВ
генерал-майор
ВАСИЛИЙ КОЛОШЕНКО
заслуженный лётчик-испытатель СССР,
Герой Советского Союза

ГЕННАДИЙ МАЛЬЦЕВ
заместитель генерального директора
Издательского дома
«Экономическая газета»

БОРИС МИНИН
Президент Международной академии
общественного развития

АЛЕКСАНДР ПОРТНОВ
доктор
геолого-минералогических наук
НУРЛАН СЕЙТЖАППАРОВ
заместитель акима

Южно-Казахстанской области
ВАСИЛИЙ СМЫСЛОВ
гроссмейстер,
экс-чемпион мира по шахматам
НИКОЛАЙ ТАРАСЕНКО
заместитель генерального директора
Издательского дома
«Экономическая газета»

ЮРИЙ ТАРТАНОВ
первый заместитель
генерального директора
Издательского дома
«Экономическая газета»

ВЛАДИМИР ЧЕРНАВИН
адмирал флота,
Герой Советского Союза

БОРИС ШЕРЕМЕТЬЕВ
первый секретарь
Международного сообщества
писательских союзов

ЮРИЙ ЯКУТИН
генеральный директор
Издательского дома
«Экономическая газета»

Редакторы отделов
АНАТОЛИЙ АНТОНОВ
ИРИНА ДАНЧЕНКО
ГЕРМАН МАЛИНИЧЕВ
МИХАИЛ ФЫРНИН
Ответственный секретарь
ВИТАЛИЙ СМЕРНОВ

Главный художник
АЛЕКСЕЙ ЕРШОВ
Технический редактор
НАТАЛЬЯ КАЛЯКИНА

Представитель редакции в СПб.
ИННА ХАРЧЕНКО
Тел. 8-812-310-9483

КАК ОПАСНО РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ О БЕСЕДАХ С ВЕЛИКИМИ

Несколько лет назад с большим увлечением прочитал я прекрасный двухтомник «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников». Читал и чувствовал, как приобщаюсь к какому-то пирушеству духа. Но вот парадокс: пока читал — радовался, а по прочтении впал в какое-то тягостное, мрачное настроение. Думаю: да что такое? В чём дело?

Начал размышлять. И что же? Оказалось, тягостное настроение осталось у меня после прочтения завершающих книгу воспоминаний А. М. Горького, в которых Лев Николаевич предстаёт эдаким сексуально озабоченным старичком, готовым будто бы с увлечением толковать только о двух вещах — о Боге и о бабах. Но ни один другой мемуарист в этом сборнике не упоминал о каком-либо повышенном интересе Толстого к вопросам пола. Вот японский философ, во время прогулки едва ли не паривший над землёй из почтения к гениальному собеседнику, отмечает: у графа очень лёгкая походка. Вот деятельница детского воспитания. В ответ на свои доктринальные речи слышит от графа ответы в таком же доктринальном тоне. И только Алексей Максимович услышал от Толстого речи о Боге и о бабах...

— Эге! — сказал я сам себе. — Похоже, Бог и бабы — это любимые темы разговоров не у Льва Николаевича, а у самого Алексея Максимовича!

И тут мне всё стало ясно! Великий человек — это своеобразное духовное зеркало, в котором каждый собеседник видит своё собственное отражение, но укращенное, облагороженное от соприкосновения с духом великого человека. Толстой мог сказать нечто новое и интересное любому посетителю Ясной Поляны и на любую тему: о Боге, о бабах, о воспитании, о японской философии, об искусстве, о жизни, о старине, о чём угодно. Но тема задавалась не хозяином, а гостем, к уровню и вкусам которого Толстой автоматически прилаживался после нескольких вопросов...

И тут мне стало ясно, как опасно вспоминать о встречах с великими людьми. Рассказывая о них, мы саморазоблачаемся. Не догадываясь об этом, сообщаем всему миру о себе нечто такое, о чём не решились бы рассказать даже близким. Знаменитая Смирнова-Россет, пользовавшаяся репутацией очень злой и умной женщины, вспоминая о Пушкине, неожиданно дала сама себе весьма нелепую характеристику:

— С Александром Сергеевичем мне доводилось интересно говорить даже о пустяках...

Герман СМЕРНОВ

- 2 Александр Шпаков. Берегите мужчин!
- 4 Сергей Первушин. И шутки твои дурацкие!
- 6 Анатолий Антонов. Два правдивых рассказа о необычном
- 8 Игорь Боечин. Дома карликов
- 10 Татьяна Грекова. В сраженьях с язвой моровой
- 13 Яков Лапин. Надо научиться видеть чудесное
- 14 Игорь Черныш. Настоящий клад мы нашли в развалинах универсама
- 17, 41, 54 Чудеса в решете
- 18 Глобус
- 20 Дмитрий Митюрин. Унесённые морем
- 21 Сергей Дёмкин. Череп-убийца
- 24 Книжки, подаренные редакции
- 24 Виктор Фефелов. Чёрные метки — это не страшно
- 26 Сергей Афонькин. Рыбки захотели...
- 28 Герман Малиничев. Подземный зоопарк императора
- 30 Нам пишут
- 32 Александр Пополов. От Владивостока до Петербурга
- 36 Дмитрий Зенин. Реабилитация Иоанна Васильевича
- 39 Геннадий Милованов. Загадочные письма на женской руке
- 40 Василий Рудаков. На узенькой дорожке...
- 42 Выжимки
- 44 Ирина Данченко. Отстаньте от меня, Холмс!
- 47 Господин имперский шприцеукальыватель
- 50 Михаил Вострышев. Изгой Никола
- 54 Вера Бегичева. Скупой рыцарь выбалтывает свою тайну
- 56 За семью печатями
- 58 Виталий Пономарёв. Белый вальс
- 62 Хронология таинственного
- 63 Нонна Кристи. Цветы на снегу

Адрес редакции: 119019, Москва, пер. Сивцев Вражек, 7/17. Тел./факс (095) 203-3294, тел. (095) 290-3989. Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке ссылка на «Чудеса и приключения» обязательна. Редакция в переписку не вступает. Цена свободная. Отпечатано в ООО «ОИД „Медиа-Пресса“». 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. «Правды», 24. Формат 84×108¹/₁₆. Заказ № 709. Тираж 23 000 экз.

БЕРЕГИТЕ МУЖЧИН!

АЛЕКСАНДР ШПАКОВ

Для нормального воспроизводства рода человеческого на каждые 100 девочек должно рождаться 106—107 мальчиков. Раньше так и было, но в последние годы во многих странах это соотношение изменилось. Так, в Канаде и США только за последние двадцать лет оно упало до 100:104. Ещё тревожнее ситуация в Европе, особенно в Скандинавских странах и Германии, где детей обоих полов появляется на свет поровну.

Каковы причины столь драматического развития событий? Главные, безусловно, в постоянно ухудшающейся экологической обстановке и в слабом здоровье будущих родителей. Оказывается, плод мужского пола на порядок более чувствителен к внешним воздействиям и всевозможным неприятностям по сравнению с женским. Удивительно, но на этапе зачатия на каждые 100 девочек закладывается не менее чем 125 мальчиков. В процессе беременности это соотношение всё время меняется в пользу девочек. Виной тому выкидыши, различные осложнения, прочие проблемы, которые приходится преодолевать эмбриону до момента появления на свет и от которых страдают в основном мальчики. Среди них выше и детская смертность (особенно до года), в результате при достижении полового созревания на одну девушку в идеале приходится один юноша.

Один из экологических факторов, нарушающих соотношение новорождённых, — диоксин. В 1996 году учёные опубликовали данные о том, что в семьях фермеров, живущих в окрестностях города Севезо в Италии, загрязнённых диоксином в результате аварии 1976 года, в течение первых восьми лет рождались исключительно девочки, и только

затем среди новорождённых стали появляться мальчики, да и то лишь у тех родителей, уровень отравления организма которых был сравнительно мал. В 1993 году сообщалось: вблизи крупных химических заводов в центральной Германии, выпускающих широкий спектр токсичных веществ, в 80-е годы на каждые 100 девочек рождалось от 66 до 92 мальчиков. Наконец, среди 3200 японских детей, матери которых в период беременности пережили атомную бомбардировку в 1945 году и подверглись воздействию различных доз радиационного облучения, 1830 (более 57%) — девочки. Более того, уровень врождённых дефектов и заболеваний среди мальчиков был почти вдвое выше. И этот список можно продолжить.

На количество новорождённых представителей сильного пола оказывает влияние и качество семенной жидкости отцов, точнее количество в ней активных сперматозоидов. Оказывается, этот показатель очень сильно колеблется от 40—50 до 120—140 миллионов в миллилитре. При ухудшении качества спермы, наблюдаемом сегодня в развитых странах, снижается не только её оплодотворяющая способность, что выражается в падении рождаемости, но и соотношение появляющихся на свет мальчиков и девочек в пользу последних. И дело здесь не в том, что для зачатия будущего мужчины нужны «сильные» сперматозоиды, а для девочки и «плохие» сойдут. Для нормального развития плода необходимо, чтобы число сперматозоидов и их качество были высокими — и тогда к яйцеклетке подойдёт самый сильный и жизнеспособный из них, и неважно, «мужскую» (Y) или «женскую» (X) хромосому он несёт. При оплодотворении некачественной спермой ребёнок в эмбриональном периоде развивается хуже, выше вероят-

Фото М. Машукова.

**Медики утверждают:
из года в год в мире рождается
всё меньше и меньше мальчиков.
И генетики уже работают
над программированием пола
будущего ребёнка**

ность неблагоприятного исхода беременности, а поскольку от всего этого в первую очередь страдают мальчики, то их и рождается существенно меньше.

Кроме того, как установил австралийский сексолог Питер Дюрей, в проблеме снижения среди новорождённых числа особей сильного пола значительную роль играют ставшие популярными в последние годы мужские контрацептивы. Как правило, их действие основано на снижении числа сперматозоидов в миллилитре семенной жидкости до 3 миллионов, что, по мнению медиков, полностью исключает возможность зачатия. Зачастую после прекращения использования таких препаратов число сперматозоидов, хотя и увеличивается, но остаётся существенно ниже нормы. Ввиду низкого качества такой спермы оплодотворённая ею яйцеклетка развивается плохо, что опять-таки вызывает снижение числа новорождённых мальчиков. Есть предположение, что к этому же эффекту могут приводить и женские гормональные противозачаточные средства.

Проблема падения рождаемости представителей сильной половины человечества настолько серьёзна, что многие лаборатории ищут сегодня пути выхода из этого кризиса. Наибольших успехов сумел добиться американский биолог Эдвард Фаггер. Он нашёл способ программировать пол ребёнка. В основу метода положено различие между половыми X- и Y-хромосомами, определяющими, кто родится — мальчик (Y-хромосома) или девочка (X-хромосома).

При зачатии происходит объединение генетического материала, содержащегося в яйцеклетке матери и сперматозоиде отца. Половая принадлежность плода определяется только половой хромосомой отца (Y — мальчик, X — девочка), так как от матери всегда поступает исключительно Y-хромосома. Раз-

меры X- и Y-хромосом существенно различаются. У Y-хромосомы по сравнению с X-хромосомой нет значительной части ДНК (примерно четвертой части), что делает её намного легче. Поскольку половая хромосома — лишь одна из 23 хромосом человеческого генома, то различие ДНК в сперматозоидах, содержащих X- и Y-хромосомы, в значительной степени нивелируется и составляет не более 2,8%. Масса же сперматозоидов, содержащих X- и Y-хромосомы, отличается менее чем на 1%. Однако современные высокоточные биохимические методы позволяют использовать и эту разницу в массе для разделения спермы на две фракции, одна из которых содержит тяжёлые («женские») X-сперматозоиды, а другая — лёгкие («мужские») Y-сперматозоиды. За эффективностью такого разделения можно следить с помощью флуоресцентного микроскопа, предварительно пометив ДНК половых хромосом красителем.

Учёным удалось получить тяжёлую фракцию с содержанием X-сперматозоидов более 85%, которую можно с успехом использовать для зачатия девочек. Так, при оплодотворении женщин такой спермой из 14 новорождённых 13 оказывались девочками, что составляет 93%. Несколькими хуже дело обстоит с «заказом» мальчиков. В лёгкой фракции содержание Y-сперматозоидов не превышает 70%, и соответственно при оплодотворении такой спермой в среднем на одну девочку рождаются два мальчика. Для того чтобы достичь более впечатляющих результатов, «разгонку» полученных фракций необходимо повторить несколько раз, и тогда количество X-сперматозоидов в «женской» сперме достигнет 95%, а Y-сперматозоидов в «мужской» — 85%. Однако генетики не могли исключить в этом случае некоторого снижения качества

спермы и потому не использовали её для оплодотворения. «Мы на 99% уверены, что полученные высокоочищенные фракции по всем показателям идентичны нормальной сперме, но используем их для зачатия детей только после дополнительных исследований и при 100% — ной гарантии биологической безопасности», — прокомментировал ситуацию Фаггер.

У массового внедрения технологии программирования пола будущих детей есть не только положительные, но и отрицательные стороны. Многие специалисты обеспокоены возможностью дискриминации новорождённых девочек, родители которых жаждут только сына. Это характерно для некоторых азиатских стран, в частности Китая и России — у многих народов Северного Кавказа. Пусть не так явно, но предпочитают мальчиков более 60% американцев и европейцы (Испания — 67%, Италия — 63%, Германия — 59%, Дания — 58%).

Артур Кайлан, руководитель центра биотехники Пенсильванского университета, подчёркивая, что методика Фаггера способна исправить положение с падением рождения мужчин, предостерегает медиков от бездумного её использования. Ведь это может привести к обратному перекосу. Необходим строгий контроль за такими технологиями.

В заключение — совет: берегите мужчин даже тогда, когда они находятся ещё в утробе матери. Именно мужские эмбрионы в наибольшей степени страдают от экологической безответственности, от неумения и нежелания родителей следить за собственным здоровьем. Конечно, мужскую половину человечества можно спасти, используя успешно разрабатываемые учёными технологии, позволяющие «заказывать» пол ребёнка, но это уже крайняя мера.

И ШУТКИ ТВОИ ДУРАЦКИЕ!

В наши дни стали модны приколы и розыгрыши, к сожалению, не всегда безобидные и потому не очень смешные. А иногда такие, что сами мистификаторы не знают потом, как из них выкрутиться...

Рис. М. Петрова

МИСТИФИКАТОРЫ

Сто лет назад небольшая группа состоятельных лондонских интеллигентов, чтобы развеять сплин-тоску, решила разыграть Королевский военно-морской флот, инсценировав визит эфиопской делегации на базу флота. По их заказу театральные мастерские якобы для маскарада сшили пёстрые экзотические костюмы по образцам, найденным в альбоме путешественника по Эфиопии Джеймса Кокса. Знакомый гримёр подобрал им буйно-курчавые парики, изготовил тёмный грим и выпяченные эфиопские губы на клею. Восточные кинжалы и сабли шутники подбирали в своих семейных коллекциях.

Когда приготовления и репетиции закончились, в военно-морскую базу

Веймут улетела телеграмма, подписанная якобы заместителем министра иностранных дел сэром Чарльзом Хардинджем: «Принц Макалин со свитой прибудет в Веймут завтра в 2.20 пополудни. Следует принять его с соответствующими почестями».

На флоте обеспокоились. Дипломатический вес единственной христианской державы в Африке был высок. Британская империя заботилась о дружеских отношениях с этой страной. Поэтому демонстрация мощи британского флота родственнику негуса-негести Менелика II была бы очень кстати. Высоких гостей решили принять на флагманском линкоре «Дредноут». Правда, на эскадре вышла заминка: никто не знал, как выглядит эфиопский флаг и звучит гимн. Решили флаг поднять так, чтобы он не развернулся, а вместо гимна сыграть сюиту Грига «Сигурд Иорзальфар», благо ноты у оркестра были.

Тем временем на вокзале Паддингтон в Лондоне безукоризненно одетый молодой человек в цилиндре потребовал от железнодорожного начальства немедленно подготовить спецпоезд для поездки эфиопских принцев в Веймут. Никаких возражений уполномоченный Министерства иностранных дел Джилберт Челмондсли (так он представился) не принял, посоветовав железнодорожникам не доводить дело до дипломатического скандала.

Поезд срочно составили из резервных вагонов, и к моменту приезда эфиопов паровоз стоял под парами. В пути мистификаторы ещё раз осмотрели друг друга. Всё выглядело блестяще: на коротко остриженных воло-

сах — курчавые парики; открытые участки кожи старательно затемнены, приклеены ухоженные бородки и эфиопские губы. Перед прибытием в Веймут шалуны напялили шёлковые балахоны и обязательные тюрбаны. Дополняли абиссинский облик золотые цепи с крестами и ожерелья из хорошо имитированных драгоценных камней, взятые под залог.

Всё шло по плану. «Принцы» появились без опозданий, поднялись по парадному трапу «Дредноута», чинно прошли вдоль строя матросов, командир корабля отдал рапорт. Прозвучали торжественные звуки марша Эдварда Грига и «Боже, храни короля», после чего начался осмотр корабля. Гостям показали 305-мм башенные орудия, аппараты для запуска торпед и прочее вооружение. «Принцы» цокали языками от восхищения, взмахивали руками.

Кульминационный момент настал, когда сопровождавший гостей офицер упомянул, что командующий эскадрой адмирал — потомок героя-флотоводца времён наполеоновских войн, прославившегося разгромом баз французского флота.

Гости стали усиленно креститься, а затем запели протяжную молитву — переименованную ими старинную студенческую песню. Толмач застыл в благоговейном молчании.

По окончании «молитвы» гости громко захлопали в ладоши. Толмач объяснил: они-де благодарят Господа за то, что тот даровал адмиралу столь долгую жизнь и службу во славу Его Величества и Британской империи. Моряки не осмелились исправить заблуждение гостей — ведь адмиралу,

по их пониманию, уже исполнилось бы лет 130!

В качестве сувениров гости оставили на корабле пучки петушиных перьев, связанных лентами. Они якобы вручались самым храбрым воинам и ценились выше иных наград.

Отказавшись от файв-о-клока и от совместного фотографирования, гости под звуки того же григговского марша проследовали к ожидавшим их автомобилям.

Осознав уже по пути в Лондон весь ужас возможного дипломатического скандала, они предпочли на некоторое время исчезнуть из столицы, а некоторые — даже из страны.

Лишь один, изображавший уполномоченного МИДа, решился похвастаться удачной мистификацией перед знакомыми журналистами. Однако большинство из них предпочли не распространяться об этой истории.

Лишь «Дейли экспресс» 12 февраля 1910 года решилась опубликовать в субботнем выпуске ущемлённую версию событий. Конечно, после консультаций с Адмиралтейством, решительно возражавшим против этой публикации.

Вскоре началась Первая мировая война, и скандальный эпизод забылся. Всплыл он лишь через несколько лет, когда увидели свет воспоминания участников.

ШУТНИК И ВЕСЕЛЬЧАК УИЛЬЯМ ВЕР-КОУЛ

Фамилия богатого бездельника, гордившегося удачно сыгранной ролью уполномоченного МИДа, была Уильям Вер-Коул. Розыгрыши были его страстью. Однажды он, нарядившись в комбинезон муниципального рабочего, ранним утром выворотил в центре Лондона на Пиккадилли камни мостовой и начал копать яму, огородив место работ ярко окрашенным забором. Рядом красовалась надпись: «Осторожно! Ведутся работы!» Выкопав яму два на два метра и глубиной один метр, он перекрыл проезд и ушёл. В последующие дни он приходил на это место, чтобы вместе с зеваками полюбоваться недоумением городских чиновников и послушать смачную ругань кебменов и шофёров.

В воспоминаниях мистификаторов, изданных после Первой мировой войны, рассказывалось о другой шутке Вер-Коула.

На гастроли в Лондон приехал из Италии известный певец. За несколько

дней до его выступления Вер-Коул наклеил на афиши итальянца по всему городу уведомления, что начало концерта откладывается на час. Каково же было изумление тенора, когда он увидел полупустой зал. Администратор уверял разгневанную знаменитость, что не понимает: все билеты давно распроданы, и у касс стоит толпа жаждущих попасть на концерт. Тенор решил, что это — козни соперников, скупивших билеты. Он хотел было отменить концерт, но зал постепенно заполнился, и через час выступление прошло с полным успехом. На следующий день в интервью в одной из газет знаменитый тенор резко высказался по адресу британских конкурентов, необдуманно назвав имена двух певцов. Те посчитали себя оскорблёнными: один обратился в суд, второй прислал секунданта. Лишь вмешательство августейшей особы, поклонницы таланта обиженного итальянца, помогло окончить дело миром.

АБСОЛЮТНЫЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Направляясь к приятелю, жившему в пригороде Лондона, Гарольд С. Битти, любитель розыгрышей, неожиданно встретил абсолютного джентльмена. Всё в нём блистало респектабельностью: и цилиндр, и лаковые ботинки, и хризантема в петлице, и гамаша с перламутровыми пуговицами, и изящная трость, и, конечно, монокль. Ему бы отправиться на дипломатический приём, а он шествует в пригороде в полдень, как живое олицетворение британских традиций. И без лимузина с ливрейным шофёром!

«Не использовать встречу с таким безупречным джентльменом, — вспоминал Битти, — было невозможно. Я судорожно начал искать возможности и неожиданно вспомнил, что у меня в кармане плаща моток шнура, который захватил по просьбе приятеля для ка-

кой-то садовой надобности. Решение пришло мгновенно.

Приблизившись к джентльмену, я рассыпался в извинениях и произнёс быстро сложившуюся речь о том, что по поручению Комиссии Правительства Его Величества я произвожу контрольное измерение местности в этом районе. Работа ответственная, и простым геодезистам её поручить нельзя, а сотрудник Комиссии, третий лорд Ньюбери, где-то задерживается. Это так прискорбно, ибо Его Величество ожидает результаты для ответственного решения...

Выслушав речь, джентльмен поинтересовался, чем же он может помочь. Я объяснил: «Нужно крепко держать в руках измерительный шнур, пока не придёт помощник маркшейдера и не запишет в специальную книгу резуль-

тат. Вы очень выручите Комиссию Его Величества!» Джентльмен без колебаний согласился и взял конец шнура.

Битти, постепенно разматывая клубок, скрылся за углом и начал искать, к чему бы привязать второй конец. Судя по натяжению, джентльмен держал шнур крепко.

«Высшие силы послали мне наставречу ещё одного господина, правда, не столь абсолютно безупречного, но всё же слишком бросающегося в глаза. Дальше всё шло по тому же сценарию: извинение и представление, изложение трудностей, просьба о помощи. Он так же легко клюнул на мою басню и крепко взялся обеими руками за шнур. Я уверил его, что это — всего на несколько минут, и поспешно удалился в сторону Челси, так как уже опаздывал на встречу с приятелем. Навстречу

мне попало свободное такси, я не выдержал и попросил шофёра проехать по тем же улицам. Хотя минуло уже четверть часа, джентльмены ис-

правно натягивали шнур, проявляя истинно британское терпение. Я больше не стал испытывать судьбу и назвал водителю нужный адрес...

НЕ У ДЕЛ

Известный американский физик Роберт Вуд однажды увидел, что женщина, жившая в квартире под ним, держала на балконе черепаху. Вуд купил несколько черепах разных размеров, сделал из швабры захват и заменил черепаху на балконе более крупной — конечно, в отсутствие соседки. Он повторял это несколько дней, пока хозяйка не заметила, что её любимца необыкновенно быстро растёт. Зная, что сосед сверху — учёный, она обратилась к нему с недоумённым вопросом. Вуд отправил её для консультации к профессору зоологии и посоветовал написать в газету. К соседке зачастил фоторепортёр, ежедневно снимая чудо природы, а у Вуда скоро кончились черепахи. Тогда он с помощью той же швабры обратил загадочный процесс вспять. За десять дней животное вернулось к прежним размерам, от чего профессор-зоолог только ахал и разводил руками, а газета обзавелась серией необъяснимых снимков и грудой писем с вопросами заинтригованных читателей. До саморазоблачения Вуда лет через тридцать этот случай оставался совершенно таинственным.

Другой учёный немец, Карл Бош, в начале тридцатых годов работал в лаборатории, находившейся напро-

тив большого жилого дома. В свободное время он через подзорную трубу наблюдал за жизнью соседей напротив. Случайно Бош установил, что один из них — газетный репортёр. Узнав номер его телефона, Бош позвонил ему и, представившись неким профессором физики, убедил журналиста, что нашёл способ принимать по телефону не только речь, но и изображение. Глядя в подзорную трубу, он тут же подробно описал обстановку комнаты, в которой стоял телефон собеседника. Для убедительности он просил поворачивать телефонную трубу в разные стороны, «чтобы обзор был лучше». Он рассказывал, как одет репортёр и какие движения руками делает перед трубкой. Положив её, изумлённый репортёр некоторое время бегал по комнате, не в силах сдержать овладевшее им волнение.

На другой день в газете появилась большая статья о сенсационном изобретении, вызвавшая ажиотаж среди читателей и возмущённые реплики учёных. Профессор, от имени которого звонил Карл Бош, явился в редакцию лично для неприятного объяснения с автором статьи.

Необъяснённая сенсация, несмотря на явную абсурдность, держалась несколько лет, периодически вызывая дискуссии в прессе. Бош решил рассказать о ней после нескольких лет удачных исследовательских работ, престижных премий и всемирной известности, позволивших быть уверенным, что ему простят эту шутку.

***

Читая о подобных, далеко не всегда безобидных, розыгрышах, поневоле вспоминаешь старый анекдот о боцмане, который, увидев след движущейся к пароходу торпеды, стал отвлекать внимание пассажиров разными фокусами и шутками. После взрыва один оказавшийся в воде пассажир, увидев держащегося за спасательный круг боцмана, в сердцах сказал ему: «Дурак ты, боцман! И шутки у тебя дурацкие!»

Со мною в жизни ничего необычного, необъяснимого не происходило. И мои друзья, зная об этом, иногда рассказывают мне загадочные случаи из своей жизни, чтобы хоть как-то развлечь. Вот две истории, рассказанные мне непосредственными участниками описываемых событий.

Николай с женой и её братом решил провести отпуск в Сибири. У старых приятелей, которых он не видел лет уже около двух. Жили те в Алтайском крае, но не в гористой его части, а в равнинной, где наравне с лесистыми холмами много горизонтальных, развёрнутых в пространстве пейзажей с неспешным течением местных речушек, вполне пригодных для плоскодонного судоходства тамошних жителей. Память о последней рыбалке в этих местах и потянула Николая в дальнюю дорогу.

Не теряя времени, на следующую же ночь на двух моторках и отправились, уже впятёром. А через пару часов хозяева уткнули лодки носом в песчаный берег, обещая гостям достойный отдых. Но, увы, к великому конфузу хозяев («Первый раз такое наблюдаем здесь, честное слово!»), рыбалка не клеилась. Клёва не было вообще, как ни закидывали они свои столичные блёсны столичными же спиннингами.

Услышав от местных друзей, что в сорока—пятидесяти минутах на моторке от этого места есть ямы, где рыба вообще на голый крючок берёт, даже без блесны, Николай и его родственник уговорили дать им одну моторку. И поплыли вдвоём, под укоризненные взгляды жены Николая.

ДВА ПРАВДИВЫХ РАССКАЗА О НЕОБЫЧНОМ

Где-то через час река, заметно раздавшись, действительно вытекла на безлесую равнину с огромной песчаной отмелью справа. В глубине косы, как и описывалось, метрах в двухстах от воды на галечном возвышении стояла одинокая сосна. Может, оттого, что стояла одна, она казалась огромной и ориентиром была великолепным. Именно за этой отмелью с сосной и находились те самые ямы.

Но вдруг Николай уловил, что лодочный «Вихрь» стал звучать как-то по-иному. Только что ласкающее слух урчание двигателя и даже плеск набегающей воды за бортом стали раздражать, давить на барабанные перепонки. Решив поделиться этим наблюдением с родственником, он повернулся к нему лицом — и тут все слова разом выскочили у него из памяти: лицо родственника, его руки, штормовка — всё было покрыто налётом розового оттенка. Причём цвет прямо на глазах становился всё более явным. Николай посмотрел на свои руки — розовые! Лодка, вода в реке, отмель, сосна, горизонт — всё было окрашено в розовые тона! На небе не стало солнца. Вместо него пылал какой-то адский розовый шар без чётких контуров.

— Что это, Коля?! — в жутком смятении прокричал вжавшийся в скамью родственник, и голос его отозвался эхом, как у одинокого болельщика под крышей спортивного зала. Звук «Вихря» между тем уже превратился в рёв мотоцикла без глушителей.

— Сам не знаю! — прокричал в ответ Николай, безотчётным движением

резко заламывая румпель мотора к берегу.

Лодка ткнулась в песок, звук мотора смолк, и путешественников оглушила тишина. Она была настолько неестественной, что поневоле мороз по коже пробрал обоим: не было слышно плеска реки, птиц, звука комаров (и вообще они куда-то исчезли!). Но зато скрип мокрого песка под босыми ногами, напряжённое дыхание — эти звуки многократно усилились. Рыбаки стояли молча, в полной растерянности.

Вдруг раздался громкий треск ломающегося дерева, они одновременно взглянули на одиноко стоявшую сосну. На высоте примерно двух человеческих ростов ствол был сломан, как былинка, и вершина сосны уже летела к земле.

Тут же, практически одновременно с падением сосны, как в замедленной киносъёмке, пропал розоватый окрас всего окружающего. И звуки природы появились вдруг, как будто из ушей резко выдернули затычки.

Но Николай и родственник возвращения мира в привычное состояние почти не осознавали. Лихорадочно развернув лодку и запустив двигатель, они на полном газу неслись обратно. А нервная дрожь в их руках прошла ещё не скоро.

А вот второй рассказ.

В советские ещё времена, лет пятнадцать назад, оказался как-то Михаил на лесозаготовках на юго-западе Тверской области. В советско-российском сознании лесозаготовки, как правило, ассоциируются с лагерной зоной. В этом же случае ничего криминального не было: захотелось студенту отдохнуть

от городской суеты, а заодно и денжат подзаработать с пользой для здоровья.

Места там оказались не то чтобы безлюдные, но не особо заселённые: один хутор от другого отстоял на десятки километров. Впрочем, тройке новоявленных лесорубов (все с одного курса) это не только не мешало, а и помогало — никто не отвлекал от основной цели: отдыхая, зарабатывать. Им выделили участок леса, необходимый инвентарь, указали пустующую охотничью избушку и обещали раз в неделю завозить продукты. Всего у них времени было около двух месяцев, а в общем — как справятся.

Первый месяц пролетел, как медовый, даже не заметили. А на втором в обещанные сроки провианта не подвезли. На сэкономленную провизию продержались ещё пару дней. А наутро третьего решили идти бунтовать на главную базу, хотя идти туда надо было тридцать километров. Но другого выхода и не было.

Сказано — сделано, втроём с утраца и пошли. Никакой озлобленности у них не было: чудесная погода, они прекрасно провели целый месяц — шли себе с лёгким сердцем лесной дорогой. К полудню не то что от голодной слабости, а просто солнышко разморило их, и решили они передохнуть: выбрали прямо на травяной дороге места помягче да и прилегли на неопределённое время.

Проснулись — а среди них сидит старичок с седой бородой, крепенький, на голове какой-то треух, рядом котомка. Ребят появление старичка ничуть не взвол-

новало: приподнялись, смотрят на него.

— А что, ребятки, вы не бось исть-то хотите?

— Не отказались бы! — весело прогудели все трое. Мужичок котомку — раз! Ставит перед собой и вытаскивает из неё круглый каравай белого хлеба домашней выпечки, бутылку вина и даже стакан — диковинного тёмно-зелёного стекла.

— Вот, ребятки, поиште. И винца вам, чтоб в охотку было. Да и я с вами, чуток.

Хлеб оказался настолько мягким и горячим, будто только что из печи! А вино... — конечно, они никогда ничего вкуснее не пивали: настоящее домашнее, красное, виноградное. Проглотили всё это волшебство в один миг. И такая на троих сладкая истома напала после этого — ну не продохнуть.

— Дедуль, мы ещё прикорнём. Ты не против?

— Ну, ребятки! Отдыхайте, Господь с вами. Я вам не помешаю.

Они опять в траву завалялись, спали, может, с час. Просыпаются — старичок всё тут сидит. Увидел, что проснулись, поднялся — неспешно с травы и говорит:

— Ну, ребятки, засиделся я тут с вами, пора мне и дальше итить. А это вам, на дорожку.

С этими словами опять лезет в котомку и достаёт из неё ещё каравай хлеба и бутылку вина. Поклонился, пошёл и пропал между деревьями, будто растаял...

На базе, куда они попали под вечер, в происшедшее с ними не поверили. Сказали: у нас здесь таких старичков не водится, хлеб свежий печь негде и некому, себестоимости мы из Твери возим...

Она смотрит
в объектив
фотоаппарата
и не догадывается,
что у неё
под руками.
Фото Ю. Егорова

— Недавно мы провели отпуск на Северном Кавказе, — рассказывает московский инженер А. Ф. Панов. — Как положено, осмотрели достопримечательности, потом отправились в долину реки Жане, чтобы повидать удивительные древние сооружения — долмены. Вволю полазили по ним и, конечно, сфотографировали.

Далее произошло нечто непонятное. На проявленной плёнке, где был сфотографирован долмен «Дух», обнаружилось засветки в виде причудливых, извилистых лент, стелющихся по земле и стенам древней постройки. Поначалу подумали: виновата дефектная плёнка. Но когда Александр Фёдорович встретил товарища по экспедиции, тот тоже пожаловался на бракованную плёнку. Сравнили изображения — дефект оказался таким же. Ни Панов, ни его спутники воочию светящихся феноменов не видели...

Долмены — каменные сооружения непонятного назначения разбросаны по всему миру. Они встречаются в Европе, Азии, Северной Африке, Южной Америке. Все они напоминают примитивные домики, сложенные из крупных, монолитных каменных плит. Средневековое название «долмен» происходит от нижнебретонских «тол» — стол и «мен» — камень.

Северокавказские долмены сосредоточены на пространстве длиной 480 километров и шириной 75 километров вдоль восточного побережья Чёрного моря. Все они возведены на вершинах гор и в долинах рек в 3000—1500 годах до н. э. Историки предполагают: когда-то их было не менее семи тысяч, но к нашему времени в относительной целостности сохранилось не более полутора.

Русские казаки, селившиеся на Северном Кавказе, прозвали долмены «чёртовыми», или «богатырскими», хатками и об их назначении особенно не задумывались. А вот осетины считали, что их соорудил исчезнувший народ бацента, пришедший в эти края откуда-то с моря. Бацента были наделены нечеловеческими способностями — могли взглядом перемещать огромные скалы и вырывать с корнем деревья.

Адыгейцы называли долмены «сырпун» и считали их святилищами предков. Другие горцы именовали их «испул» — «домами карликов».

Согласно преданиям, в этих местах некогда обитали сильные, но простые духом великаны, промышлявшие охотой на диких животных. Они селились в

ДОМА КАРЛИКОВ

Если египетские пирамиды можно уподобить жилищам гигантов, то рассеянные по всему миру долмены, похоже, были домами карликов!

уютных долинах рек, а в свободное время развлекались перебрасыванием тяжёлых камней. А высоко в горах в тёмных и холодных пещерах ютились колдуны-карлики, которые однажды спустились в долину. Увидев, как веселятся великаны, карлики заставили их, то ли телепатией, то ли внушением, построить им каменные дома и поселились в более комфортных условиях будущей курортной зоны. Так появились долмены. Подобные предания о карликах, наделённых неведомыми людям мудростью и познаниями, есть в эпосах Англии, Ирландии, Басконии.

В 1784 году побывавший на Северном Кавказе академик П. Лаллас впервые кратко описал долмены. Инженер Гилев в 1865 году уже профессионально обследовал их, а через пять лет офицер русской армии Н. Каменев произвёл в некоторых из них раскопки и нашёл предметы культуры бронзового века. Во второй половине XX столетия изучение долменов продолжил В. И. Марковин, кроме него, этим занимались любители из общественных объединений.

Что же всем им удалось установить?

Классический северокавказский долмен обычно состоит из четырёх монолитных стен (одна с входом), пола и потолка. Все они вырезаны из песчаника и весят от 3 до 30 тонн. Заметим: выработки находятся в десятках километров от мест строительства, а следов дорог в лесистой и гористой местности не сохранилось. На плитах мастерски проделаны пазы и выступы, совпадающие с точностью до миллиметра.

В труде «Памятники первобытного искусства» А. Формозов описал операцию по перевозке долмена из Эшери в сухумский музей. Первая попытка оказалась неудачной: крышу долмена не смогли снять даже два подъёмных крана. Но в 1961 году верхнюю плиту всё же удалось погрузить на трейлер и доставить в Сухуми. Потом привезли прочие элементы долмена и попробовали собрать. Ничего не вышло, выступы упорно не хотели входить в пазы, а древние монтажники проделывали подобные операции легко. Правда, созданные ими сооружения не отличались технической сложностью и архитектурным изыском. Внутреннее помещение долменов бывает квадратным, прямоугольным, трапециевидным, подковообразным. Иногда к «домам карликов» пристраивали простенький коридор. Встречаются «сырп-уны», вырубленные в скалах и прикрытые сверху массивными монолитами. Долмены можно

разделить на четыре типа, но в их устройстве не прослеживается обычное развитие от простого к сложному. Можно подумать, что мудрые карлики однажды нашли оптимальное архитектурное решение и веками повторяли его.

Стены некоторых долменов украшает орнамент — треугольники, вертикальные и горизонтальные насечки зигзагом или ёлочкой — видимо, это древняя символика, о смысле которой остаётся только догадываться.

При раскопках находили захоронения, скелеты в которых оказывались скорченными: у некоторых первобытных племён и народов считалось, каким зародыш находился в утробе матери перед родами, в таком виде человек должен отправиться и в мир иной. Рядом лежали бронзовые и глиняные орудия труда.

Исследователи отметили и то, что долмены часто располагаются там, где есть месторождения металлов, в частности меди и олова.

Не удалось установить, как древние строители могли столь точно и ровно вырезать массивные плиты из твёрдой породы, обрабатывать их, доставлять на большие расстояния и собирать. Загадочно и само назначение этих построек.

Некоторые учёные считают их простейшими жилищами, другие — погребальными камерами, третьи — древними святилищами. Последнее предположение заслуживает более подробного рассмотрения.

Во всём мире храмы и другие культовые постройки возводились по выработанным многими поколениями математическим пропорциям, и не где-нибудь, а в так называемых «местах силы». Местах, где из глубинных разломов земной коры выходят мощные энергетические потоки. Сама же конструкция и элементы храмового здания формировали поля, благотворно воздействующие на человека.

Нечто похожее происходит и в долменах. Достоверно известно: в Средние века некоторые французенки ночевали в долменах, чтобы таинственные силы подобрали им жениха или избавили от бесплодия. На Кавказе многие люди чувствуют вблизи долменов прилив сил и бодрости, а некоторые, наоборот, нечто угнетающее и стремятся поскорее удалиться от «домов карликов».

Во второй половине XX века установили: в этих древних постройках происходит самогенерация высокочастотных инфразвуковых и электромагнитных

колебаний, вызываемых процессами в верхних слоях земной коры и космическими излучениями. Нашли объяснение и феномену северокавказских долменов, свидетелем которого стал А. Ф. Панов. Его причина — кварцевый песчаник, из которого они построены.

— Кристаллы кварца наделены свойством прямого и обратного пьезоэффекта, — пишет в книге «Долмены, тайна тысячелетий» Л. Дмитриев. — Если такой кристалл сжать, то на его гранях, перпендикулярных направлению сжатия, возникают разноимённые электрические заряды — механическая энергия превращается в электрическую. И наоборот, приложенное к кристаллу переменное электрическое напряжение заставляет его производить механические колебания. Кварц работает в огромном диапазоне частот, создавая акустические и электрические волны.

В естественных условиях самовозбуждение кристаллов может происходить под внешним воздействием. Это могут быть слабые землетрясения, незаметные человеку подвижки верхних слоёв земной коры. Влияние Солнца, Луны и других небесных тел. Добавим: «дома карликов» находятся именно над глубинными разломами, откуда, как упоминалось, исходят энергетические потоки. Внутренняя же камера долмена случайно (или намеренно) превращается в резонатор, аккумулирующий, усиливающий, а затем распространяющий электромагнитные волны и ультразвуковые колебания. В некоторых сооружениях подобные физические процессы приводят к образованию шарообразных или линейных плазмидов. Их-то и зафиксировала плёнка в фотоаппарате Панова.

***

Учёные, возглавляемые археологом В. И. Марковиным, не обольщаются возможностью быстро и однозначно раскрыть тайны долменов. Они считают: эти древние постройки всё-таки не жилища и не могильники. Это даже не святилища в обычном понимании слова, а технические устройства древней предшествовавшей нынешней цивилизации. Расположенные соответственно энергоинформационной сетке Земли, они служили для контроля за нею и связи с космосом. Можно только предполагать, какими могучими энергетическими и информационными силами располагала эта протоцивилизация, но остались после неё только мегалиты, затерянные в лесах и горах. Почему? Над этим стоит подумать...

В СРАЖЕНИЯХ С ЯЗВОЙ МОРОВОЙ

Медицина достигала успехов в борьбе с чумой, но и несла потери...

О подвижнической борьбе врачей с чумным микробом широкий читатель мог узнать только из небольшого рассказа В. Пикуля «Письмо студента Мамонтова». В нём рассказывалось о трагической гибели двух молодых медиков в Харбине в 1910 году. Но у этой истории были, оказывается, и предыстория, и продолжение...

ЧЁРНЫЙ ФЛАГ НАД ФОРТОМ

В 1898 году на расположенном неподалёку от Кронштадта форте «Александр I», утратившем военное значение, обосновалась Особая лаборатория по заготовлению противочумных препаратов Императорского института экспериментальной медицины. Здесь, изолированные от внешнего мира, жили и работали врачи-исследователи и их помощники. Содержание их исследований тогда не секретилось, но доступ на форт был на всякий случай ограничен — за этим следил живший рядом с врачами жан-дарм.

Работа начиналась в 9 часов утра и

заканчивалась по свистку. В 8 часов вечера массивные ворота форта запирались на ключ. Приступая к работе, сотрудники облачались в брюки и халаты из тонкой прорезиненной материи, надевали на ноги резиновые боты. Одежда и обувь обрабатывались сулемой. Работали в колпаках, масках и перчатках. Общие охранительные меры, препятствующие распространению инфекции за пределы форта, выполнялись неукоснительно, а вот правила личной безопасности исследователи порой не соблюдали в полном объёме. И за это приходилось расплачиваться.

Первой жертвой чумы стал в 1904 году сам заведующий Особой лабораторией В. И. Турчинович-Выжникевич. Как у руководителя, у него была для работы отдельная комната, и он не посвящал сотрудников в свои текущие дела. Как выяснилось позднее, он ставил опасные эксперименты, заражая животных распылением живых разводов чумного микроба. Кроме то-

го, он участвовал в приготовлении чумного токсина, который получали, растирая в ступке замороженные в жидком азоте микробы до состояния эмульсии.

1 января Владислав Иванович уехал по делам в Петербург и вернулся 2-го поздно ночью. На следующий день он несколько раз жаловался, что в столовой холодно. Все врачи да и сам Турчинович-Выжникевич решили, что он простудился, добираясь на лошадях из Ораниенбаума по льду Финского залива. Однако болезнь развивалась бурно. При осмотре рабочей комнаты Турчиновича-Выжникевича коллеги нашли разбитую агатовую ступку, в которой растирались микробы, и 4 января вызвали телеграммой крупного специалиста по чуме Д. К. Заболотного. Консилиум постановил срочно ввести больному противочумную сыворотку, но его состояние не улучшилось.

На следующий день он начал откашливать кровавистую мокроту, в которой оказалось множество чумных бацилл. Противочумную сыворотку несколько раз ввели прямо в плевральную полость. Но хотя наступило временное облегчение, вечером 7 января Турчинович-Выжникевич скончался. Перед смертью он завещал сжечь свой труп во избежание распространения инфекции, избавив своих коллег от необходимости принимать столь тяжкое решение. Благодаря предохранительным прививкам и карантину больше никто не пострадал.

Точно установить причину заражения Турчиновича-Выжникевича не удалось. Однако какую-то оплошность экспериментатор допустил. О случившемся много писали, называя смерть учёного героической. Урна с его прахом до сих пор хранится в Институте экспериментальной медицины.

Прошло несколько лет. В 1907 году жертвой лабораторной чумы стал доктор медицины Мануил Фёдорович Шрейбер. На этот раз было точно известно: заразился он по собственной неосторожности. При работе с чумными микробами обычно использовались пастеровские пипетки, в которых для безопасности в стеклянной трубе сделаны два сужения, закрывавшиеся ватными пробками. Даже если в пипетку попадало слишком много эмульсии и первая ватка оказывалась смоченной, следующее за ней сужение и вторая пробка препятствовали попаданию смертоносной культуры в рот.

Форт «Александр I». Утратив военное значение, он стал идеальным местом для противочумных исследований.

Сотрудники
форты
у гроба
погибшего
от чумы
Турчино-
вича-Выж-
никевича.

Шрейбер определял количество бактериальной массы, которое можно получить, посеяв культуру в пробирке с агаром. Пробирок было много, пастеровские пипетки кончились, и Шрейбер продолжал работу, используя обычные пипетки. Заслышав свисток об окончании рабочего дня, он заторопился, набрал слишком много эмульсии, и она замочила вату. Роковая оплошность усугубилась дальнейшим нарушением строгих правил работы: Шрейбер не ввёл себе противочумную сыворотку. Он только прополоскал рот сулемой и, главное, ничего не сообщил коллегам. Это произошло 12 февраля. В тот же день Шрейбер ездил в Кронштадт и сильно промёрз. 14 февраля он почувствовал недомогание, озноб, ломоту в костях, но приписал это простуде. К вечеру у него поднялась температура под 40°, а на следующий день начала отходить кроваво-гнойная мокрота. Стало яс-

но: у больного чумная пневмония, его перевели в изолированное помещение. Всему персоналу срочно сделали предохранительные прививки, на форте объявили карантин. Ворота были закрыты, и связь с внешним миром только по телефону.

Поздно вечером 17 февраля Шрейбер скончался. На другой день его труп в цинковом гробу перенесли в помещение, где находилась кремационная печь. Участвовавший во вскрытии доктор Л. В. Падлевский работал без перчаток и по окончании печальной процедуры почувствовал жжение в указательном пальце около ногтя, где оказалась заусеница. Падлевский прижёл это место ледяной уксусной кислотой и так же, как Шрейбер, умолчал о случившемся. А ведь он знал о случаях заражения именно через заусеницу! Ночью у него поднялась высокая температура и резко увеличились лимфоузлы в правой

подмышечной впадине: bubonная форма чумы. Благодаря профилактической прививке и своевременно начатому лечению противочумной сывороткой жизнь больного была спасена.

Невольно возникает вопрос: почему учёные, зная смертоносную силу чумных вакцин, недооценили степень риска? Вероятно, со временем притупляется ощущение опасности, и человек теряет бдительность, не верит, что с ним может случиться беда. Вот почему Турчинович-Выжникович и Шрейбер приписали первые симптомы заболевания простуде, а Падлевский принял ломоту в правой руке за мышечную усталость от разгребания снега во дворе.

ЧУМА В МОСКВЕ

После Октябрьской революции лабораторию в Чумном форте закрыли: слишком близко оказалась теперь граница. Бывшего заведующего А. И.

Бердникова перевели в Саратовский университет. По его инициативе в городе был создан краевой противочумный институт «Микроб». Заместитель директора по науке Abram Львович Берлин, организовавший противочумную службу в Монголии, как-то сказал: «Мне надо уходить от чумы. Я к ней слишком привык». Но, к сожалению, не прислушался к интуиции.

В апреле 1939 года Берлин с двумя коллегами испытывал на себе новую вакцину, содержащую не убитый, а живой штамм возбудителей чумы. Эксперимент прошёл удачно, никто не заболел. Вскоре его повторили, опять с успехом, уже девять добровольцев. Abram Львович решил, что он надёжно защищён от чумы. В первых числах декабря он проверял активность новой вакцины, заражая привитых животных распылением чумного токсина. Организация опыта не исключала возможности заражения

экспериментатора. Чтобы убедиться, что всё обошлось благополучно, следовало выждать определённое время. Однако на следующий день Берлин с директором института И. И. Ёлкиным выехал в Москву на заседание коллегии Наркомздрава. Если бы директор знал о непосредственном участии своего заместителя в опасном эксперименте, он наверняка заставил бы его выдержать карантин. К сожалению, Берлин не поставил его об этом в известность.

В Москву Берлин приехал с температурой, но вместо того чтобы забить тревогу, отправился на коллегию. Когда он вернулся в гостиницу, ему стало совсем плохо. Пришлось вызвать врача, который поставил диагноз — крупозная пневмония лёгких. И опять Берлин промолчал, видимо, никак не связывая своё заболевание с недавним экспериментом.

Его отправили в Новоекатерининскую больницу, где ассистент терапевтической клиники С. З. Горелик сразу заподозрил лёгочную чуму. Больного, а с ним и доктора Горелика срочно изолировали. До последнего часа Горелик старался облегчить страдания умирающего, зная, что его ждёт та же участь. Он написал прощальное письмо родным и ещё одно — Сталину с просьбой за арестованного брата, но их сожгли вместе с трупом автора.

Ещё одной жертвой чумы стал больничный парикмахер, заглянувший из любопытства в палату узнать, что за важную персону привезли в легковой машине. Его разыскали уже дома в коммунальной квартире и срочно госпитализировали. Все, кто как-то соприкасался с Берлиным, были посажены на карантин, в том числе и члены коллегии Наркомздрава во главе с наркомом Г. А. Митерёвым.

Новоекатерининскую больницу объявили на военном положении. Поиски тех, кто контактировал с Берлиным, проводились в обстановке строгой секретности. В операцию включились органы НКВД. Когда в квартиру врача, первым осматривавшего Берлина, явились сотрудники органов и предложили следовать за ними без вещей, он решил, что арестован, и только оказавшись в больнице, понял, в чём дело. Говорить о чуме было запрещено, и паники в Москве не возникло.

Почему же не заразились коллеги Берлина, сопровождавшие его в клинику, врач, который осматривал его в

гостинице? В этом сыграл роль фактор времени. У лёгочной чумы есть особенность. Перелом, когда больной становится стопроцентно заразным, происходит мгновенно. Доктор Горелик подключился как раз в это время.

Смерть А. Л. Берлина ещё раз показала: работая с чумой, расслабляться нельзя. Никакие меры предосторожности не будут лишними.

«ОПУБЛИКОВАТЬ ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ»

О Нине Кузьминичне Завьяловой писали неоднократно, воспевая её подвиг самозаражения чумой. Но, как оказалось, никто никогда не спрашивал её, как это было. Пишущая братия лепила образ героини, сознательно пошедшей на риск во имя науки. Коллеги же, не зная истины, зачастую реагировали на эти публикации недоброжелательно. Они не верили, что Завьялова дважды переболела лёгочной чумой. И только недавно опубликованный дневник Нины Кузьминичны внёс ясность в эту трагическую историю. При жизни она не хотела вступать в полемику со скептиками и свои «Записки врача-чумолога» завещала опубликовать посмертно.

Завьялова работала в Монголии. Здесь она заразилась первичной лёгочной чумой от больной, находившейся в бессознательном буйном состоянии. Поднявшись в бреду с постели, больная сумела сломать деревянную щеколду, закрывавшую дверь снаружи. Увидев её безумный взгляд и распушенные, растрёпанные волосы, сторож кинулся за подмогой. У Завьяловой не было времени бежать за противочумным костюмом — больная уже подошла к калитке и собиралась выйти за пределы противочумной станции. За воротами стояли юрты сотрудников. Когда Завьялова вместе с подросшим переводчиком водворяла её в палату и укладывала в постель, женщина вырывалась и плевалась. Один из плевков попал в глаз Завьяловой. Это было 31 августа 1948 года.

Нина Кузьминична немедленно по прямому проводу сообщила правительству в Улан-Батор о предполагаемом заражении и просила прислать врача. Помощи не было четверо суток: в столице ливень размыл взлётную полосу. Предшественница Завьяловой советский врач Е. К. Демидова находилась в 500 километрах и сразу вы-

Врач-чумолог Нина Завьялова, перенёсшая повторное заболевание первичной лёгочной чумой.

ехала для оказания помощи. Однако по дороге сломалась машина, и она трое суток ждала в пустыне Гоби попутку. До её приезда Завьялова лечила себя сама и руководила лечением больных, пока не потеряла сознание.

Из дневника Завьяловой: «Испытываю странное чувство — мне кажется, что от моего сопротивления смерти зависит исход болезни. Как будто не инфекционный процесс решает исход, а моё духовное сопротивление: если я не хочу смерти — я не умру... Обидно, что погибаю не потому, что наука бессильна, а по небрежности начальства. Закончилась противочумная сыворотка. Разве такое допустимо? Четвёртый день борюсь одна!»

Когда наконец прибыла долгожданная помощь, Завьялова была в состоянии тяжёлой депрессии, сменившей буйный бред. Картина болезни осложнилась менингоэнцефалитом, отёком лёгких, микрокардиодистрофией, поражением почек и печени. И всё-таки она выздоровела и после двухмесячного лечения и двухмесячного отпуска вновь приступила к работе.

Больных бубонной чумой с появлением противочумной сыворотки обычно вылечивали, если вводили её в ранние сроки. Больные лёгочной чумой, как правило, погибали. Лишь в середине 40-х годов прошлого века появились редкие случаи излечения. Считалось: у переболевших чумой создаётся иммунитет, однако насколько он продолжителен?

Нина Кузьминична решила проверить это на себе, работая с больными без маски и очков. Её поддерживали советский советник и министр здравоохранения Монголии. Начальник же столичной противочумной станции был против и предупредил: если с ней что-либо случится, его пусть не беспокоят. Однако ещё до того, как первый больной лёгочной чумой посту-

пил на станцию, Завьялова зарази-
лась лабораторным путём. Её посто-
янный помощник был в отъезде, а но-
вый лаборант забыл запробовать
пипетку ватой. Исследовательница
не заметила этого и втянула в рот су-
спензию, которую готовила для зара-
жения животных. Она прополоскала
рот и горло спиртом, но, будучи уве-
ренной в наличии у неё иммунитета, о
возможном заболевании даже не по-
думала.

Вечером у неё немного поднялась
температура, побаливало горло, но
Нина Кузьминична, забыв об утреннем
происшествии в лаборатории, решила:
у неё ангина. Лишь ухудшение состоя-
ния и появление мокроты навели её на
мысль о заражении и повторном забо-
левании. Сообщать о случившемся в
Улан-Батор она, учитывая напряжён-
ные отношения с начальством, не ста-
ла — самоизолировалась в одной из
комнат дома, захватив с собой всё
нужное для диагностики и лечения. В
мазке из мокроты микробов не обна-
ружила, однако посев мокроты на ага-
ровые пластины дал рост колоний
чумной бациллы. Вскоре появились и
чёткие клинические симптомы забо-
левания.

Более лёгкое и короткое течение
болезни показывало: иммунитет со-
здаётся, причём более сильно выра-
жен его антитоксический, а не анти-
бактериальный эффект. В этот раз
у Завьяловой не было тяжёлой ин-
токсикации и связанных с нею редких
нарушений со стороны нервной, сер-
дечно-сосудистой и других систем.
Возможно, если бы она заразилась
у постели больного, вдыхая инфици-
рованный воздух, заболевание вооб-
ще не возникло бы или его картина
была ещё более стёртой. Но доза, ко-
торая попала ей в рот, была слишком
высока.

Тогда далеко не все врачи поверили
в повторное заболевание Завьяловой
первичной лёгочной чумой. Некоторые
сочли это саморекламой. Сейчас уже
хорошо известно, что чума сама по се-
бе не создаёт постоянного иммуните-
та. Есть многочисленные примеры по-
вторного заболевания, подтверждён-
ные бактериологически...

Прошли десятилетия. Созданы но-
вые эффективные вакцины. Медицина
получила мощное оружие в виде анти-
биотиков. Но, как и прежде, исследо-
ватель ни на секунду не должен те-
рять бдительности и всё время по-
мнить о личной безопасности.

ЧЕМУ Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЬ

НАДО НАУЧИТЬСЯ ВИДЕТЬ ЧУДЕСНОЕ

Раньше все события я воспринимал с материалистической точки зре-
ния, всякие необычные способности человеческого организма не ук-
ладывались у меня в голове. Но теперь, на старости лет, задумался
над тем, как же многого мы ещё не знаем!

Долгие годы я проработал на взрывоопасном производстве. Это по-
стоянное напряжение, когда мысли заняты одним: как бы чего не случи-
лось, накладывает неизгладимый отпечаток на душевное состояние,
приводит к вечному беспокойству. К тому же жил я почти на территории
предприятия, в доме для аварийного персонала, что ещё более усилива-
ло это состояние. И вот однажды где-то к полуночи мне вдруг предста-
вилось помещение моего цеха. Вот ёмкость с взрывоопасным продуктом
наполняется всё ближе к предельно допустимому уровню... Через неко-
торое время может произойти катастрофа!

— У меня на работе беспорядок, — говорю я ошеломлённой жене. —
Пойду посмотрю, что там происходит.

Жена испуганно смотрит на меня как на сумасшедшего, но я упрямо
встаю, одеваюсь. Потом снова ложусь, пытаюсь уснуть, понимая: со мной
что-то не то, ведь не могу я видеть на расстоянии... И тем не менее я
снова вижу, как уровень в ёмкости неуклонно повышается... Встаю и
глубокой ночью иду на работу. Спешу, вижу в воображении, что ёмкость
почти полна...

И что вы думаете? Как мне представилось, так и было в действитель-
ности! Ещё несколько минут задержки — и могло случиться непоправи-
мое.

Другой случай. Трижды, с небольшими промежутками, мне снился
один и тот же сон. На предприятии, где я работал, в цехе была душевая
для персонала. И вот во сне ясно вижу, как я вбегаю в душевую, а на по-
лу лежит на спине слесарь Иван Симаков, бледный-пребледный с широ-
ко открытыми глазами. Я спрашиваю: «Иван, что с тобой?» А он как-то
беспомощно смотрит на меня и молчит. Когда сон повторился, я расска-
зал о нём жене, но всё же не придал ему особого значения. Но после то-
го как сон повторился в третий раз, появилось нехорошее предчувствие.

Прошло некоторое время. В один из выходных дней я вспомнил, что
оставил на работе свои конспекты. Решил пойти за ними, благо проход-
ная предприятия находится всего в нескольких минутах ходьбы от дома.
Вхожу в проходную, а вахтёр говорит: «Слушай, у тебя в цехе что-то
случилось. Беги скорее». Мне почему-то сразу вспомнился тот трое-
кратный сон... Я побежал. Вбегаю в душевую: на полу на спине лежит
Иван Симаков, бледный, почти белый, с широко открытыми глазами.
Я спрашиваю: «Иван, что с тобой?» Он ничего не отвечает, только мучи-
тельно смотрит на меня... Произошёл несчастный случай.

И ещё однажды я встретился с необъяснимым. Наташа, точнее Ната-
лия Алексеевна Николаева, жительница небольшого городка, приеха-
ла в Москву к родственнице. Мне отрекомендовали её как человека, на-
делённого паранормальными способностями, хорошую целительницу.
При знакомстве Наташа попросила меня показать мои фотографии.
А дальше начались чудеса. Она назвала день, месяц и год моего рожде-
ния. Потом сказала, что в начале 90-х годов у меня было большое по-
трясение. Действительно, в 1993 году погиб наш сын. Дальше Наташа
правильно определила нарушение кровообращения в моих ногах и пери-
одические спазмы сосудов головного мозга, а также другие болезни. Тем
не менее сказала: «В свои семьдесят лет вы выглядите очень молодо.
Будете долгожителем!»

Я спросил у Наташи, как по фотографии человека можно читать про-
шлого человека, ставить медицинский диагноз. «На мои вопросы мне от-
вечают. Кто — не знаю», — сказала она. Я тут же вспомнил: приблизи-
тельно то же самое говорила и знаменитая прорицательница Ванга.

Вот уж действительно: чудесное окружает нас, и нам надо быть все-
гда начеку, чтобы увидеть его.

Яков ЛАПИН

Несмотря на скорбь по погибшим родственникам, некоторые ленинканцы не удержались от нападения на спасателей, обнаруживших в развалинах драгоценности...

НАСТОЯЩИЙ КЛАД

МЫ НАШЛИ В РАЗВАЛИНАХ УНИВЕРМАГА

7 декабря 1988 года в 11 часов 41 минуту в Армении произошло сильное землетрясение. Были полностью разрушены города Спитак и Ленинакан. 8 декабря по Центральному телевидению в программе «Время» выступил председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, объявивший: народу Армении требуется срочная помощь спасателей. Среди многих откликнувшихся на призыв премьера были члены спелеологического клуба «Гей». Рассказывает участник событий Игорь Всеволодович Черныш...

ИГОРЬ ЧЕРНЫШ

9 декабря к 9 часам утра в Балашихинском горкоме комсомола собрались двенадцать наших самых опытных спелеологов: Дмитрий Малишевский, Александр Киселёв, Виктор Ситин, Дмитрий Зевакин, Дмитрий Волков, Кирилл Бородин, Алексей и Татьяна Пахтусовы, Евгений Бондаренко и Светлана Аппель. Возглавили группу я и Виталий Аппель.

Секретарь горкома немедленно связался по телефону с аэродромом «Чкаловский» с просьбой о нашей отправке в Армению. Фонд молодёжной инициативы горкома выделил деньги на питание, всё остальное — снаряжение, медикаменты и необходимое оборудование — у нас было своё.

Уже через несколько часов мы были в воздухе, а к вечеру наш военно-транс-

портный самолёт приземлился в ереванском аэропорту Звартноц.

Нас неприятно поразило, что никто ничего толком не знал о землетрясении. С трудом мы нашли пункт отправки спасателей в район стихийного бедствия, и через час автобус мчал нас в Ленинакан.

Уже стемнело, когда мы остановились среди развалин полностью разрушенной автостанции. Создавалось впечатление, будто Ленинакан накрыт сизым туманом. Это была пыль, ещё не успевшая осесть после разрушения домов.

Стрелки уличных часов застыли на той самой страшной минуте, когда содрогнулась и вспучилась земля. Возле полуразрушенного здания раздавленный «Москвич». Уличное освещение не работает, и автобусные фары выхватывают из темноты фигуры бесцельно мечущихся людей. Попытки узнать, где

находится штаб спасательных работ, оказываются безрезультатными — никто ничего не знает. С трудом мы нашли так называемый штаб, но, как выяснилось, и там люди ничего не понимают и совершенно подавлены всем происходящим. На вопросы, где нам работать по спасению людей, ответ был один: «Делайте что хотите, начинайте работать на любом здании, мы сами ничего не понимаем в происходящем и не знаем, с чего начать...»

Пришлось полагаться на свою интуицию, которая привела нас к развалинам центрального универсама. Его разрушения ужасны. Три этажа сложились один в один — зрелище не для слабонервных.

Три своих палатки мы разбили в небольшом сквере напротив универсама и сразу же решили приступить к осмотру доступных помещений первого этажа.

Прежде чем начать поисково-спасательные работы, надо было оценить степень разрушения и определить места возможного нахождения людей. Протиснувшись среди висющих бетонных плит и скрученной металлической арматуры, мы попали в торговый зал первого этажа. Лучи налобных фонарей выхватили из темноты бесформенные груды тел с упавшими на них кусками штукатурки. Но, приглядевшись повнимательнее, мы поняли: это манекены, стоявшие когда-то в витринах универсама, а теперь лежавшие на полу среди осколков витринных стёкол. Пробираясь через их бесформенные остатки, вышли к лестницам, ведущим на второй и третий этажи. Вернее, к тому, что когда-то было лестницами. Теперь эти бетонные пролёты сложились один на другой, и то, что мы увидели между ними, просто повергло нас в шок.

Из-под лестничных пролётов виднелись головы,

ноги и руки раздавленных людей. Видимо, когда произошёл первый подземный удар, люди, находившиеся на втором и третьем этажах, бросились на лестницы. В это время стихия нанесла ещё один, более мощный подземный толчок, и лестницы обрушились, увлекая за собой находившихся на них людей. Они погибли практически сразу, и помогать уже было некому. Осмотр первого этажа ничего больше не дал, и было решено проникнуть в другие помещения универсама через отверстия в крыше и между плитами перекрытий. Вот где пригодились наши навыки исследования пещер.

Находим щель между бетонными плитами, грозящими в любой момент осесть, и ребята один за другим протискиваются в неё. Я остаюсь наверху на страховке и связи.

За первые двое суток удалось вытащить двоих живых. Один мужчина был зажат в узком пространстве между бетонных плит. Женщине повезло больше. Она просто оказалась в замкнутом пространстве между перекрытиями и была сильно испугана. До неё добирались несколько часов, разбирая завалы и отгибая искорёженную арматуру.

Тех, кого откапывали мёртвыми, сначала складывали рядом с развалинами для опознания родственниками. Затем неопознанных отвозили на стадион в надежде, что найдутся люди, могущие их опознать. Там они лежали ещё некоторое время. И только после этого покойников хоронили в братских могилах.

Особенно много жертв было в высотных панельных домах. Они сложились как карточные домики, и из-под развалин во многих местах слышались стоны и крики о помощи.

Работали мы по двадцать часов в сутки и только на

два-три часа уходили спать в палатки. Спали не раздеваясь, прямо поверх спальных мешков. Но даже в эти короткие часы уснуть было невозможно — постоянно подходили люди и просили о помощи. Чтобы хоть немного отдохнуть, мы действовали двумя группами. Одна продолжала раскопки в универмаге, другая, мобильная, находилась в лагере в постоянной готовности на тот случай, если к нам обратятся местные жители с просьбой найти и откопать своих родственников или достать из руин личные вещи и документы.

Питьевой воды практически не было, водопровод не работал. Пили только минеральную, которую, как и продукты, привозили два

раза в день. Готовили тоже на минералке. А руки после раскопок мыли пятизвёздочным армянским коньяком!

К началу второго дня стали прибывать группы спасателей из других городов страны и из-за рубежа. Некоторые из них приехали с собаками, обученными поиску людей под завалами.

Зевак из числа местных жителей вокруг разрушенных домов толпилось множество. Но вместо того, чтобы помогать растаскивать завалы, они бессмысленно топтались вокруг спасателей, давая бесполезные советы.

Через день начали расчищать главные улицы и привозить сотни гробов, обитых

материей, просто деревянных и даже из оргалита. Большие — для взрослых и маленькие — для детей. Их складывали штабелями возле уцелевших домов. Они были везде, и это было удручающее зрелище.

Рядом со сквериком, в котором стояли наши палатки, находилась школа. Она была полностью разрушена — погибли все, кто в этот момент был на занятиях в классах, — и дети и учителя. Как потом выяснилось, в живых остался только один человек — директор школы. Он вышел на улицу покурить перед самым землетрясением. От потрясения директор сошёл с ума, стал седым, всё время ходил вокруг школы, обхватив голову руками и что-то бормоча.

Как-то утром из развалин школы послышалось жалобное птичье щебетание. Наверное, это попугаи или канарейки из живого уголка, подумали наши девочки и решили пойти проверить. Через некоторое время из развалин послышался истошный крик. Мы бросились на помощь, но, узнав в чём дело, не смогли удержаться от смеха. Когда девочки шли мимо штабелей с привезёнными гробами, из одного гроба вдруг с крикением начал вылезать человек. Оказалось, что один из оставшихся без крова жителей лёг спать в пустой гроб!

Между тем на раскопках универмага произошло чрезвычайное событие. Была найдена узкая щель

между перекрытиями этажей, куда, с трудом протискиваясь один за другим, проникли трое наших ребят.

Проходят томительные минуты ожидания и наконец из щели показывается голова в каске — это Дима Малишевский. Не вылезая из щели, он просит меня подползти к нему и шёпотом сообщает:

— Попали в ювелирный отдел. Там внутри три открытых сейфа с золотом, деньгами и бриллиантами... А рядом — раздавленный мужчина, видимо, продавец отдела. Он открыл сейфы, чтобы выложить товар перед открытием, и в этот момент на него обрушился потолок...

Так же шёпотом отвечаю Диме:

— Нужна большая картонная коробка. Будете выносить всё, что находится в сейфах, а я буду складывать их в коробки так, чтобы окружающим ничего не было видно.

Внизу под осыпью обрушившейся стены универмага расположилась группа автоматчиков, следящих за порядком и вылавливающих мародёров. Спускаюсь к ним и объясняю обстановку. Они связываются по рации со штабом, и через некоторое время им поступает распоряжение: организовать нашу охрану.

Несмотря на принятые меры предосторожности, известие о найденных ценностях быстро разнеслось среди зевак. Постепенно на некотором удалении собралась большая группа людей. Все они норовят подойти вплотную, но солдаты с автоматами окружают нас со всех сторон и пресекают эти попытки.

Тем временем из щели мне сначала подали в сложенном виде большой картонный ящик, а затем стали передавать драгоценности — перстни, кольца и серьги с драгоценными камнями,

золотые браслеты и кулоны, золотые кубки, запечатанные пачки денег в крупных купюрах.

Через некоторое время, преодолевая завалы, подъехал военный джип, и какой-то человек в штатском попытался подойти к нам. Его остановили солдаты. Он назвал себя представителем правительства Армении и потребовал все ценности немедленно передать ему.

Офицер, возглавлявший группу охраны, связался со штабом, и оттуда поступило распоряжение: никому ничего не отдавать, а руководителю группы спасателей, то есть мне, все ценности сдать в банк Ленинкан, который уцелел во время землетрясения и охранялся военными.

За первой картонной коробкой наполняется вторая, и мы отправляем их под охраной на военном джипе. В это время мне передают последнюю партию драгоценностей — небольшую коробку, полную золотых серёжек и колец с бриллиантами. Машина уже ушла, и мне приходится нести коробку самому под охраной двух автоматчиков. Один идёт впереди, другой — сзади, а на некотором расстоянии от нас молчаливая толпа агрессивно настроенных мужчин. Идти до банка недалеко, всего два квартала, но улица завалена битым кирпичом, разбитыми бетонными плитами. Коробка с бриллиантами, спрятанная на груди под курткой, жгла как огнём — вдруг нападут! Если бы я знал тогда, что у ребят с автоматами в рожках нет ни одного патрона! С облегчением я вздохнул только тогда, когда за нами захлопнулись массивные двери банка. С работниками банка мы составили предварительную опись, заперли всё найденное в один из сейфов и опечатали. Один ключ был у меня, один — у капитана госбезопасности и один — у сотрудника банка. Друг без

Жертвы землетрясения.

Гробы привезли.

друга мы открыть сейф не могли.

К этой минуте о найденных нами ценностях знали уже не только в штабе спасательных работ Ленинакана, но и в Ереване, и в Москве. Находящийся в это время в Ленинанкане Н. И. Рыжков лично распорядился вызвать из Москвы представителя Гохрана, и, когда тот прибыл, решено было отправить все драгоценности в Ереванский Центральный Банк, а затем в Гохран СССР. Для этого военные выделили бронетранспортёр и взвод автоматчиков, а я, капитан КГБ, майор МВД Ленинакана и представитель Гохрана поехали впереди на стареньком «Москвиче», чтобы лично сопровождать ценный груз в Ереван.

Пока заправляли автомашину и грузили инкассаторские мешки с драгоценностями, наступил вечер. Выехали около двадцати трёх часов. Шёл двенадцатый день спасательных работ. Но не успели мы отъехать и на десять километров, как замигал фарами едущий за нашей машиной бронетранспортёр. Остановились, и выяснилось: бронетранспортёр дальше ехать не может, серьёзная поломка. Небольшое совещание — и перегружаем десять инкассаторских мешков в наш автомобиль, в котором, помимо водителя, находились четыре пассажира.

Дальше поехали без охраны. У капитана автомат, у майора пистолет, но воспользоваться ими в случае необходимости практически невозможно — все зажаты мешками с золотом, которые пришлось класть на себя до самого потолка.

Проехали несколько километров, вдруг водитель резко затормозил, выключил зажигание и включил дальний свет. Впереди в свете фар поперёк дороги стояли люди. Когда машина остановилась, они плотной шеренгой, перекрыв всё

шоссе, двинулись нам навстречу.

«Включай зажигание», — требует сидящий на переднем сиденье майор. Но водитель делает вид, что не слышит, а люди в чёрном всё ближе. Позже выяснилось: всё было спланировано заранее. Водители бронетранспортёра и нашего «Москвича», оба местные, были заодно.

Майор, у которого автомат лежал на коленях, упирает ствол в бок водителю, жёстко требует завести двигатель и прорываться на большой скорости по бордюру на раздельительной полосе. По всей вероятности, водитель почувствовал, что это плохо для него кончится, и рванул с места так, что машина выскочила на бордюр и на двух колёсах пронеслась мимо нападавших. Всё произошло так быстро, что даже выстрелы нам вслед показались чем-то нереальным...

В Ереван приехали глубокой ночью. Банк закрыт, на улицах города комендантский час. Так и простояли под дверьми банка до утра. А потом была рутинная работа.

На столах разложили всё, что привезли, и почти 12 часов переписывали драгоценности: название, металл, из которого сделано изделие, и цена, указанная на ценниках. И только поздно вечером нас отвезли в аэропорт, где посадили на военно-транспортный самолёт, улетающий на один из подмосковных военных аэродромов. К тому времени наши ребята, оставшиеся в Ленинанкане, уже были в Балашихе — их по личному указанию Николая Ивановича Рыжкова, пока мы находились в банке, отправили домой также военно-транспортным самолётом.

Так закончились для нашей группы спасательные работы и ленинанканская золотая эпопея. ■

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ПРИЕХАЛА КОЛЯСКА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Помню, раз летом мы, дети, с гувернантками, учителями сидели в столовой за утренним завтраком. Было 8 часов. Вдруг послышался скрежет колёс о гравий в воротах. Все окна были открыты. Мы были очень строго воспитаны, и никто из нас никогда не смел вставать из-за стола без специального разрешения. Но приезд коляски в такое время был так необыкновенен, что, несмотря на крики гувернанток, моя старшая сестра и я вскочили и бросились в картинную галерею, откуда был виден проезд от ворот почти что до главного подъезда; мы ни слова не сказали, а просто побежали.

По двору ехала маленькая коляска с коренником и одной пристяжкой. На облучке сидел кучер и в коляске какой-то господин. Мы ни коляску, ни лошадей, ни кучера не узнали. Заинтригованные гувернантки кричали нам: «Кто это приехал?»

Мы бросились через залу, синюю столовую к главной лестнице и через прихожую к главным дверям и остановились в недоумении. Там никого не было. Не было и следов коляски на чистом песке. Сестра и я не могли понять: чья это могла быть коляска и куда она исчезла, не оставив никаких следов? Когда мы вернулись в столовую, все нас стали спрашивать, кто приехал. «Никто не приехал». — «Как никто, мы все слышали подъезжающий экипаж». Они нам не поверили, и, забыв наше непослушание, все пошли смотреть несуществующие следы. Их слышали также горничная Анна и дворецкий Максим.

Как ни странно, я в подробностях помню до сих пор и коляску, и сбрую, и т. д. Единственное, что не помню, это господина, который сидел в коляске. Подробности и мои, и сестры были совершенно одинаковые.

Все те, кто слышал про коляску, охали и ахали, говоря, что это плохое предзнаменование. Но абсолютно ничего не случилось, разве что революция шесть лет спустя.

Мне рассказывала тётя Наташа Фредерикс, что в 1878 году, когда пришло известие в Петербург о перемирии в Турецкую войну, Стенбок-Ферморы дали бал, чтобы это отпраздновать. Муж был на войне под Адрианополем. Вдруг камердинер вошёл в залу и донёс графине, что приехал граф. Через несколько минут дверь открылась и вошёл Стенбок-Фермор в сильно запylённой шинели, улыбнулся гостям, махнул рукой и прошёл в частную часть дома. Жена сейчас же побежала за ним. Он вошёл в спальню детей, посмотрел на них, улыбаясь, и вдруг исчез. Через день пришла телеграмма, что он был убит под Адрианополем именно в это время какими-то турками, которые не слышали о перемирии. Его видели масса народу и отец тёти Наташи.

Из книги Н. В. Волкова-Муромцева «Юность»
Прислал В. Бакунин
г. Чернушка Пермской обл.

ДВА САПОГА — ПАРА

За последние годы московские археологи нашли десятки тысяч фрагментов кожаной обуви наших предков. Сейчас они просмотрены и классифицированы. Первый вывод — средний размер ноги мужчин соответствует современному 27 (42) размеру. Следовательно, большинство москвичей в XIII и XIV веках были ростом около 173 сантиметров. Как раз в это время самой ходовой обувью стали сапоги. На подметки шла толстая бычья кожа, а верх шили из мягких сортов. Каблук

делали из дерева. У бедного люда обувка была простая, а для богатых — с украшениями из бронзовой проволоки. Долгое время различий между правой и левой ногой не было. Сапоги разного покроя появились лишь в начале XVI века.

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ТРОЕЧЕК

В Белорусском национальном архиве обнаружили школьный журнал класса, в котором обучался Марк Шагал. Гимназические учителя ставили ему невысокие оценки по многим предметам, хуже же всего дело обстояло с рисованием. Больше «тройки» он никогда не получал. Домики у него были кривые, а срисовать гипсовую голову будущей живописец вообще не смог. Примечательно, что в Петербурге Шагала не приняли в училище искусств барона Штиглица за неумение изобразить

несложный узор. В 35 лет Марк выехал за рубеж, где иначе смотрели на кривые здания и полуплоскую перспективу. В Париже ловкий бездарь объявил себя противником реализма и сторонником иррационализма. Там его и прославили как графика и иллюстратора Библии — такие же неумехи рисовать, как и он сам.

ФОТОГРАФИЯ АЙСБЕРГА, ПОТОПИВШЕГО «ТИТАНИК»

Такие находки случаются крайне редко. На одном из аукционов недавно был продан уникальный снимок — крупный айсберг, торчащий из воды. Что же тут удивительного? Оказывается: это та самая льдина, которая утопила океанский лайнер «Титаник» в 1912 году. Снимок сделал шесть дней спустя после трагедии матрос С. Рехорек с германского парохода «Бремен», шедшего в Нью-Йорк. Немец сделал со своего негатива всего четыре отпечатка, три из них потеряны.

ЛИПОВЫЕ ПОДСОЛНУХИ

Несколько лет назад японский богач приобрёл на аукционе в Лондоне знаменитое полотно Ван Гога «Подсолнухи». Эксперты выдали справку о подлинности картины, а японец — чек на 24 миллиона фунтов. Сегодня искусствоведы нашли веские доказательства того, что картина фальшивая. Она изготовлена в 1935 году парижским художником Шаффензкером, которого ещё тогда считали ловким мошенником. Японец остался по-восточному невозмутимым. Картина так и висит у него в кабинете.

В последние годы всё больше западных коллекционеров начали собирать русскую икону. Оказывается, в отличие от полотна импрессионистов и модернистов её практически невозможно подделать. Поговаривают, что японский любитель Ван Гога тоже склоняется заняться этим.

ЛЕВША ИЗ ГОРОДА АЛЕКСИН

Первыми микроминиатюристами были древние греки. Скульптор Мирмекин выковал из меди колесницу с четвёркой лошадей. Шедевр был меньше мухи. Современные левши пишут стихи на маковых зёрнышках, создают из бронзы замочки размером с головку спички. Токарь Николай Алдунин усердствовал два года, чтобы повторить подвиг тульского умельца. Сперва он изготовил двухмиллиметровую блоху из золота, а затем подковал её. Поступили предложения от музеев и частных лиц купить диловинку. Мастер не против, ибо ему нужны деньги на второй замысел — сделать насекомое ещё меньших размеров, оснастить его механизмом, с которым оно сможет прыгать даже с подкованными лапками, что, как известно, английской блохе из лесковского Левши оказалось не по силам.

МОНИКА ОТКРЫВАЕТ ГЕНЕТИЧЕСКУЮ ЛАВОЧКУ

Моника Левински сравнима по жажде славы с античным Геростратом. После своих скандальных походов по коридорам

Белого дома она издала об этом книгу, затем занялась пошивом платьев, правда, без особого успеха. Недавно её имя вновь замелькало на страницах газет. Моника объявила, что собирается открыть своё дело. На этот раз Левински собирается заняться генетикой. «Пятна на моём платье, которые оставил

президент, — заявила она, — станут прекрасным материалом для клонирования Клинтон. От заказов не будет отбоя. Ведь он был оптимистом, хорошим политиком, спортивно развитым мужчиной. ДНК превосходно сохранились, и в недалёком будущем каждая желающая американка сможет заказать себе малыша Билла». Увы, это вполне возможно, ибо в США вскоре клонирование человека разрешат официально.

МУССОЛИНИ И ЭТРУСКИ

В архиве итальянской провинции Эмилия обнаружена записка Муссолини к директору департамента древностей Венеции, датированная 1920 годом. В ней Дуче обещал тратить на археологию не меньше средств, чем на вооружение и обучение чернорубашечников. Парадоксально, но глава итальянских фашистов сдержал своё слово — он выделял немалые средства на исторические исследования вплоть до 1935 года. Все они пошли на раскопки на берегах реки По, где были обнаружены некрополи этрусков. Находок оказалось так много, что под них отдали дворец, построенный в эпоху Возрождения герцогом Людовиком Сфорца. Сейчас это лучший музей этруского искусства в Европе. Правда, сам диктатор рассчитывал на совсем другие находки, на те, что покажут величие Древнего Рима, славу которого он пытался возродить, проводя свой политический курс.

ЛИТВА ОБЗАВЕЛАСЬ ГЛАВНЫМ ЯЗЫЧЕСКИМ ЖРЕЦОМ

В центре Вильнюса на горе Гедиминаса состоялась странная церемония. Некий Тринкунас был выбран Кривисом — Верховным жрецом. Ему вручили знаки принадлежности сана — жезл, символы Солнца и огня. После разожжения ритуального костра и жертвоприношений прозвучали древние песнопения. Присутствовали депутаты

парламента, поддерживающие возвращение Литвы к язычеству как первоисточнику национальной культуры. Недавно за-

регистрирована организация «Ромуна» — центр истинной балтийской религии. Поставлен вопрос о внесении в конституцию поправок, дабы придать языческому культам статус традиционных. Интересно, что практически вся пресса приветствовала возвращение страны к многобожию спустя 600 лет после крещения и, кстати, накануне вступления в НАТО.

ЗАКОНЫ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПАНЕЛИ

Суд, прошедший в Турине, можно было бы воспринять как забавный курьёз, но, оказываясь, это закономерное, хотя и странное для нас явление в рамках капиталистической конкуренции. По иску панельных проституток судили некую Монику за то, что она снизила плату за свои услуги в семь раз. Проступок попал под статью закона, гласящего: вытеснение с рынка конкурентов резким снижением расценок — преступление. Моника попала за решётку. Примечательно: суд над жрицей любви совпал с разбирательством дела фирмы, выпускающей шариковые ручки. Она снизила цены всего в два раза. По иску других компаний такая самостоятельность признана мошенничеством с

целью создания нездоровой конкуренции...

САМЫЙ КРУПНЫЙ МЕТЕОРИТ ВЗЯТ ПОД ОХРАНУ

Близ китайского города Сиянь геологи нашли метеорит весьма солидных размеров. Его вес — 2 миллиона тонн. Среди местных жителей он издавна считался «железным холмом». Высота небесного пришельца 120 метров, и состоит он из силикатов, железа и никеля. Монолит сохранился потому, что упал на рыхлую поверхность из гранитной крошки. Теперь «холм» получил статус самого большого метеорита в Азии. Сейчас учёные заняты определением времени его столкновения с Землёй. Район вокруг объявлен заповедным, отбивать куски метеорита запрещено. Раньше местные крестьяне продавали осколки от него как амулеты и лечебное средство от многих болезней.

ГДЕ ПОГИБЛИ ПОСЛЕДНИЕ МАМОНТЫ?

Вымирание мамонтов из-за похолодания климата было постепенным. Зоологи считали последним прибежищем этих гигантов сперва Канаду, а затем Сибирь, где обнаружены массовые скопления не только костей, но и замороженных туш. Процесс начался 40 тысяч лет назад. А когда он завершился? Шведские палеонтологи исследовали костяки мамонтов, найденных недавно в Эстонии и Финляндии. Эти экзemplары пережили ледниковый период и скончались от старости примерно 9 тысяч лет назад. На сегодняшний день — это самые «молодые» из пращуров слона. Но не исключено, считают шведы, где-то могут быть костяки животных, умерших всего 5—6 тысяч лет назад. Сейчас поиском их и занимается международная экспедиция в Лапландии.

МАЗЬ ОКАЗАЛАСЬ НЕКАЧЕСТВЕННОЙ

Член племени анеобига из Ганы согласился испытать на себе магическую мазь, которая должна была сделать его тело неуязвимым для стрел. Соплеменники обмазали храбреца надобьем с головы до ног, поставили у дерева и открыли огонь из луков. Результат оказался плачевным — молодой охотник погиб, пронзённый десятками стрел. Однако в тот день состоялись две похоронные церемонии — на костре также сожгли мага за изготовление плохого средства. Перед казнью он обещал усовершенствовать свою мазь, но ему не поверили. Власти не начали судебного дела по факту двойно-

го убийства, ибо во многих племенах на территории Ганы до сих пор существуют не менее сомнительные суеверия. К примеру, настой из волос лесной обезьяны считается у них лекарством от тропической лихорадки, хотя ещё никто от этого «бальзама» не вылечился...

ОСТРОВ, ВОССОЗДАННЫЙ ЗАНОВО

Японцы, обеспокоенные тем, что необитаемый островок Окиноторосима ушёл под воду и превращён океанскими волнами в подводные рифы, разработали проект его восстановления. Клочок суши, расположенный на 2000 км к югу от Токио, весьма важен. Если он вновь появится над поверхнос-

тью моря, то Япония сохранит право на экономическую зону вокруг него. Один квадратный километр грунта обеспечит ей 400 тысяч кв. км океана, где можно ловить рыбу и не пускать туда других. Вот почему риф укрепляют стальными сваями и железобетонными плитами, завозят на него песок и землю. Задумана и лагуна, куда смогут заходить сейнеры и траулеры. Обновлённый островок снабдят и тропической растительностью.

ВОТ И ВЕРЬ ПОСЛЕ ЭТОГО ЛЮДЯМ...

Давно известно: реклама зачастую попросту оболванивает обывателя. Он бросается покупать то, что ему совсем и не нужно. И часто наталкивается на явные фальшивки. Норвежские социологи пришли к выводу, что непрерывное мелькание на экранах рекламных роликов приводит людей к потере объективных оценок товара. Чтобы проверить этот факт, специалисты из Осло разместили на ТВ следующий призывно-рекламный текст: «Спешите! Появилось чудо из США — препарат «Лириум». Он избавляет от плешивости, помогает при воспалении лёгких и изжоге. Кроме того, его добавка в бензобак вашего авто снизит расход топлива на 15%». Несмотря на полную нелепицу рекламы, заявки на «чудо» посыпались как из Норвегии, так и из других Скандинавских стран.

УНЕСЁННЫЕ МОРЕМ

Это алмазы, которые пилот Нидерландской авиакомпания Иван Смирнов должен был доставить в австралийский банк

Русский лётчик-истребитель Первой мировой войны, одержавший 11 воздушных побед, капитан Иван Васильевич Смирнов вполне мог рассчитывать на самые высокие командные посты в авиации Советской России. Однако, не приняв революцию, он предпочёл эмиграцию. Уехав с Родины в начале 1918 года, лётчик вступил в Славяно-британский авиационный легион, сражавшийся с красными под Архангельском. Но вскоре он разочаровался и в Белом движении. Некоторое время он служил инструктором в Английских Королевских военно-воздушных силах, а в 1922 году ушёл в гражданскую авиацию и стал пилотом Королевской Нидерландской авиакомпании.

Смирнов летал практически на всех европейских и азиатских воздушных трассах. В конце концов он обосновался в голландской колонии — Индонезии. Когда в начале Второй мировой войны немцы оккупировали Нидерланды, тихоокеанские колонии этой страны перешли под контроль Англии.

В декабре 1941 года Япония вступила в войну против США и Великобритании. Самураи стремительно овладели всей Юго-Восточной Азией и выса-

дились на островах Индонезийского архипелага. Союзники терпели одно поражение за другим, а местные европейцы в ужасе перед «жёлтым нашествием» торопились перебраться в Австралию.

Весной 1942 года Смирнов участвовал в эвакуации персонала и имущества Нидерландской авиакомпании с острова Ява. 3 марта 1942 года, за три дня до оккупации острова японскими войсками, его транспортный DC-3 покинул Бандунг и взял курс на зелёный материк.

Перед самым вылетом управляющий аэродромом господин Вайс вручил Смирнову запечатанную коробку из-под сигар. Не сообщив лётчику о содержимом посылки, он приказал не спускать с неё глаз. Пакет следовало передать представителям австралийского банка в Бруме. Смирнов кивнул и положил бандероль в ящик с медикаментами.

На борту DC-3, кроме экипажа, находились ещё девять пассажиров, среди них женщина с полуторагодовалым ребёнком. На рассвете самолёт достиг австралийского побережья, но при подлёте к Бруму был атакован тремя японскими истребителями. Иван получил

ранения в руку и бедро, некоторые пассажиры тоже были ранены. Чтобы уйти из-под обстрела, Смирнов вспомнил свою боевую молодость и послал машину в крутое пики. Только у самой земли он перевёл её в горизонтальный полёт, но тут вспыхнул один из двигателей. И снова пилот оказался на высоте. Он сумел посадить аэроплан на берег океана так, что фюзеляж его оказался на суше, а горящий мотор — в воде, прекратившей пожар.

После того как японские истребители скрылись из виду, радист передал в эфир сигналы SOS, а находящийся на борту чиновник авиакомпании Ван Рамонд начал с разрешения Смирнова выносить из DC-3 почту и документы. Именно тогда, говорил потом Иван Васильевич, он и передал чиновнику таинственную бандероль. Но в тот момент, когда Ван Рамонд выбирался из самолёта, нахлынула волна и вырвала у него из рук несколько пакетов, на что в столь драматической ситуации никто не обратил внимания.

Уцелевшие члены экипажа и пассажиры из парашютов соорудили палатку для раненых. Смирнов послал двух человек на поиски пресной воды. Однако

посланцы вернулись ни с чем. В тот же вечер умерли мать ребёнка и ещё один пассажир. На следующее утро скончался от ран второй пилот. Спустя сутки Иван Васильевич отправил четырёх добровольцев в Брум.

К счастью, оказалось, что один абориген видел, как на побережье упал аэроплан. Подойти к нему он побоялся, но сообщил об увиденном властям в бухте Гончая. 6 марта над лагерем появился самолёт, сбросивший продовольствие, медикаменты и записку, в которой говорилось: группа спасения прибывает на место катастрофы к вечеру.

К моменту появления спасателей скончались младенец и его отец. Уцелевших участников злополучного рейса доставили в бухту Гончая, а оттуда — в Брум.

Через некоторое время Смирнова привезли в Мельбурн, где он предстал перед следователем по особо важным делам и представителем Государственного банка. Они потребовали сообщить местонахождение запечатанной коробки. Смирнов изложил им свою версию: бан-

Иван Смирнов среди лётчиков Славяно-британского авиакорпуса. 1918 год.

дероль скорее всего была унесена волнами при разгрузке. Вызвали Ван Рамонда, который подтвердил, что часть пакетов действительно смыло, но удостовериться тот факт, что среди них находилась и злополучная посылка, он не мог.

Скорее всего версия пилота была бы принята следствием и дело попросту бы закрыли. Но этому помешало одно обстоятельство. Вскоре после допроса лётчика известный всему Бруму бродяга Джек Палмер, участвовавший в спасении экипажа DC-3, неожиданно явился в комендатуру и объявил о своём намерении вступить в армию. Обрадованный и удивлённый патриотизмом отщепенца комендант Гибсон решил лично посетить его. Во время беседы с новоявленным добровольцем он случайно опрокинул солонку. Из неё вместе с солью на стол высыпались алмазы! Дело получило широкую огласку. Тут-то и выяснилось, что в сигарной коробке, вручённой Смирнову, находилось 300 граммов драгоценных камней. Палмер тут же попал под следствие. Предполагалось, что он похитил драгоценную бандероль, участвуя в спасении экипажа и пассажиров самолёта. Эта версия была вполне правдоподобной, тем более что бродяга уже не раз попадался на воровстве. Однако тот упорно отрицал свою причастность к пропаже государственных ценностей. Алмазы стоимостью в 10 миллионов долларов исчезли бесследно.

Несмотря на трудности военного и послевоенного времени, следствие тянулось ещё несколько лет. Детективы безуспешно продолжали «пасти» трёх подозреваемых — Палмера, Ван Рамонда и Смирнова, но их скромный образ жизни, казалось, отменял саму возможность обладания какими-либо сокровищами.

Иван Васильевич продолжал работать в авиации до 1949 года, после вышел на пенсию. Скончался он 23 октября 1959 года в католической клинике на острове Майорка, ненадолго пережив других участников этой истории. Только после смерти Смирнова сыщики закрыли дело о пропаже драгоценных камней. Поскольку алмазы так и не были найдены, следствие в конце концов признало их унесёнными морем.

СЕРГЕЙ
ДЁМКИН

ЧЕРЕП-УБИЙЦА

Спустя шесть лет после смерти жена мстит убитому её мужу

Сегодня многие учёные признают: у человека есть энергоинформационная сущность — душа. После смерти тела она не исчезает, а продолжает жить в тонком мире. Там душа бесплотна и в то же время материальна. Просто это другой вид материи, но состоящий из тех же квантовых частиц, что и наш земной материальный мир. Сущность наделена энергией, которая может воздействовать на события в нашем мире. Более того, исследователи паранормальных явлений обнаружили любопытный феномен — «некротический контакт». Похоже, между энергетической сущностью умершего человека и принадлежавшими ему вещами возникает информационная связь. Для пребывающей в тонком мире души эти предметы служат антеннами-ретрансляторами её волнового излучения. Особенно же сильной бывает такая связь с костными останками умершего. Наглядной иллюстрацией подобного «некротического контакта» может послужить случай, произошедший в Калифорнии.

В полицию Глендейла позвонил некий Том Пентон, сказал, что он только что совершил убийство, и назвал адрес. Приехавшие на место преступления детективы М. Дуглас и Дж. Росс были изумлены орудием убийства — человеческим черепом. На нём запеклась кровь, а сам он треснул после того, как Пентон несколько раз с большой силой ударил им по голове жертвы. Тело убитого так и осталось сидеть в кресле за письменным столом, а на залитом кровью лице застыла гримаса то ли смеха, то ли предсмертной судороги.

Необычно выглядел и кабинет, в котором произошло убийство. Это была просторная комната, три стены которой занимали высокие, от пола до потолка, стеллажи. Два из них были устав-

лены толстенными томами, а третий отведён под выставку образцов примитивного мексиканского искусства: глиняные статуэтки, маски, посуда. Перед стеллажом стоял массивный письменный стол, заваленный забрызганными кровью бумагами. Метрах в трёх напротив него — стол поскромнее, на нём только компьютер и диктофон. Опрокинутый стул свидетельствовал: сидевший за столом убийца бросился на свою жертву в состоянии аффекта.

Осмотрев кабинет, детективы перешли в гостиную, где под охраной патрульного, сложив руки на коленях, сидел на диване Том Пентон — худощавый мужчина лет сорока с узким лицом и редкими волосами. Он смотрел прямо перед собой, часто моргая близорукими глазами за толстыми стёклами очков,

и выглядел совершенно безобидным.

— Это вы звонили в полицию и заявили, что убили Криса Веберна? — спросил детектив Росс.

— Да, — бесстрастно подтвердил очкарик.

— Почему?

— Он угрожал мне.

— Не хотите ли рассказать подробнее, как это произошло? Если желаете, можно вызвать адвоката.

— Мне нечего скрывать, поэтому адвокат не нужен, — тихим, спокойным голосом начал рассказывать Пентон. — Сначала у меня была мысль подстроить всё так, будто это дело рук случайного грабителя. Но врать я не умею. А кроме того, после случившегося мне абсолютно безразлично, что со мной будет.

— Почему вы выбрали в качестве орудия убийства

череп? Кстати, где вы его взяли?

Пентон зажмурился, сделал судорожный глоток, но тут же снова открыл глаза и, глядя куда-то в пустоту, произнёс безжизненным голосом:

— Я взял его со стеллажа позади письменного стола Веберна. Когда я ударил его, он как раз сидел за столом.

— Вы хотите сказать, что он держал человеческий череп у всех на виду в своём кабинете? — недоверчиво покачал головой детектив Дуглас. — На кой чёрт?

— У него было специфическое чувство юмора. Ему нравилось шокировать своих посетителей. Кроме того, Веберн утверждал: этот череп для него напоминание о том, что все мы смертны.

— Довольно мрачно думать об этом каждый день.

— Крис Веберн был очень хладнокровным человеком и ничего не боялся. А смерть в каком-то смысле была его жизнью, поскольку он изучал исчезнувшие цивилизации.

— Нельзя ли поподробнее, — попросил детектив Росс.

— Веберн был антропологом новой формации, умевшим зарабатывать деньги на своих открытиях. После того как он опубликовал несколько интереснейших монографий о культуре народов Центральной Америки доколумбовой эпохи, на него посыпались приглашения выступить с лекциями от различных университетов. А за них хорошо платили.

— Вы работали у него секретарём на полной ставке? — решил сменить тему Дуглас.

— Да, я помогал ему в исследованиях, сопровождал в экспедициях на Юкатан и в другие районы Мексики, редактировал его заметки, печатал рукописи, вёл деловую переписку.

— И как давно?

— Восемь лет.

— Живёте здесь?

— Да. У меня комната в южном крыле дома.

— Кто-нибудь ещё, кроме хозяина и вас, живёт здесь?

— Нет. Рейчел, жена Веберна, ушла от него несколько лет назад. А других близких родственников у него нет.

— Вы спланировали убийство вашего шефа заранее? — вмешался Росс.

— Нет. До сегодняшнего дня у меня и мысли не возникало убивать его.

— Тогда что же толкнуло вас на убийство?

Пентон надолго замолчал, а потом, запинаясь, сказал, что детективы всё равно не поверят, поэтому пусть считают, будто он сделал это в припадке беспричинной ярости. Росс и Дуглас принялись убеждать, что у них нет причин не верить ему, а признание облегчит его вину. В конце концов Пентон сдался.

— Вчера я получил письмо от одного из ведущих антропологов, который предлагал мне стать его личным секретарём, обещая солидную прибавку к моему нынешнему жалованью. Я тщательно всё обдумал и пришёл к выводу: отказываться от такой удачи было бы глупо. Но, когда я сообщил о своём решении Веберну, тот категорически отказался отпустить меня, говоря, что не может быть уверен в моём молчании. И даже пригрозил предпринять «определённые шаги».

— А о чём вы должны молчать?

— О том, что случилось шесть лет назад. О смерти его жены и её любовника на вилле Веберна в Сан-Вэлли.

— Но ведь вы только что говорили, что она от него ушла?

— Я солгал. На самом деле Рейчел и её любовник отравились газом. Дело было в сентябре. В то утро Веберн вдруг решил отправиться на виллу, где в то время была его жена.

Он выехал около семи часов утра, а я последовал за ним часа через два, поскольку нужно было закончить здесь кое-какие дела. Приехав на виллу, я застал Веберна в обществе двух голых

трупов, лежавших в кровати. Это были Рейчел и неизвестный мужчина. Крис сказал, что обнаружил их в таком виде. По его словам, в комнате было нечем дышать из-за газа. Очевидно, любовники включили на ночь обогреватель, который оказался неисправен.

— И вы в это поверили?

— Да, тем более что был в шоке. Никогда бы не подумал, что Рейчел способна изменять мужу.

— А как вёл себя Веберн?

— Сдержанно, хотя очень переживал. Но когда я предложил вызвать полицию, он и слушать не стал. Не хватало, мол, чтобы его репутация и научная карьера полетели к чёрту из-за шумихи, которую поднимут бульварные газетёнки. Когда я спросил, что же делать, он сказал: нам самим нужно избавиться от трупов. А чтобы объяснить исчезновение Рейчел, он скажет, будто они не сошлись характерами и она от него ушла. Уехала к своим родственникам в Бостон. Эта версия выглядела вполне правдоподобной из-за разницы в возрасте, а близких подруг у Рейчел здесь не было. И Веберн не ошибся: ему поверили.

— И вы согласились участвовать во всём этом?

— А что мне ещё оставалось? — пожал плечами Пентон. — Я не могу похвастаться твёрдым характером. К тому же в то время я целиком верил Веберну. Мы перевезли трупы на скалистый берег озера, сбросили их в расселину и засыпали камнями.

— Следовательно, вы хранили эту тайну целых шесть лет, — подытожил Росс. — Но сегодня утром произошло нечто такое, что побудило вас убить Веберна?

— Да. Когда я сказал о своём намерении уйти от него, он заявил, что не выпустит меня отсюда живым, а поступит так же, как с Рейчел и её любовником.

— Значит, они погибли не в результате несчастного случая?

— Веберн признался, что застал их в постели вполне живыми и убил. Но спрятать трупы до моего приезда не успел и придумал историю с газом. По словам Криса, если бы я в неё не поверил и не согласился помочь ему, он тогда же разделался бы и со мной.

— А когда вы узнали правду, а он стал угрожать вам смертью, то потеряли контроль над собой и прикончили его? Но почему вы ударили Веберна именно черепом? Ведь это не самый подходящий предмет, чтобы проломить человеку голову.

— Я говорил, что вы не поверите, но меня заставил сам череп. Он появился пять лет назад. Веберн сказал, будто раздобыл его в Мексике. После того как череп был поставлен на полку в стеллаже напротив, он целыми днями смотрел на меня своими пустыми глазницами. Через какое-то время мне вдруг захотелось убить Веберна. Год за годом я старался прогнать эту навязчивую мысль, но она упорно возвращалась.

Сегодня утром, когда Крис признался в убийстве, я взглянул на череп и... увидел лицо Рейчел. «Убей его!» — потребовала она. Тогда я подошёл к стеллажу, взял череп и спросил: «Это она?» Веберн издевательски захохотал и ответил: «Да, ты правильно догадался, это — Рейчел. Через год я вернулся к той расселине и откопал её череп». Он ещё что-то говорил, но я уже не слышал. Череп жёг мне руки, и я стал бить им по голове убитых.

Дальнейшее расследование показало, что Том Пентон рассказал правду относительно убийства Веберном своей жены и её любовника. Сам Пентон был обвинён в убийстве второй степени, совершённом в состоянии аффекта, и приговорён к тюремному заключению. История с черепом на суде не фигурировала, поскольку выходила за рамки юриспруденции. ■

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЛУЧШИЙ ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОСТИ

Основан
Василием Захарченко
в 1991 году

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! НАПОМИНАЕМ!

Нашего журнала
в розничной продаже нет.
Не забудьте подписаться
на 2-е полугодие
2003 года!

Наши индексы:
71083 — для индивидуальных
подписчиков,
73492 — для предприятий
и организаций
в объединённом каталоге
«ПРЕССА РОССИИ»,
81086 — для библиотек
в каталоге Роспечати
«Газеты. Журналы», 1 часть
(пересылка бандеролью).

Москвичам советуем
подписаться
по каталогу Моспочтамта
или в редакции.

Адрес редакции:
119019, Москва,
пер. Сивцев Вражек, 7/17.
Тел./факс: 203-32-94.

ЧИТАЯ ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Продолжается продажа
сборника лучших материалов
нашего журнала за десять лет
«ЧИТАЯ «ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ»,
вышедшего в 2001 году
к юбилею журнала.

Чтобы приобрести этот сборник,
надо перевести 90 рублей
в Московское отделение
Сбербанка по указанным на
образце реквизитам, обязательно
указав на обороте фамилию, имя,
отчество, индекс и адрес,
по которому должна быть
доставлена книга.
Перевести деньги можно либо
через любое отделение
Сбербанка, воспользовавшись
бланком Форма № ПД-4,
либо почтовым
переводом
в любом отделении связи.
Книга высылается заказной
бандеролью.

Москвичи могут приобрести
сборник непосредственно в
редакции по адресу: Москва,
переулок Сивцев Вражек, 7/17.

По всем вопросам звонить
в редакцию журнала
«Чудеса и приключения»
по телефону (095) 203-32-94.

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «ДЕСНИЦА»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703005380

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810338290101598

(номер счета получателя платежа)

В Сбербанке России г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

Стромынское ОСБ 5281

к/с 30101810400000000225

БИК 044525225

За сборник «Читая «Чудеса и приключения»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: 90 руб. 00 коп.

Кассир

Платательщик (подпись) _____

Извещение

ЗАО «ДЕСНИЦА»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703005380

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810338290101598

(номер счета получателя платежа)

В Сбербанке России г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

Стромынское ОСБ 5281

к/с 30101810400000000225

БИК 044525225

За сборник «Читая «Чудеса и приключения»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: 90 руб. 00 коп.

Кассир

Платательщик (подпись) _____

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ. Люди, события, факты. 2-е изд. СПб.: Логос, 2001. 592 с. 3000 экз.

В книге изложены исторические события и факты, памятные даты и краткие биографии известных лиц, связанных с историей нашего государства.

В. Плужников, Р. Агеева, С. Илевич, М. Юмжапова. 10 ЯЗЫКОВ — 350 ТЕРМИНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. М., 2002. 184 с. 500 экз.

Книга для специалистов в области культурного наследия, которые владеют архитектурной терминологией, связаны с зарубежными коллегами и работают с документами или литературой на других языках.

Роман Романов. ТЕОРИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. М.: Звонница-М, 2003. 128 с. 1000 экз.

Автор высказывает постулаты строения и движения частиц в механизме атома.

Н. Н. Чежин. НЕБЕСНЫЕ КОНСТРУКТОРЫ. 151 с.

В рукописи пока ещё не изданной книги автор предлагает собственную гипотезу происхождения Вселенной, которая по-новому объясняет физические, астрономические и климатические факты на Земле.

Евгений Крюков. СЛЕД ДОБРА. Стихи. Волгоград, 1999. 192 с.

В шестой книге стихов представлены разные по содержанию произведения: лирика, политическая сатира, этюды и стихи для детей.

Евгений Лебков. ЕСУЕТА. Рассказы—эссе, казусы—напридумки. П. Углекаменск, 2002. 144 с. 150 экз.

Подборка рассказов, написанных в разные годы приморским автором.

Ф. Б. Бакшт. ЗЕМЛЯ — НАШ ДОМ. ЭКОЛОГИЯ И ФИЛАТЕЛИЯ. МАРКИ РАССКАЗЫВАЮТ О НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ. Красноярск, 2000. 312 с. (серия «Земля — наш дом»). 3000 экз.

Эколого-геологическая панорама истории Земли, запечатлённая в марках 153 стран мира. Сувенирный альбом адресован в первую очередь тем, кто интересуется экологией, филателией, геологией, геофизикой, географией и космонавтикой.

Н. А. Черкашин. ТАЙНЫ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ. М.: Вече, 2002. 544 с. 7000 экз.

Известный писатель-маринист рассказывает о кораблях, погибших в мирное время (от «Императрицы Марии» до «Курска»).

Л. А. Барыкина. СВИРЕЛЬ НА ЛУГУ. М.: Мол. гвардия, 2002. 144 с. (Б-ка лирической поэзии «Золотой жираф»). 1000 экз.

Написанные в основном в последнее пятилетие стихотворения Людмилы Барыкиной пронизаны тревогой и болью за судьбу России, надеждой на её преображение и обновление.

**ВИКТОР
ФЕФЕЛОВ**

ЧЁРНЫЕ МЕТКИ — ЭТО НЕ СТРАШНО

**Они невидимо
сопровождают нас
на протяжении
всей жизни**

9 ноября 1991 года в «Известиях» была опубликована заметка «Что делают инопланетяне на Чернобыльской АЭС?». Её автор писал, что на одной из фотографий корреспондента газеты «Эхо Чернобыля» видно чёрное пятно овальной формы, парящее в небе над разрушенным блоком станции. Глаз же фотокорреспондента во время съёмки никакого пятна не видел. Автор заметки утверждал: то был НЛО, наблюдавший за событиями на АЭС.

Берусь утверждать: такое объяснение неверно. На фотографии оставил след очень интересный феномен, которому я в 1985 году дал название «чёрная метка». В моей коллекции есть сотни фотографий с подобными чёрными пятнами разных размеров. Форма у них по большей части круглая, но есть и эллипсообразные, иногда пятна с ореолами вокруг или с белыми узорами внутри.

Многолетнее изучение чёрных меток показало: этот феномен, во-первых, часто сопровождают различные по проявлению аномальные явления. А во-вторых, оно достаточно хорошо воспроизводится. Причём

чёрные метки можно обнаружить и на фото, сделанных при определённых обстоятельствах годы и десятилетия назад.

Журналист ошибся, приняв их за НЛО. Но подобными ошибками грешат и специалисты по аномальным явлениям, в частности уфологи. Неоднократно в публикациях я встречал комментарии, пестрящие фразами: «невидимые глазом объекты», «чёрные шаровые молнии», «энергофоры» и т. п. Действительность же оказалась гораздо изощрённее таких домыслов...

Впервые я столкнулся с этим явлением в 1985 году, когда совместно с членами томской группы по изучению аномальных явлений участвовал в изучении полтергейста в одной из квартир Томска. В ходе этого исследования мне пришлось отвечать за фотографирование происходящих там эффектов: по ночам в спальне из-под кровати вылетали красные светящиеся шаровые молнии и взрывались в углу комнаты. Естественно, хозяева были недовольны. Особенно их изнуряло непрерывное ночное ожидание взрывов.

Мне удалось, используя метод открытого затвора, в полной темноте сфотографировать взрыв шаровой молнии, но на одной из контрольных фотографий, сделанных в спальне, я обнаружил почти круглое чёрное пятно. Тогда я на это не обратил особого внимания.

Но вот летом того же 1985 года я побывал на берегу Оби в Молчановском районе Томской области. Туда я попал по наводке геолога Виктора Александровича Лыгина, руководителя «Томскгеомониторинга». Он мне рассказал, что в этом месте однажды совершенно отчётливо видел на берегу реки проходящего мимо геологического лагеря снежного человека.

Именно там я и произвёл ясным июльским днём панорамную съёмку фотоаппаратом «Зенит-Е».

Когда дома я отпечатал отснятые на Оби кадры, на нескольких снимках обнаружил круглые пятна чёрного цвета, приняв их за брак при проявке плёнки.

И только позже, получив в своё распоряжение ещё несколько десятков таких фотографий, я понял: всё это не дефекты фотоэмульсии или погрешности при проявке, а след каких-то аномальных явлений во время фотографирования. Обобщив свои наблюдения, я в 1988 году сделал доклад о чёрных метках на Всесоюзной школе-семинаре «Непериодические быстропротекающие явления в окружающей среде». С тех пор название «чёрная метка» прижилось и стало общепринятым среди специалистов по аномальным явлениям.

Меня лично убедил в реальности чёрных меток следующий случай. Однажды в Томский политехнический институт поступила информация: на берегу Оби в нескольких десятках километрах от Томска приземлялся неопознанный летающий объект в форме огромного серебристого шара. Группа томских UFOлогов под руководством В. И. Лунёва срочно выехала на место посадки.

Там фотографировали место происшествия четыре человека четырьмя фотоаппаратами разного типа с разными плёнками. После того как были напечатаны фотографии, у всех четырёх они были испещрены чёрными пятнами разных размеров. Проявку всех плёнок фотографы делали самостоятельно в разных условиях. Все фотоаппараты находились в возмущённом после пролёта НЛО участке пространства, и эти возмущения физического вакуума отметились на фотоплёнке.

Иногда метки появляются там, где нет и не было никакого аномального явления, но есть информация о них. Конкретный пример. Однажды в Томске в Академгородке проходила выстав-

Чёрная метка (справа) на утренней фотографии посёлка.

ка питерского художника Николая Потапова. Репродукции его картин, на которых он запечатлевал аномальные явления, не раз публиковались в журнале «Чудеса и приключения». Фотографии картин Потапова, сделанные на выставке сотрудником Томского политехнического университета, были буквально усеяны чёрными метками, о чём я говорил ему заранее — к тому времени мы уже догадались об условиях, в которых они появляются с большой вероятностью.

На основании анализа множества фотографий, присланных со всей страны, я сделал следующие выводы.

Чаще всего этот феномен проявляется при фотографировании на чёрно-белую плёнку вблизи мест пролёта или посадки НЛО; в квартирах, где действуют полтергейсты; вблизи мест появления снежного человека; в горах; в зонах активных геологических разломов; у водоёмов; в районах, где велико психофизическое напряжение населения; при фотографировании мощных электрических разрядов.

Есть люди, которых феномен меток сопровождает всю жизнь. Причём неважно, сами они фотографируют нечто или их самих снимают.

Вместе с сотрудником Института оптики атмосферы в томском Академгородке Юрием Ивановым мы решили целенаправленно получить чёрные метки в контролиру-

емых условиях. В то время Иванов проводил эксперименты с мощным лазером на углекислом газе. Мы установили рядом с корпусом лазера из прозрачной пластмассы два одинаковых фотоаппарата и методом открытого затвора сфотографировали несколько мощных разрядов накали.

К нашей радости, мы получили несколько фотографий с чёрными метками. Но они проявились только на одной из стереопар! Проанализировав ещё несколько десятков стереоснимков, мы окончательно убедились: метки не есть изображения реального, хотя и невидимого глазом объекта в трёхмерном пространстве. Подтвердили эту закономерность и другие исследователи.

Один из томских фотографов-любителей применил остроумный приём, который нам в голову не приходил. Он обнаружил место на берегу реки Томь, где часто появлялись НЛО, и стал там фотографировать пейзаж фотоаппаратом, в котором было заряжено сразу две одинаковых плёнки, намотанных на один барабан в кассете. При этом на плёнке, обращённой прямо к объективу, изображение, конечно, было резче и ярче, чем на другой, до которой свет доходил, ослабленный противоореольным слоем первой.

Однако обе картинки были вполне сопоставимы, и картина на них была та же самая, что и при стереосъёмке: чёрные метки либо были на

одном из кадров, либо они не совпадали по расположению и размерам.

Ранее я говорил: чаще всего метки появляются на чёрно-белых фотографиях. У нас действительно нет с ними ни одной цветной фотографии. Как это объяснить, мы не знаем. Но в моём распоряжении есть несколько цветных слайдов, на которых метки зафиксированы, и они действительно чёрного цвета. К сожалению, цветная печать практически полностью вытеснила чёрно-белую фотографию, и феномен чёрных меток встречается всё реже. Разве что их можно нередко найти на фото, сделанных в прошлом веке геологами или туристами.

В заключение вкратце изложу свою гипотезу. Эксперименты с помощью стереофотоаппаратов и дубль-плёнок показали: чёрная метка на фотографии появляется в результате непосредственного локального воздействия какой-то частицы с активными электромагнитными свойствами.

Это объясняет, почему чёрная метка есть на одной из стереопар, а на другой отсутствует. По моему мнению, частица эта наделена высокой проникающей способностью — она пролетает без задержки сквозь объектив фотоаппарата или его корпус и своим приблизительно сферическим полем буквально стирает информацию, уже записанную светом на светочувствительной бром-серебряной эмульсии.

Кстати, если эта гипотетическая частица пролетает сквозь эмульсию под углом, метка должна быть эллипсовидной формы. И действительно, не раз мы фиксировали чёрные метки именно такой формы!

Чёрные метки можно использовать для экспертизы различных фотоматериалов, на которых, по утверждению авторов снимков, запечатлены аномальные явления или их следы. Если они там выражены ярко, то фотографии почти наверняка не сфальсифицированы. В первую очередь это относится к фотографиям, сделанным до середины восьмидесятых годов прошлого века. Тогда ведь никто не знал о феномене, и смысла использовать их при фотомонтаже для придания достоверности не было.

Чаще всего фото с чёрными метками можно встретить среди снимков, сделанных любителями, или на технических фотографиях. У фотографов-профессионалов они редки. Ведь профессионалы делают всегда несколько дублей одного и того же кадра. И отбирают из них снимки без «дефектов», к которым они однозначно относили странные чёрные пятна. А фотографии с метками остаются неизвестными миру, скапливаясь в их архивах.

Чёрные метки распространены гораздо чаще, чем принято думать. Однажды я видел фотографии, сделанные в толпе, собравшейся в дни путча ГКЧП в августе 1991 года у стен Московского Кремля, — они были густо покрыты метками, видимо, за счёт психофизической наэлектризованности встревоженных людей. Уверен, почти каждый специалист по аномальным явлениям найдёт их на некоторых из своих фотографий. После того как я рассказал о феномене москвичу Марку Мельхикеру и питерцу Сергею Кузионову, они обнаружили их в своих архивах...

СЕРГЕЙ АФОНЬКИН

РЫБКИ ЗАХОТЕЛИ...

8 сентября 1774 года знаменитый капитан Джеймс Кук стоял на палубе своего корабля «Резолюшен» и взибал на зелёные береговые очертания нового, только что открытого им острова, распо-

Рис. О. Руновской

ложенного восточнее Австралии. Кук решил назвать остров Новой Каледонией. Погода была отличная, в бухте царил почти полный штиль, и Кук приказал спустить шлюпки для обследования новой территории. В одной из шлюпок отправились к берегу натуралисты отец и сын Форестеры, которые уже истосковались по настоящей исследовательской работе во время многодневного плавания по водам Тихого океана.

Вскоре они вернулись на борт с богатой добычей: кусками кораллов, необычными раковинами донных моллюсков, с несколькими медузами в объёмистых банках и странного вида рыбой. Вытащенная из сети, она быстро начала раздуваться и превратилась почти в шар. Её тело было покрыто шипами, которые встали при этом дыбом. Форестерам было ясно: это необычная защитная реакция в ответ на опасность. Такой рыбы они раньше не видели.

Капитан Кук любил экспериментировать и поэтому отдал приказ судовому коку приготовить из экзотической рыбы какое-либо блюдо на ужин. Однако Форестеры запротестовали и забрали диковинного представителя ихтиофауны к себе в рабочую каюту, где вначале занялись его описанием и зарисовками. Коку после вскрытия рыбы достались только её печень и молоки (рыба оказалась самцом). Из них-то он и приготовил жаркое, которое было подано на стол капитану и присоединившимся к нему натуралистам.

К жаркому из странной рыбы джентльмены едва приоткрылись, и это, вероятно, спасло им жизнь. Капитан Кук так описал в своём дневнике последствия ужина: «Около трёх или четырёх часов утра мы почувствовали небывалую слабость во всех членах, сопровождаемую таким ощущением, будто околоченные на морозе руки и ноги сразу попали в огонь. Я уже почти ничего не чувствовал и даже утратил способность соизме-

рять тяжесть тел: кружка воды ёмкостью в одну квартиру перо казались в моей руке одинаково тяжёлыми... Одна из свиней, съевшая внутренности, околела».

По-видимому, это было первое в европейской истории описание действия на человеческий организм сильнейшего яда тетродоксина, который содержат в печени, кишечнике, а также в коже, икре и в молоках скалозубные рыбы. Зоологи называют их тетродонтидами (греч. *tetra* — «четыре», лат. *dont*, *dens* — «зуб») за прочные зубы, расположенные на вытянутом рыле двумя подковками. Ими скалозубные рыбы отламывают кусочки прочных кораллов, переваривая затем их мягкотелых создателей у себя в желудках. Известно около 90 видов этих странных рыб, способных в минуту опасности набирать в кишечник воду и раздуваться прямо на глазах. Японцы называют тетродонтид рыбами-собаками, или фугу. Интерес у них к ним не только научный, но и гастрономический.

Тетродоксин в 10 раз сильнее знаменитого яда кураре, в 400 раз опаснее стрихнина, которым ковбои травили койотов и крыс. Одна столбчатая доля грамма тетродоксина на килограмм веса уже считается смертельной для человека дозой. Более половины людей, отравившихся тетродоксином, содержащимся в пище, умирают в течение суток.

В 1963 году была установлена его трёхмерная структура, а в 1972 году химики синтезировали тетродоксин в лаборатории. Изучение его строения позволило понять, почему этот яд столь быстро и порой смертельно действует на организм человека и животных. Оказалось, что он связывается с нервными клетками и блокирует прохождение по ним слабых электрических сигналов, благодаря которым сокращаются гладкие и поперечно-полосатые мышцы. Блокировка сигнализации ведёт к остановке дыхания и серд-

цебиения, от чего обычно и наступает смерть.

Электрические импульсы проходят по нашим нервным клеткам совсем не так, как по проводам. На поверхности длинных отростков этих клеток находятся белки, которые работают как ионные насосы. В центре каждого такого белка может открываться отверстие, через которое в клетку на время закачиваются ионы натрия или калия. В результате в данном месте возникает локальная разность потенциалов. Затем начинают работать соседние белки-каналы, потом — их дальние соседи. В результате по отростку нервной клетки как бы пробегает своеобразная волна.

Часть молекулы тетродоксина в точности подходит по размеру к открывающимся отверстиям белков-каналов. Нетрудно догадаться, что происходит дальше. Тетродоксин закупоривает канал, как пробка горлышко винной бутылки! Сигнал не проходит, обеспеченность нарушается. Теперь понятно, почему Джеймс Кук испытывал онемение конечностей и нарушение чувствительности.

В истории зафиксированы случаи, когда люди, испытывавшие на себе действие тетродоксина, полностью теряли подвижность. При этом они впадали в состояние, похожее на кому. Изредка, порой через несколько суток, подвижность к ним возвращалась. Один потерявший подвижность американец пролежал несколько суток в морге, а потом, буквально за несколько часов до погребения, восстал из мёртвых словно зомби! С ужасом он признался потом, что слышал все разговоры опечаленных родственников, обсуждавших детали похорон, но не мог пошевелить и пальцем!

Как это часто бывает в токсикологии, теперь сверхмалые дозы тетродоксина используются в качестве лекарственного средства. Например, он замечательно снимает боль. С помощью тетродоксина можно нормализовать повышенное давление.

Самое любопытное (ради чего и был написан этот очерк) состоит в том, что японцы рассматривают рыбу фугу как своеобразный деликатес. Правда, для того чтобы приготовить из неё блюдо, повар должен обладать особой квалификацией, подтверждённой соответствующим дипломом. Он должен разбираться в тонкостях систематики и знать все виды скалозубных рыб не только на родном языке, но и на латыни. Он обязан знать их анатомию (поскольку в разных частях рыбы яд содержится в разной концентрации), а рука у него должна быть твёрдой, как у практикующего хирурга. К тому же повар, готовящий блюда из рыбы фугу, должен уметь оказывать первую помощь пострадавшим.

Впрочем, эта помощь не отличается разнообразием приёмов. Главное, что надо сделать, — вовремя вызвать рвоту. Противоядия от тетродоксина нет. За два десятилетия в конце XIX и в начале XX века от таких деликатесов в Японии погибло более трёх тысяч человек. В конце XX века каждые десять лет погибало около сотни.

Что же влечёт японцев пробовать смертельно опасное блюдо? Необычное состояние эйфории, которое испытывает человек, попробовавший приготовленные кусочки рыбы-собаки! По телу разливается тепло, наступает лёгкое расслабление, граничащее с онемением, в языке и губах возникает покалывание, как после глотка холодного лимонада. В общем, кайф.

Ради него гурманы готовы рисковать жизнью. Недаром в Японии есть пословица: «Хочешь съесть фугу — прежде напиши завещание!» Теперь в крупных городах России стали появляться японские и китайские рестораны, где посетителей потчуют всяческой кулинарной экзотикой. Если во время визита в такое заведение увидите в меню блюдо из рыбы фугу, как минимум попросите повара показать соответствующий диплом фуговеда. ■

ГЕРМАН МАЛИНИЧЕВ

ПОДЗЕМНЫЙ ЗООПАРК ИМПЕРАТОРА

Сицилийская деревушка Пьяцца-Армерина — крошечный оазис с виноградниками и высокими каменными заборами, защищающими от песков. Вокруг настоящая пустыня с раскалёнными дюнами и каменистыми проплешинами. Край сурового климата и крестьянских суеверий. Когда воет ветер, несущий струи горячего песка, земледельцы говорят, что это голоса злых языческих чудовищ из подземного зоопарка...

Ещё в эпоху Возрождения итальянские учёные предположили: древнеримский император Максимиан Геркулий, отказавшийся от власти в 305 году, удалился в один из глухих лесных уголков Сицилии. Там он построил роскошное поместье, в которое никто из посторонних не допускался. И уже в позднюю римскую эпоху местонахождение виллы

императора-отшельника было забыто. В книге о чудесах римской архитектуры, вышедшей в 1557 году, сицилийский дворец Максимиана значился как безнадежно утерянный.

Найти дворец императора-отшельника попытались в 1890 году, сразу после сенсационных находок Генриха Шлимана, открывшего легендарную Трою и склепы ми-

кенских царей. Поиски результатов не дали. Вторую попытку предприняли в 1922 году. Оба раза действовали по методу Шлимана — этнографы собирали легенды местного населения и пытались найти в них указания на местонахождение таинственного дворца. Вторая попытка тоже оказалась неудачной. Поиски усложнялись тем, что леса в центре острова полностью исчезли и на их месте образовалась пустыня, жаркая, как Сахара.

В 1926 году на песчаные холмы близ Пьяцца-Армерина пожаловали натуралисты, заинтересовавшиеся, почему в центре Сицилии возникла пустыня. Именно им повезло больше, чем этнографам.

Крестьяне рассказали, что здесь давным-давно жил король-волшебник. Он хлопнул в ладоши — и всё вокруг расцвело, появились птицы, звери, ящерицы, пальмы и цветы. Король оградил свой участок мраморной оградой, внутри которой жили олени, павлины, слоны, леопарды, обезьяны, соловьи. Охраняли этот зоопарк «голые белые идолы» — творения рук язычников. Зоопарк этот существует и сейчас под песками.

«Какие ещё язычники? Какой король? И откуда здесь зоопарк?» — спрашивали натуралисты.

Старики отвечали: «Сами ничего не видели и не слышали, а вот прадеды рассказывали. Король язычников очень любил животных, но перед смертью наслал на эти места пески и скрыл под ними свой зоопарк. Он был нехрист, поэтому небеса каждый год насылали на его поместье всё новый и новый песок. Местный священник запрещает ходить на то место».

Многое в легенде указывало на поместье Максимиана. Но локализация места была слишком неопределённой.

Римские археологи появились в Армерина только в 1952 году, когда сапёры, проводившие в пустыне маны, обнаружили в воронках от взрывов куски мрамора, черепицы и керамичес-

кой посуды. Исследователи пробурили несколько скважин и опустили в них археологические перископы. Сначала они увидели мраморную колонну коринфского стиля, затем фрагмент мозаичного пола. На помощь учёным пришли студенты исторических факультетов, и постепенно показались фундаменты целого ансамбля зданий. Вокруг главного дворца древний архитектор умело собрал полсотни пристроек, не нарушавших общую гармонию. Архитекторы быстро восстановили внешний вид всего поместья Максимиана — это были великолепные сооружения из добротных камней, пример строительной целесообразности и внешней выразительности.

Но исследователям всё это предстало в виде жалких руин: безжалостное время, песчаные бури и руки вандалов разрушили и рассеяли по миру фонтаны, колоннады. Но практически во всех помещениях хорошо сохранились мозаики.

Примечательно: во дворце Максимиана нет ни одной мозаики без изображения животных или растений. На них дельфины и антилопы, зайцы и лошади, медузы и осьминоги, гирлянды ярко-зелёных водорослей и пунцовых роз. Это действительно зоопарк — калейдоскоп флоры и фауны. Изображены звери с большим мастерством и реализмом.

Во дворце была обнаружена и самая большая из известных античных мозаик. Она украшала один из коридоров дворца, её длина 60 метров. На этой картине изображён отлов диких зверей в Африке для зоопарка Максимиана. В динамичных сценах художник показал разнообразные способы поимки животных — пантера подкрадывается к клетке, где привязан козлёнок, оленей загоняют в большую сеть всадники, носорога, связанного верёвками, вытаскивает на берег целая группа охотников. Два корабля ждут добычу — к ним перетаскивают клетки с птицами, дикими баранами, тиграми

Руины дворца Максимиана Геркулия.

и черепахами. Краски на мозаиках сохранились так, будто их сделали только вчера.

Одна мозаика изображает охоту на кабанов, зайцев и оленей на фоне сицилийского пейзажа. Она доказывает: когда-то вокруг виллы Максимиана зеленели густые леса.

Мозаичную картину, на которой представлены состязания колесниц в цирке, Максимиан скорее всего заказал как воспоминание о своей римской жизни. Переданы стремительные движения лошадей, азарт колесничих. Но самое главное — специалисты определили: здесь отображён римский Циркус Максимус, который был больше Колизея и не сохранился до наших дней. На Сицилии оказалось его единственное изображение.

У древнеримской знати излюбленным сюжетом для напольных картин в пиршественных залах было искусное изображение невыметенного, замусоренного пола. Мастера изображали на мозаиках разные объёдки — куриные и рыбы кости, фруктовые косточки и огрызки плодов. Обильный обед считался удавшимся, если кто-то из подвыпивших гостей пытался отшвырнуть изображённый на мозаике мусор в дальний угол. Нашли такую мозаику и во дворце Максимиана. Ныне эта мозаика-шутка наиболее любима туристами.

Безымянными авторами этих шедевров были скорее всего греческие мастера с юга Италии и островов Эгейского моря. Доказательство этому — мозаика, на которой крылатые амурчики закидывают сеть в голубую воду. Это копия с древнегреческой мозаики, открытой ещё в XVIII веке на острове Родос. Обилие дельфинов, резвящихся в прозрачной воде, осьминогов с мудрыми глазами и гирлянд из цветов и водорослей — это тоже чисто греческие мотивы.

Доказательством авторства греческих художников служит и мозаичная композиция «Малая охота». На ней есть динамичная фигура

Мозаика из дворца императора Максимиана.

всадника, оборачивающегося назад с поднятым в руке копьём. Здесь просматривается влияние раннего христианства, очень сильного среди греков в Италии. Всадник удивительным образом напоминает Георгия Победоносца, нацелившегося копьём в дракона. Этот образ зародился в Салониках в середине III века н. э.

Реставрация императорского комплекса шла одновременно с расчисткой зданий от песка. Именно песок, скрывший дворец от людских глаз, спас его от окончательного разрушения. Сицилия неоднократно подвергалась нашествиям варварских племён, и следы

присутствия этих свирепых воинов археологи повсеместно находили во дворце Максимиана. Кто-то бросал дротики в изображение Геракла, кто-то разбил скульптуры, которых, судя по постаментам, было множество. Растаскивали кирпич, камень и облицовку стен. Археологи не нашли в руинах никаких изделий из драгоценных металлов и бронзы, ни единой римской монеты. Причиной же песчаных заносов стала беспощадная вырубка лесов вокруг виллы. Постепенно руины были полностью занесены песком, и о дворце Максимиана забыли на много столетий.

И всё-таки, несмотря на разрушения, реставраторам удалось в какой-то мере восстановить дворцовый комплекс. Колонны собирали по кускам, восстановили большинство стен зданий, правда, не на всю высоту. Постройки защитили навесами от капризов погоды и палящего солнца. Местные власти проложили к комплексу шоссе и собираются построить аэродром. Ныне мозаичный зоопарк императора Максимиана — это не просто место паломничества туристов, но и памятник мирового значения, включённый ЮНЕСКО в список античных шедевров как достижение человечества.

В каждом номере мы публикуем самые интересные читательские письма. Пишите нам о том, чему вы не находите рационального объяснения — о необыкновенных случаях, загадочных совпадениях, необъяснимых явлениях, пророческих предсказаниях и видениях, которые случались в вашей жизни.

ПОЧТИ НЕПРАВДОПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ

В шестидесятые годы на строительстве участка Северной железной дороги Ивдель—Обь в одном из новых посёлков мне пришлось расследовать трагический случай.

Населённый пункт был построен на излучине таёжной реки, где стоял заброшенный скит. Рядом стояла старая часовня, где поселился рабочий химлесхоза Володя. В свободной половине часовни он держал поросёнка. Однажды летом зашёл к нему старец и сказал: «Не жожь в святом месте держать живность. Не уберёшь — случится несчастье — от этого поросёнка и погибнешь». Володя рассказал об этом странном посещении своим приятелям, но свинью не убрал.

Перед ноябрьскими праздниками Володя решил зарезать поросёнка. Ранним морозным утром он и его товарищ Олег, не дождавшись третьего, хорошенько опохмелившись, взяли кувалду. Решили сначала оглушить скотину, а потом уж зарезать. Олег зашёл за перегородку и стал вытаскивать поросёнка на улицу, но тот не шёл ни в какую. Тогда он взял его за уши и потащил к выходу. А так как было ещё темно, то Володя, поджидавший во дворе, с пьяных глаз ударил кувалдой по показавшемуся из дверей заду Олега. Удар был такой силы, что раздробил тому тазобедренную кость, задев позвоночник. Олег упал. Чтобы привести приятеля в чувство, Володя потащил его к колодезю во дворе. Доставая ведро с водой, он поскользнулся и вместе с ним упал в колодезь.

Как раз в это время пришёл третий, Пётр. В часовне он никого не нашёл, дотопил початую бутылку и пошёл во двор. Там услышал, что кто-то кричит из колодезя. Поняв, что в колодезе Володя, стал его вытаскивать при помощи ворота. Дотянув до верха, стал помогать ему вылезать, но, поскользнувшись, выпустил ворот из рук, и тот, раскрутившись, ударил Петра по голове металлической ручкой, пробив черепную коробку. А Володя снова очутился в колодезе. Через некоторое время соседка пошла по воду. Она-то и

увидела страшную картину: двое лежат без памяти, а из колодезя слышится стон. Женица позвала мужиков, они вытаскивали парня из колодезя и отправили всех троих в больницу.

Володя в больнице рассказал, как всё было. Через три дня похоронили всех троих. А поросёнка съели на поминках. Вот и не верь в предсказания!

Ю. МОЗГОВОЙ

пос. Ахтырский

Абинского р-на Краснодарского края

КЛАДБИЩЕ ВМЕСТО ЦЕРКВИ

Случилось это в деревне Арнишицы на Смоленщине накануне войны. Деревня была небольшая, а вот церковь имела просторную, добротную, с высокой колокольней. В 30-е годы, во времена воинствующего атеизма, её, как водится, закрыли, и местные комсомольцы стали проводить в ней свои собрания, а потом по решению власти открыли школу. В ней частенько происходили таинственные вещи: то на стене проступит икона, то вдруг бухнет несуществующий колокол. Накануне войны, буквально за месяц-полтора, вдруг влетела на деревенские посиделки испуганная уборщица Настя и начала рассказывать:

— Мую я, как обычно, пол в бывшем алтаре. Время позднее — никого. Вдруг сзади слышу покашливание. В ужасе оглядываюсь. Стоит старичок весь в белом, обличьем как Николай Чудотворец. Смотрит мимо меня на стенку алтаря и глухо, как бы про себя, говорит: «Большие несчастья ожидают нас впереди... большие жертвы. Вот и на этом месте погибнет много народу...»

Долго судачили по этому поводу люди, но, в общем, не придали значения Настиному рассказу. Слыла она в деревне не совсем нормальной, «с придурью», как про неё говорили. А потом была война. Деревню нашу немцы сожгли, а церковь заминировали. Наши бойцы зарядов не обнаружили и разместили в храме полевой госпиталь, где находилось около двухсот раненых. И в один недобрый день госпиталь взлетел на воздух...

В. ВОРОНИН

г. Владимир

БЕСЦЕННЫЙ ПОДАРОК МОРЯ

В начале лета 1967 года я с другом отдыхал в Ялте. В последний вечер нашего пребывания в этом городе мы пошли на мол и стали бросать в море монетки. Тем же рядом с нами занимался какой-то мужчина. Вдруг он сорвал с пиджака значок с изображе-

нием Юрия Гагарина и тоже бросил в воду. После мореходного училища я стал работать механиком на рыболовном судне в Николаевском рыбколхозе. Однажды в нестерпимо жаркий день мы промышляли луфаря в Джарылгадском заливе. Сеня — капитан сейнера и матросы чистили рыбу, а я замерял запасы дизтоплива. Вдруг возле меня звякнул чёрный металлический кружок. «Очисти, посмотри, что там изображено, — сказал Сеня, — в кишках у луфаря нашёл». Вечером я старательно очистил кружок от ила: передо мной лежал красивый цветной значок: в центре круга золотистый барельеф Юрия Гагарина.

Через несколько дней там же, в море, мы услышали о трагической гибели первого космонавта планеты.

В. ЮДИН

г. Киев

ПРИЗРАК ЖИВОГО МУЖА

Мужу надо было съездить в Пермь, чтобы оформить пенсию. Уехал он на колхозном автобусе в четыре утра, но к вечеру не вернулся. Я стала волноваться. Вырастили мы с ним семь человек детей, теперь остались одни... С трудом заснула, вдруг сквозь сон слышу шелест бумаги. Взглянула: смотрю, сидит муж на диване в белой майке и читает газету. Думаю, надо накормить, ведь он с дороги. Поднялась, глянула, а его уже нет, только газета на диване лежит. Не по себе мне стало. Но на следующий вечер супруг к моей неописуемой радости вернулся. Умылся, переоделся, поел и начал рассказывать о том, как съездил. Слушаю. Вдруг открывается дверь в комнату, и на пороге появляется мужчина, как две капли воды похожий на мужа. Смотрим мы на него, и супруг мой растерянно говорит: «Да ведь это я сам и есть!» Всё это время его двойник не сказал ни слова. Муж подошёл к призраку, сильно наотмашь ударил его левой рукой, и тот исчез. Проверили мы запоры: дверь оказалась закрытой.

Я понимаю, что во всё это трудно поверить, но что было — то было!

Н. КРИВОНОГОВА

с. Ошья Куединского р-на Пермской обл.

МОИ ОТКРЫТИЯ

В 1996 году в вашем журнале была опубликована моя заметка. С тех пор многое случилось в моей жизни — всего не расскажешь. Я, например, почувствовала в себе целительские способности. Три года назад перешла на однора-

зовое питание, как в православных монастырях. С этого года я решила устроить двухдневный отдых от пищи: человек обычно переедает, питаясь несколько раз в сутки, и вся энергия уходит на переваривание пищи, между тем как для поддержания жизнедеятельности надо совсем немного. Я стала отлично себя чувствовать, несмотря на свои 60 лет. Раньше у меня было множество болезней, а теперь врачи после полного обследования признали меня совершенно здоровой.

Иногда мне снятся вещие сны. Упомяну об одном. Бреду по пустыне. Навстречу мне идут два быка: большой и поменьше. Каким-то шестым чувством ощущаю: быки вот-вот бросятся на меня, но я должна выдержать и не испугаться. Если смогу, то уже никогда больше не буду испытывать страха, того самого страха, который так портит нам жизнь. По природе я человек не трусливый, но раннее моё существование во многом отравляло бессмысленное беспокойство за кого-то или за что-то. Теперь я совсем избавилась от своих страхов и спокойно принимаю жизнь такой, какая она есть, если чувствую, что не в силах что-то изменить в ней. Не только принимаю, но и радуюсь ей.

А. КУЗНЕЦОВА

г. Димитровград Ульяновской обл.

В УЖАСЕ Я ПОБЕЖАЛ НАВСТРЕЧУ ПОЕЗДУ!

В январе — феврале 1969 года со мной произошёл случай, объяснить который я не могу. Зима на Южном Сахалине, где я жил, была в тот год исключительно снежной — толщина снежного покрова достигала нескольких метров. Шёл мне тогда восемнадцатый год, и учился я в Невельском мореходном училище. В зимние каникулы втемяшилось мне в голову отправиться на лыжах к родителям в посёлок Шебунино, находящийся от Невельска в 34 километрах. Туда дошёл благополучно, а вот на обратном пути я не нашёл ничего лучшего, как вернуться по железнодорожной колее, которая оказалась как бы на дне снежного ущелья с трёхметровыми снежными же почти вертикальными стенами. Короче говоря, разойтись с поездом в этом глубоком и узком снежном туннеле было невозможно. Но тогда я об этом не думал.

Я прошёл уже больше половины пути и приближался к мысу Лопатина. Вдруг чувствую дрожь земли под ногами, а вслед за этим впереди показались густые клубы дыма и пара от мчащегося прямо на меня поезда! По-

следнее, что помню: без единой мысли в голове побежал навстречу составу. Когда до красной звезды, намалёванной спереди паровоза, оставалось метров 30, сознание вообще отключилось. Очнулся на почти вертикальной снежной стенке каким-то невероятным образом раскорячившимся, с трудом удерживающимся в рыхлом снегу, упирающимся лыжами, палками, спиной, головой и тем не менее потихоньку съезжающим вниз... под поезд! В вагоны вовсю били по задним концам лыж, раздробленным в щепки.

Мог ли я взобраться на отвесный снежный склон в обычном состоянии? Нет, никогда. Это просто невозможно — и тем не менее случилось. Я несколько лет не мог рассказывать о том случае, даже вспомнить было страшно, а вот сейчас вдруг наконец отпустило...

А. ШМАКОВ

Сахалинская обл., Южно-Курильский р-н, п. Крабовзаводск

ТАБОР ИЗ ДЕТСТВА

До войны наша семья жила на Украине, в Винницкой области. Отец работал председателем сельсовета, мама — заведующей яслями. Летом сорокового года с друзьями нас я за селом коров. Коровы были поглощены своим занятием — жевали траву, мы — своим: играли в карты. Метрах в ста от нас остановился табор. К нам подошла совсем молоденькая цыганка и попросила верёвку. Ребята отмалчивались, а я отвязал бечеvu, которой были обмотаны коровьи рога, и дал ей. В знак благодарности девушка предложила мне погадать по моей левой ладони. Сначала она назвала моё имя — Борис, потом сказала, что на нашу страну скоро придёт большое несчастье и что мой отец уйдёт от нас. Через некоторое время, продолжила она, тебя возьмут в армию, и служить ты будешь долго. После этого станешь жить и работать на самом дальнем востоке, а оттуда уедешь к Чёрному морю. За свою жизнь девять раз побываешь на краю гибели, но тебя убержёт ангел-хранитель. Будешь дважды женат. От первой жены родится у тебя сын, от второй — два сына. Одного потеряешь. В конце жизни ты вернёшься на Украину. Проживёшь до 73 лет.

Не буду долго распространяться, скажу только, что всё, абсолютно всё сбылось. Вот только жив я ещё, хотя мне уже 75. Но когда мне исполнилось 73, я сильно болел. Эту болезнью предсказательница по моей детской ладони, очевидно, расшифровала как смерть.

Уже в зрелом возрасте я стал задумываться над верностью предсказанного мне и через эти мысли пришёл к вере в Бога. Наша жизнь — не соединение случайностей, не хаотическое нагромождение событий, она находится под наблюдением Высших Сил. Я всегда помню об этом, советую и другим помнить. А потому правда, честь, совесть, долг, достоинство — те качества, которые не дадут нам свернуть с верной дороги, — не пустые слова. За все наши дела воздастся нам.

Б. БРЖЕЗИНСКИЙ

село Гулякевичи Краснодарского края

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Читаю журнал от корки до корки, очень уж умно вы пишете. С нетерпением жду, когда дочка принесёт из библиотеки очередной номер, иногда на выходные, иногда на ночь. Решила и я рассказать странный случай из истории моей семьи.

Было это в Архангельской области. Пять детей моей бабушки спали на повети. Вдруг на мою пятнадцатилетнюю маму навалилось что-то тяжёлое и стало её давить. Мама сбросила с себя это ЧТО-ТО вместе с одеялом. Тогда ОН снял с неё валенок и отбросил в сторону, утром еле нашли. И снова стал давить маму. Испуганная мама подумала, как её учили: к добру или к худу. А ОН (или ОНО) ответил вслух хриплым голосом: «К худу». На следующий день 35-летняя моя бабушка отравилась с дедом за четыре километра на рынок. Обратно она еле-еле тащилась, а через четыре дня умерла.

Г. КОРНЯКОВА

г. Петрозаводск

***

Мы с мужем очень любили друг друга. И когда он умер, жизнь потеряла для меня всякий смысл. А жить было надо: трое детей смотрели на меня с тоской и ожиданием. На могиле сразу после похорон я стала молиться: «Господи, не оставь меня! Окропи меня своей живительной влагой, дай знак в виде дождя, и я поверю, что выживу, что любимый мой не совсем ушёл от меня». И хотя на небе не было ни облачка и стояла сорокаградусная жара, вдруг закапал дождь. И с тех пор я всегда чувствовала ласковый взгляд мужа и его поддержку.

С. ЧИСТОВА

г. Астрахань

**Уникальное путешествие
довелось совершить нашему автору —
в составе небольшой японско-русской экспедиции
он проехал на солнцемобиле
от Владивостока до Питера**

Участники пробега:
Крепкий слева
Александр Пополов
Тракий справа
Хисахиро Ямамото

ОТ ВЛАДИВОСТОКА ДО ПЕТЕРБУРГА

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ СОЛНЕЦЕГОНЩИКА

АЛЕКСАНДР ПОПОЛОВ

Солнцемобиль «Jona san».

Акита — морской порт на северо-западном побережье острова Хонсю, главный город одноимённой префектуры. В центре города на улице Омачи сверкает мрамором престижный салон красоты «Mode Studio». Его владелец — мой старинный приятель, сорокапятилетний Хисахиро Ямамото, вот уже несколько лет сочетает свою профессиональную деятельность с обязанностями председателя оргкомитета ежегодных состязаний солнцемобилей в Огата виллидж — посёлке в 50 километрах от Акита-сити. Он сам спроектировал и построил спортивный трёхколёсный солнцемобиль «Jona san» мощностью в 1000 ватт, развивающий скорость до 70 км/час.

В трансавстралийском ралли «Всемирный вызов солнцу» протяжённостью 3000 км «Jona san» занял второе место среди машин, построенных любителями. После успешных выступлений на гонках в Японии, Австралии, Малайзии Ямамото решил первым в мире пересечь на солнцемобиле необъятную Россию с востока на запад, проделав путь из Владивостока в Санкт-Петербург. Я долго отговаривал его от опасной затеи, запугивая главной российской бедой: дорогами. Но упрямый японский Фи-

гаро настаивал на своём и с чисто восточным упорством усиливал раму, подвеску, другие узлы машины перед сверхсложным пробегом.

ОТ ВЛАДИВОСТОКА ДО ХАБАРОВСКА

15 июля 2001 года все участники пробега «Russian Journey» собрались в гостинице «Владивосток». Нас было шестеро.

Я прилетел из Москвы на ИЛ-62 беспосадочным рейсом «Аэрофлота». Солнцемобиль доставили из Японии на теплоходе в кузове автофургона «исудзу» Ямамото-сан и его друзья — фермеры из Огата виллидж Хидео Цучида и Йошида Хидео. Ямамото — командор пробега, основной водитель солнцемобиля. Йошида — второй солнцегонщик. Кроме того, он талантливый фотохудожник. Цучида — водитель «исудзу». Я — третий водитель «Jona san», консультант по России, представитель команды на переговорах с местными властями, ГИБДД, СМИ. На частной фирме в Хабаровске Ямамото арендовал джип «паджеро». Его водитель Андрей с женой Людой, изучавшей японский язык в ХГУ, также стали полноправными участниками нашего евроазиатского приключения.

Мы стартовали на следующий день ровно в полдень с украшенной революционными монументами центральной площади Владивостока. Впереди бело-голубая «Волга» ГИБДД с мигалками. Я с Йошидой, Андреем и Людой в «паджеро». За нами «Jona san» с Ямамото за штурвалом. Замыкает колонну Цучида на «исудзу». Сразу после старта затяжной подъём по узкой улочке. Через заднее стекло наблюдаем, как тяжело он даётся солнцемобилю. Мы с Йошидой, выскочив из джипа, несколько десятков метров толкаем его в гору. Когда подъём заканчивается, японец на ходу прыгает на подножку быстро уходящего «исудзу», а я безуспешно пытаюсь догнать «паджеро». Похоже, что обо мне там просто забыли. Пробегая едва ли не полный километр и, совсем обесилев, сажусь в городской автобус. Совпадает ли маршрут автобуса по городу с трассой нашего пробега? Минут через пятнадцать мне всё же удаётся догнать колонну.

На выезде из города прощаемся с гаишниками. «Jona san» резво бежит по асфальту со средней скоростью 50—55 км/час. Во всех машинах коротковолновые рации. Люда из передового «паджеро» предупреждает Ямамото о трещинах и выбоинах, о поворотах дороги. Цучида-сан из замыкающего «исудзу» свое временно сообщает об обгоняющих автомобилях. Водитель солнцемобиля управляет всей колонной, то ускоряя, то замедляя движение и назначая время остановок.

Погода с переменной облачностью, поэтому до Уссурийска Ямамото трижды останавливается для подзарядки аккумуляторов. Сам город проезжаем в почётном сопровождении ГИБДД.

День спустя мы уже были на подходе к Хабаровску и остановились в небольшом посёлке Хор. По настоянию Андрея, который считал рискованным ночевать в палаточном лагере на лоне природы, пришлось устроиться на ночлег в холле детского профилактория. Утром вся экспедиция стала готовить солнцемобиль к продолжению пути — подтянули приводную цепь, почистили от пыли солнечные батареи. За всеми нашими действиями зорко наблюдала собравшаяся вокруг толпа. Вспомнив об опасениях Андрея, я поинтересовался у стоящего неподалёку верзилы, побрякивавшего ключами от иномарки:

— А ты что скажешь: опасно ли ночевать прямо в лесу у дороги?

— Честно говоря, я ещё не ориентируюсь в обстановке: тридцать лет просидел на нарах, освободился только несколько дней назад.

— Что это за статья, по которой сажают на тридцать лет?

— Это не одна статья. Тридцать лет набегало с короткими перерывами.

Подобный ответ, естественно, лишь усилил наши страхи. Видно, лица у нас стали настолько обеспокоенными, что верзила, улыбнувшись, поспешил успокоить:

— Если к вам будут цепляться, передавайте им привет от Филата. Его уважает вся братва от Владика до самого Иркутска.

Покинув Хор, уже через полтора часа мы добрались до поста ГИБДД в 14 километрах от Хабаровска. Андрей хорошо знал город, и через час нас ждала торжественная встреча на площади Ленина.

Автомобильной дороги между Хабаровском и Иркутском нет, поэтому всю вторую половину дня у нас заняли хлопоты по аренде железнодорожной платформы. «Jona san» по наклонной аппарели закатили в кузов «исудзу», а фургон вместе с джипом погрузили на открытую платформу. Поздно ночью наш состав двинулся на запад. Мы с Андреем сопровождали автомобили. Люда с иностранцами выехала позже в мягком вагоне пассажирского поезда. Встречу назначили в Чите.

ОТ ХАБАРОВСКА ДО ИРКУТСКА

Грузовой поезд то разгонялся под сто километров в час, то неожиданно замедлял ход и останавливался. Стоял иногда пять минут, а иногда и пять часов. На сортировочных станциях нас таскали туда-сюда, подцепляя к разным составам.

Андрей спит в любимом джипе, я — на мягкой постели за креслом водителя автофургона. Из него в джип перебираться приходилось по борту платформы, зажмуриваясь от ужаса: не свалиться бы под откос где-нибудь в таёжной глуши!

Продуктами и водой мы запаслись почти на неделю. По большой нужде приходится прыгать с платформы на остановки, тревожно ожидая, что в любую минуту поезд снова может тронуться. Пока я с включённой рацией сижу на корточках в придорожных кустах, Андрей подстраховывает меня и при необходимости предупреждает: «Поехали! Быстрее назад!» Тогда, подхватив спадающие штаны, догоняю набирающий скорость состав.

Путь от Хабаровска до Читы занял четверо с лишним суток, и нам ещё повезло. На остановках возле двухъярусных «сеток» с японскими поддержанными легковушками нам встречались заросшие щетиной, одичавшие перерогачи в мятых спортивных костюмах. Иногда они одолевают «железку» между Сковородино и Чернышевском больше чем за неделю. Кстати, частенько они, сойдя по нужде, отстают от поездов.

В Чите по случаю воскресенья с большим трудом удалось организовать разгрузку машин. Отогнали их на платную стоянку. Сами поселились в привокзальной гостинице «Уют» с «удобствами» в коридоре. За четыре дня на открытой платформе мы загорели, как за пару недель на Черноморском курорте.

26 июля после торжественных проводов на очередной площадке Ленина мы вновь в пути. Всё как всегда, впереди «паджеро», за ним «Jona san» и замыкает колонну «исудзу». Прямая, как стрела, дорога рассекала сухую равнину с пологими сопками, постепенно всё дальше отступавшими к линии горизонта. К концу дня вплотную к шоссе подошёл лиственный лес — мы снова въезжали в таёжную зону.

После обеда Ямамото наконец-то доверил мне управление солнцемобилем. Согнувшись в три погибели, я только со второй попытки смог втиснуться в кабину. Но элементарно простое управление освоил довольно быстро.

Облачность постепенно усилилась. Из-за этого дважды задерживались для подзарядки бортовых аккумуляторов. В шесть часов вечера остановились на ночлег неподалёку от лагеря дальнобойщиков.

На следующее утро погода была идеальной для солнечного транспорта: полный штиль, на небе ни облачка.

В полдень произошла первая неприятность с «Jona san»: не выдержав российских ухабов, взорвалась крышка ведущего колеса. За десять дней пути это первая неисправность.

Наш маршрут проходил в довольно обжитых местах. Однако основные неудобства нам доставляли не люди, а коровы. Стада этих животных частенько переходили шоссе. Приходилось пропускать. Иногда бурёнки брели прямо по

**Участник пробега Йошида Хидео
всё путешествие
фотографировал цветы России.**

Цветы России.

проезжей части, тормозя наше движение. Не меньше хлопот доставляли огромные таёжные оводы. Они отучили застенчивых японцев заходить глубоко в лес по естественной надобности. Там один из них, едва присев, тут же вскочил с отчаянным воплем, укушенный пониже спины жестоким паразитом.

В Иркутске мы столкнулись с проблемой ночлега. Во всех крупных городах местные власти разрешают принимать зарубежных гостей только в престижных отелях «Интурист», где номер стоит не меньше 60 долларов в сутки. Мы пытались останавливаться в более дешёвых гостиницах для простых смертных. Однако иркутские администраторы, очевидно, не желая демонстрировать «удобства в русском стиле», даже не раскрыв, вернули мне японские паспорта.

Нас выручило руководство областного управления ГИБДД, выделив комнаты в недорогой ведомственной гостинице «Динамо». В её холле из открытой двери парикмахерской распространялся резкий запах дешёвого одеколона. Измотанный за день Ямамото мгновенно оживился, вспомнив о своём истинном призвании.

Наш Фигаро достал из дорожной сумки собственные патентованные инструменты и полчаса колдовал над головой побледневшей, как полотно, иркутянки, нервно сжимавшей в потном кулачке смятые десятирублёвки. Однако деньги ей не понадобились, а фирменная причёска удалась на славу.

ОТ ИРКУТСКА ДО НОВОСИБИРСКА

На следующий день, покинув Иркутск, наша колонна снова в пути. Начали попадаться грунтовые дороги. Подвеске солцемобиля приходится туго, и мы загрузили его в «исудзу».

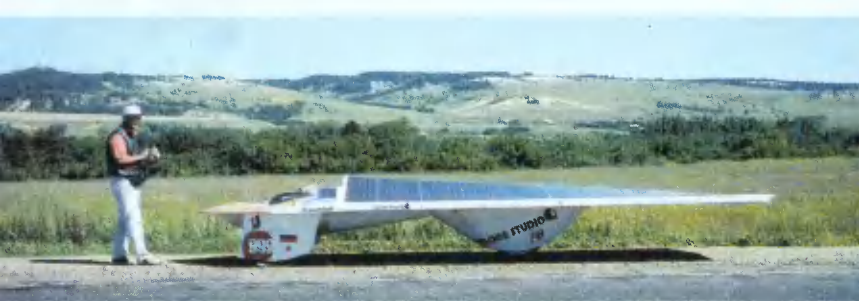
Из Иркутской области незаметно перебрались в Красноярский край. Дорога плохая. Асфальт кое-где отсутствует, а там, где он есть, частые трещины и выбоины. Много временных объездов по грунтовым дорогам. И это транссибирская автомагистраль федерального значения! Ближе к Красноярску и западнее его вполне приличное асфальтированное шоссе, но гораздо более интенсивное движение.

Последние два дня стояла пасмурная погода. Попадали под дождь. Это существенно замедлило наше продвижение на запад. Японцы удивляются: по их сведениям, лето в Сибири всегда сухое и жаркое. Выходит — не всегда!

Мнение Андрея и Люды об опасности придорожных ночёвок окончательно возобладало: теперь останавливаемся только в цивилизованных условиях. Благо цены в гостиницах и придорожных кафе в большинстве случаев, по понятиям японцев, копеечные: три-четыре доллара с человека за ночь, столько же — за сытный обед.

Неподалёку от Красноярска на одном из привалов наши

«Jona san», стоя на солнышке, заряжает аккумуляторы.

японцы неожиданно встретились с земляком Масакадзу Окудайра, который на кроссовом мотоцикле «судзуки» за полтора года объехал по периметру африканский континент, пересёк Западную Европу, теперь через Россию направляется в сторону Монголии и Китая. Дочерна загоревший, даже задубевший от постоянного пребывания на открытом воздухе интеллигентный молодой человек в выгоревшем пыльном комбинезоне и шлеме написал уже не одну книгу о своих странствиях. Собирает материал для следующей. Японцы наговорились между собой всласть. Вот это настоящий путешественник! После знакомства с ним наша комфортабельная поездка большой компанией с двумя машинами сопровождения представляется просто затянувшейся прогулкой.

4 августа мы добрались до Новосибирска. Устроиться в гостиницу не удалось. Арендвали двухкомнатную квартиру в девятиэтажке недалеко от железнодорожного вокзала.

По случаю благополучного прибытия в столицу Сибири организовали праздничный ужин. Разложив на полу старые газеты вместо скатерти, выпили бутылку sake и полдюжины пива. Вся закуска была японской, но в неограниченном количестве.

ОТ НОВОСИБИРСКА ДО ПИТЕРА

Пробыв в Новосибирске около суток, мы двинулись в Омск, однако сам город объехали и видели его лишь издали.

Дорога на запад в Курган идёт через Петропавловск. Но нас предупредили, что казахские таможенники и пограничники задерживают и безжалостно обижают всех проезжих россиян. Поэтому Казахстан решили объехать с севера через Тюменскую область, хотя при этом наш маршрут удлинился почти на 400 километров.

За Омском повернули на север и, проехав ещё километров 200, остановились в селе Абатское в полупустой гостинице. За ночь в двухместном номере на узких железных кроватях с провисшими сетками здесь берут всего по 60 рублей с человека. Дешевле не бывает! Зарплата администратора и горничных — 400 рублей в месяц. Но они рады и этому, поскольку найти другую работу в окрестностях практически невозможно.

В самых отдалённых от больших городов местах властям и в голову не приходило запрещать размещение иностранцев в придорожных гостиницах, предназначенных главным образом для непритязательных шофёров да редких по нынешним временам командировочных. Так моим японцам довелось познакомиться со скромным обаянием дорожного сервиса в российской глубинке.

7 августа мы добрались до Шадринска. Здесь с нами произошла курьёзная история. Впервые за время нашего путешествия нам предложили свои услуги гостиничные проститутки. Значит, мы уже вплотную приблизились к европейской цивилизации. Однако на самом деле попасть в Европу удалось только через четыре дня. Ненастная погода внесла свои коррективы в график движения.

Перевалив через Уральский хребет, наша колонна миновала Уфу, проехала Татарстан с бесчисленными нефтяными вышками. В плотном потоке автотранспорта по узкой плотине Волжской ГЭС форсировала Волгу. До Москвы осталось рукой подать.

После Уральских гор повидали ещё немало красивых мест, встречались со многими людьми, в том числе с двумя группами велотуристов, своим ходом следовавших из Москвы и Минска на Дальний Восток. Не все верили, что наш хрупкий с виду солцемобиль с электромотором мощностью всего 1,5 лошадиные силы проделал путь из Владивостока почти до самой Первопрестольной, не рассыпавшись в пыль и прах на наших дорогах.

Самым удивительным для японских участников автопробега было то, что вся придорожная Россия торгует. Копчёной рыбой — в Приморье и на Байкале, вяленой — на Волге, кедровыми орешками — в Иркутской области, пневматическим и газовым оружием — на Урале, свежим мёдом — в Татарии и Башкирии, картошкой и хрусталём — в Пензенской области, ягодами и грибами, разнообразным ширпотребом —

Японский солнцемобиль на российской дороге.

вдоль всей трассы нашего супермарафона. Сегодня, когда закрылись многие предприятия, развалились колхозы и совхозы, это единственный способ прожить для многих наших сограждан. Однако то, что мы увидели в Умете, стало неожиданностью даже для русских членов экспедиции.

Светлым вечером ещё за много километров до посёлка обратили внимание на поднимающийся над лесом дым. По мере приближения тёмное облако разрасталось. Очевидно, нам предстояло проехать сквозь зону лесного пожара.

Но мы ошиблись. На подходе к вытянувшемуся вдоль шоссе посёлку плотное облако разделилось на отдельные, почти вертикально уходящие вверх столбы дыма. Аппетитно пахло жареным мясом. По обеим сторонам дороги сплошной стеной, растянувшейся на несколько километров, выстроились лёгкие дощатые павильоны с дымящимися мангалами перед каждым из них. Выбирая место для ночлега, мы медленно ехали мимо бесчисленных придорожных шашлычных с манящими вывесками: «Отдохни», «У Светланы», «У Александра», «У Кати и Николая», «В гостях у тёщи», «Едок», «Едун», «Ё-моё». Хозяйка местной гостиницы сказала, что в Умете 500 шашлычных!

Оказалось, в окрестностях посёлка в самом начале демократических преобразований закрылись градообразующие завод радиодеталей и мебельная фабрика. Оставшиеся за воротами вчерашние радиомонтажники и столяры изобрели собственный способ борьбы за существование. Они получили лицензии на частную трудовую деятельность, обустроили торговые точки, закупили оптом сравнительно недорогое мясо в одном из совхозов под Саранском. Наладили деловое сотрудничество с санэпидслужбой, пожарными, налоговиками, милицией, стали под охрану местной мафии.

В придорожных павильонах Умета не только пьют пиво и закусывают шашлыками. В ассортименте всегда большой выбор

горячих блюд, холодных закусок, безалкогольных напитков. А вкусно готовить русских женщин учить не надо! Водители машин с севера и юга, запада и востока постепенно привыкли не портить себе аппетит, пока не дотянут до Умета. Многим из них именно здесь, в одном перегоне от Москвы, удобно останавливаться на ночлег.

В Москве мы задержались почти на два дня. Отдохнули у меня дома, погуляли по Кремлю, заказали авиабилеты в Японию.

До Питера доехали с единственной ночёвкой на турбазе «Валдайские зори».

Ровно через месяц после старта, 16 августа, в полной транспортной неразберихе, но в спасительном сопровождении машин ГИБДД, оглашавших воздух пронзительными сиренами, «Jona san» добрался до Дворцовой площади. Весь вечер лил проливной дождь, гремел гром, сверкали ослепительные молнии, обрушился золочёный крест с центрального купола Смольного собора. Мы промокли до нитки, несколько раз лишь чудом избежали аварий, но всё же благополучно финишировали.

«Jona san» после своего беспримерного путешествия в кузове многострадального «исудзу» морским путём вернулся в Японию. Сейчас это самый заметный экспонат краеведческого музея Агата вилидж.

Итак, экологически чистый солнцемобиль многое может уже сегодня. Хотя серьёзной конкуренции обычному автомобилю в обозримом будущем он составить не сможет. Пока это лишь новый технический вид спорта для тех, кто с надеждой смотрит в будущее.

Лично я сердечно благодарю Хисахиро Ямамото, предоставившего мне, человеку, побывавшему в разных странах мира, возможность лучше узнать свою собственную, за месяц проехав Россию от Тихого океана до Балтийского моря.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА

Царю Ивану Грозному создана такая устойчивая репутация жестокого садиста и шизофреника, что в 1862 году его скульптуру не решились установить в сотне великих национальных деятелей на памятнике 1000-летия России в Новгороде. «Это была месть сторонников феодальной раздробленности величайшему государственному деятелю, перешедшая в века!» — считает историк Дмитрий Зенин.

К моменту рождения ребёнка, ставшего со временем одним из самых выдающихся деятелей русской истории, усилиями его предков на Руси было построено стабильное, фактически идеальное для своего времени государство. Тем не менее в годы правления его отца, великого князя Василия III, судьба правящей династии оказалась под угрозой.

Двадцать лет прожил Василий со своей женой-красавицей Соломонией Сабуровой, но детей не нажил. Шёл князю уже сорок восьмой год, и он пребывал в страхе. По настоянию церкви он развёлся с первой женой и в 1527 году женился на Елене, дочери князя Михаила Глинского, выходца из Литвы, прямого потомка Мамая и двоюродного брата Альбрехта Гогенцоллерна, последнего великого магистра Тевтонского ордена, курфюрста Бранденбурга и Пруссии. Через три года Елена родила сына, наречённого Иоанном. Василий III скончался в 1533 году, оставив Елену с малолетними детьми на руках. Правда, умирая, Василий Иванович по образцу

Священной Римской империи германской нации для помощи жене в управлении державой назначил семь бояр — семь курфюрстов. Увы, эти курфюрсты, князья Рюриковичи и Гедиминовичи со дружиной, вместо помощи великой княгине занялись междоусобицей, начали уничтожать друг друга за право грабить государеву казну. Кремль стал ареной переворотов, заговоров и убийств. Драки в Думе происходили прямо на глазах малолетнего государя Иоанна. Великая княгиня Елена ещё кое-как сдерживала распоясавшихся бояр, но 3 апреля 1538 года она скоропостижно скончалась. От яда, утверждал австрийский путешественник Гербенштейн, близкий к московским придворным кругам.

Не прошло и недели со дня её смерти, как её главный советник, а возможно, и любовник, любимец малолетнего государя, князь Овчина-Телепнёв-Оболенский был схвачен в присутствии семилетнего Иоанна и брошен в тюрьму, где вскоре скончался от «тяжести оков и недостатка

пищи». Имя Оболенского открыло длинный мартиролог жертв боярского беспредела. На глазах маленького Иоанна Васильевича били, убивали, рубили головы. Правда, во время приёма иностранных послов перед мальчиком кланялись, как перед богоизбранным венценосцем. Сам Иоанн позже вспоминал: «В годы сиротства нашего, по недоразумению нашему, как надо какого посла прельстить, так щекотать меня начинали, а как надо кого отвадить, так щиплют, а то и уколуют».

Возникает вопрос: почему властолюбивые, жестокие и жадные князья попросту не убили малютку государя?

Секрет в том, что великие московские князья состояли в переписке с императорами Священной Римской империи германской нации. В письмах они называли друг друга братьями. Василий III, умирая, просил императора Карла V (1500—1558) «призреть сирот его». Сразу после смерти великой княгини Елены император написал московскому правительству: если с венценосным младенцем что-либо случится, он придёт в Москву и учинит розыск, а на трон сам найдёт достойнейшего. Рады были бы бояре придушить «кровопийственного гадёныша», да угроза конфликта с кесарем Карлом была слишком велика.

Итак, детство Иоанна не было светлым и радостным, но именно оно помогло сформироваться его взглядам на проблемы русского государства. Он рано понял: главные враги России не поляки, татары или турки, а русские же титулованные аристократы-князья. И уже в возрасте тринадцати лет Иоанн Васильевич положил предел боярскому своеволию. Однажды, открывая государственный совет, Иоанн, как обычно, обратился к боярам с просьбой полюбить друг друга и порадеть о земле русской. Что-то в речи подростка не понравилось первосоветнику, князю Андрею Шуйскому, и он стал дерзко прерывать государя. Тогда Иоанн Васильевич, не вступая в спор, твёрдым голосом скомандовал: «Взять его!» Государевы псы схватили князя Андрея и поволокли во двор. Молодой государь сам испугался своей смелости и приказал вернуть князя. Но ненависть к Шуйским в народе была столь вели-

И. Билибин. Иван Грозный.

ка, что псари успели убить князя, пока выволакивали его из дворца. С того дня «начали бояре от государя страх иметь и послушание».

13 декабря 1546 года на семнадцатом году жизни Иоанн Васильевич встретился с митрополитом и объявил, что собирается жениться и невесту хочет поискать в собственном государстве. Но перед свадьбой Иоанн пожелал «поискать чинов прародительских» и венчаться на царство царским венцом. 16 января 1547 года митрополит Макарий совершил обряд помазания и возложения царского венца. Так в неполные семнадцать лет Иоанн Васильевич принял титул цезаря-кесаря-царя, который не решались принять ни его дед, ни его отец. Царская же свадьба состоялась 3 февраля. Счастливой избранницей юного государя стала Анастасия, дочь окольного боярина Романа Юрьевича Захарына-Кошкина.

Царь Иоанн Грозный — единственный государь в истории, сам рассказавший о своих чувствах, мыслях и замыслах. Несчастное сиротское

положение Иоанна в детстве и юности заставляло его постоянно защищаться в собственных глазах и перед другими людьми. Ни в ком из предшественников и современников не было такого страстного стремления высказаться, поговорить, поспорить, устно или письменно. При этом царь в совершенстве знал священную, церковную, римскую и западноевропейскую историю, русские летописи и труды отцов церкви. Литературное наследие Грозного не мемуары о подвигах и любовных приключениях, написанные скуки ради, а личная и дипломатическая переписка, беседы с народом, послами, духовенством. Он был первым русским царём вовсе не потому, что первым официально принял этот титул, а потому, что первым осознал всё значение императорской власти, составил её теорию в то время, как все его предшественники, включая отца и деда, усиливали свою власть только практически.

В двадцать лет вдумчивый, наблюдательный и образованный царь по-

нимал: многие беды государства происходят от произвола его управленцев на местах. Видел он и то, что, назначая своих наместников, московские государи были зачастую не свободны в выборе, ибо вынуждены были руководствоваться принципом так называемого местничества.

Русская феодальная знать, как и западноевропейская и восточная, делилась на титулованную и нетитулованную. Титулованная ко времени Грозного подразделялась на князей (в Западной Европе — короли и герцоги) и бояр. Слову «боярин» в России соответствовали два значения. Первое — титул (барон в Западной Европе), второе — придворный чин, член Боярской думы.

Представители титулованной знати владели землёй и людьми по праву наследства, пользовались правом иммунитета и суда над своими подданными, то есть были **природными государями**. Их владения называли «отчинами» и «дединами».

Нетитулованная же знать условно владела землёй и людьми, не поль-

зовалась иммунитетом и правом суда над зависимым населением.

Московский царский двор вырос из заурядного княжеского дома, где все государственные и придворные должности исполняли представители низшей титулованной знати (бояре), нетитулованной знати (дворяне, дети боярские) и выходцы из простолюдов. Но по мере развития и укрепления московской государственности в орбиту власти московских великих князей втягивалось всё больше потомков Рюрика, Гедимины, Чингисхана и титулованных выходцев из Западной Европы. Все они были природными государями, но как поступившие на службу к равному или московскому великому князю именовались и величались на одну или несколько ступеней ниже.

Возникло совершенно новое явление: потомки коронованных родов, перешедшие на положение бояр, дворян и дьяков при московском дворе, никоим образом не хотели быть ровней природным московским боярам и требовали для себя особого, привилегированного положения, как почти равные по роду московскому великому князю. Поэтому на должности наместников в Московском государстве стали назначаться исключительно потомки коронованных особ. Сохранилась видимость доброй, старой, княжеской «лестницы». Наместник пользовался всей полнотой военной, судебной и административной власти, но в отличие от Рюрика XII века московский государь мог в любое время отстранить его от должности. Получилась своего рода игра в феодальные уделы. С одной стороны, природный государь оставался природным государем, а с другой стороны, он был уже чиновником, власть которого была не пожизненной, не на время договора с сюзереном, а на срок, определённый произволом московского государя. Благодаря этому представители номенклатуры из высшей титулованной знати, вписавшиеся в государственную структуру Московской Руси, продолжали жить родовыми преданиями и сводить старые родовые счёты. Право частной войны, приводившее в домосковские времена к межкняжеским и внутридинастическим войнам, со времени Ивана III приобрело форму местничества. Это форма отношений внутри высшей феодальной номенклатуры, при которой порядок подчинённости

определялся положением одного из именитых предков. Для улаживания местнических споров при Иване III был разрядный приказ, следивший за служебным перемещением высшей номенклатуры с учётом личных качеств, но главное — без ущерба для «чести рода».

Перед Иоанном Васильевичем стояла труднейшая задача — сделать природных государей русской земли полностью и окончательно государственными чиновниками, чтобы их назначение на должности и продвижение по службе не зависело от знатности и родовых преданий.

В 1550 году по приказу царя в Москве созывается Земский собор, на который съехались выборные люди со всей Руси, от всех чинов, званий и сословий. Отменить порочную практику местничества Иоанн Васильевич сразу не решился, но по приговору собора ограничил произвол своих наместников-воевод введением местного самоуправления с выборными представителями от всех сословий — земскими и губными старостами, целовальниками и ябедниками. Права этих народных избранников были очень скромными, тем не менее наместники были обязаны делить с ними свою власть, совместно с ними решать спорные вопросы, а в случае чего выборные могли обращаться прямо к государю. Во время открытия собора прямо на Красной площади царь возвёл ложничного Алексея Адашева в чин окольничьего и поручил ему принимать и разбирать челобитные, докладывая по существу дела лично ему.

Следующий удар по самовластию титулованной знати был нанесён через четырнадцать лет. К этому времени Иоанн Васильевич в полной мере оправдал прозвище Грозного. Уже были покорены и присоединены к Русскому государству земли Казанского и Астраханского ханств, Россия вела самую затяжную в своей истории войну — Ливонскую, которая длилась 25 лет. Толчком к принятию решения, круто изменившего внутреннюю политику государства, стала смерть любимой жены царя Анастасии и массовая измена ближайших соратников.

В 1560 году царица повздорила с любимцем царя пресвитером Сильвестром, который предсказал ей болезнь и смерть. И вскоре двадцати-

девятилетняя Анастасия действительно скончалась. Иоанн Васильевич был убеждён: жену отравили. (Правоту царя подтвердила эксгумация останков Анастасии в 2001 году.) Однако никаких опал и казней вслед за смертью царицы не последовало. Иоанн просто отдалил от себя Сильвестра и своего доверенного советника Алексея Адашева, которых подозревал в заговоре против своей жены. Однако друзья и сторонники попавших в немилость бывших царских любимцев отреагировали на это по-своему. Они, сдавая крепости и оставляя свои войска на поле боя, начали перебегать к противнику. Терпение Иоанна Васильевича лопнуло, когда от своего войска бежал в Литву его друг и ближний боярин князь Андрей Курбский.

В декабре 1564 года Иоанн покинул столицу и переехал в Александровскую слободу. Московские жители в «страхе и смятении» прислали к царю выборных людей с просьбой, чтобы он объявил им своих изменников, а они их «руками разорвут». Выслушав выборных, Иоанн Васильевич объявил, что он устал от княжеских заговоров и измен и теперь забирает от Московского государства свою «вдовью, сиротскую долю» — опричнину, или кромешнину (от слова кроме — отдельно). Новация Грозного разделила государство на земство и опричнину. Земское государство занималось всей народно-хозяйственной деятельностью, а опричнина, по замыслу царя, должна была контролировать эту деятельность, поощрять достойных и наказывать нерадивых. Всего опричнина насчитывала 1000 рыцарей (князей, бояр, дворян, детей боярских), несколько сотен служилых татар и 1500 стрельцов, не считая челяди.

Титулованную знать царь зачислял в опричнину по одному ему ведомым критериям отбора. Однако среди опричников в подавляющем большинстве присутствуют фамилии, впервые упоминаемые при великом князе Иоанне Калите. Можно предположить: вводя опричнину, царь пытался легализовать духовно-рыцарский орден, существовавший во времена Калиты и послуживший ему инструментом для создания московской государственности (ЧиП № 3/1997 год).

Периодически царь забирал некоторые земли с населением из земства в опричнину. В результате множество

природных государей — князей и бояр — потеряли свои «дедины» и «отчины», переместились с наследственных владений на поместья. Тем самым князья и бояре были уравнены в правах землевладения с дворянами и детьми боярскими. Превращение высшей титулованной аристократии в государевых служилых людей было бесспорной победой опричнины. Других задач она выполнить уже не могла, орденская структура к тому времени безнадежно изжила себя. В 1572 году опричнина была отменена и более никогда не возрождалась. Так же, как никогда более не возрождались могущество и самовластие русской титулованной аристократии.

Об ужасах опричного террора и свирепости расправ Грозного царя над своими подданными написаны тома. Государственный террор во времена правления Иоанна Васильевича не тема нашего исследования, но отметим: больше всего о нём писал польские и русские историки. Западноевропейские же источники говорят о нём значительно меньше, чем, к примеру, о Варфоломеевской ночи во Франции, которая, кстати, ужаснула Иоанна Грозного. Вот что писал царь императору Максимилиану: «Ты, брат наш дражайший, скорбишь о кровопролитии, что у французского короля в его королевстве несколько тысяч перебито вместе и с грудными младенцами: христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил».

***

Лучшим, хотя и жестоким, экзаменом для реформ Иоанна Грозного стало Смутное время. Идеи и принципы централизованного, имперского государства, в котором все граждане вне зависимости от сословий беспрекословно и абсолютно подчиняются верховной царской власти, были внедрены в сознание как правящего класса, так и простого народа. Но именно имперская идея позволила русскому народу успешно противостоять чехарде самозванцев на троне, нашествию польско-шведских интервентов и казачьих банд и, несмотря на все бури Смутного времени, сохранить национальную государственность.

ЧЕМУ Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЬ

ЗАГАДОЧНЫЕ ПИСЬМЕНА НА ЖЕНСКОЙ РУКЕ

В августе 1996 года я с детьми жил на подмосковной даче в Бекасове в 65 километрах от столицы по киевской дороге. В то время часто по вечерам мы любили смотреть на звёздное небо и ловить взглядом падающие метеориты. А в этот поздний вечер около полуночи, когда дети уже ложились спать, я один оказался во дворе и, по привычке взглянув на небо, обомлел. Прямо над нашим домом висел белый ослепительный объект, который невозможно было спутать ни с крупной звездой, ни с желтеющей невдалеке луной. А ещё в тот момент я обратил внимание на странную опустившуюся на окрестность тишину, когда не слышно было ни людских, ни птичьих голосов, ни даже собачьего лая, отчего невольно как-то стало не по себе.

Минуты две я лицезрел белый шар, который всё это время стоял на одном и том же месте, не мигая и не меняя силы света и цвета, а потом, вспомнив о детях, рванул за ними в дом. Когда мы втроём выбежали на двор и посмотрели в небо, там уже не было никакого НЛО, а мерцали далёкие звёзды и глядела на нас жёлтым оком луна. Да и тишина вдруг сразу наполнилась какими-то звуками и отголосками.

Мне вспомнилось нечто подобное, но ещё более странное и таинственное, случившееся летним московским вечером 1991 года. Мы только что получили квартиру в микрорайоне Марьино на юго-востоке столицы. Днём веселились-пировали, а вечером пошли провожать гостей. Не спеша прошлись по Новочеркасскому бульвару до автобусной остановки, простились со всеми и вдвоём с женой отправились домой. К тому времени уже стемнело, на небе высыпали звёзды и появилась желтоглазая луна. Вдруг жена вскрикнула:

— Гена, смотри, что там такое?

— Где?

Жена указала рукой на противоположную сторону бульвара.

— Да вон-вон, смотри скорее, там, над домом! — нетерпеливо повторяла она, не опуская руку, и тогда я увидел в тёмном небе белый ослепительный шар величиной со зрелую вишню, стремительно несущийся над крышей семнадцатизатяжного дома с северо-востока на юго-запад. Расстояние от земли до него было где-то с полкилометра, а летел он в отличие от самолёта не мигая и в полной тишине.

Промчавшись в считанные секунды вдоль крыши дома на бульваре и вылетев на свободное пространство между домами, таинственный белый шар вдруг сделал резкий поворот под прямым углом и стал удаляться в сторону Москвы-реки, быстро исчезнув из виду. Поражённые этим необычным зрелищем, мы не сразу пришли в себя и ещё какое-то время смотрели ему вслед, гадая, что бы это могло быть: неужели НЛО?

Ночь прошла без происшествий, если не считать напавшей с вечера на нас обоих бессонницы, да ещё Татьяна жаловалась на неприятные ощущения в левой руке — какое-то жжение и зуд на коже. А следующим воскресным утром она проснулась уже от боли: на её руке мы увидели между локтем и запястьем странный бордовый рубец, как будто от ожога, в форме неровной буквы Л, размером примерно 15 X 3 см. Сразу вспомнили вчерашний случай и посчитали эту рану результатом встречи с неопознанным летающим объектом. А почему бы и нет? Ведь мог он каким-нибудь невидимым нам лучом коснуться и оставить свой след на протянутой к нему обнажённой руке Татьяны. Я стоял за ней, и меня это не задело.

По признанию жены, боль была вполне терпимая, и мы решили не обращаться к врачу, обойдясь йодистой сеткой на ночь по всему рисунку на руке. Слава богу, ни через день, ни через неделю хуже не стало, но загадочная буква Л по-прежнему красовалась у Татьяны на руке, беспокоя нас и вызывая недоумение у друзей и знакомых. Кто-то из них соглашался с подозрением на НЛО, кто-то с иронией пожимал плечами.

Через месяц рана стала покрываться корочкой, а через два эта корочка благополучно отвалилась по всей букве, и только белый след на коже ещё долгое время напоминал нам о той не очень-то приятной встрече с неведомым шаром и его таинственном знаке.

Геннадий МИЛОВАНОВ

НА УЗЕНЬКОЙ ДОРОЖКЕ...

Рис. М. Петрова

В первую послевоенную осень наша часть стояла в военном городке в районе Гомеля, как раз в тех местах, где осенью 1943 года мне довелось участвовать в боях по форсированию реки Сож. Вероятно, поэтому, а может быть, и потому, что я деревенский, командование части поручило мне возглавить группу из десяти военнослужащих, направлявшуюся для заготовки дров.

Заместитель командира по хозяйственной части майор Шеремет развернул знакомую мне со времён боёв за Сож карту-сотку, показал квадрат леса и приказным тоном прошепелявил: «Разрешается вырубать только повреждённые в войну деревья и ни в коем случае не трогать здоровые. За это вы несёте личную ответственность! Поняли!» И не пре-

рывая своей мысли, продолжал: «Пилы, топоры, брезентовые рукавицы, продовольствие и питьевая вода и всё другое для пребывания в лесу уже погружено в «студебеккер». Водителем на нём будет вольнонаёмный шофёр из местных — белорус, по фамилии Левшун. Довольствоваться он будет вместе с вами. Срок командировки предварительно семь дней. Ясно?» Чего, казалось, тут было неясного. Ответил: «Ясно, товарищ майор».

Всё перестало быть ясным, когда прибыли в указанный квадрат. Оказалось, что наши пилы не точены и не разведены. У топоров мало того, что топорщища рассохлись, но и сами лезвия никогда не ведали точильного камня.

— Товарищ старшина, — спрашиваю получавшего инвентарь и загру-

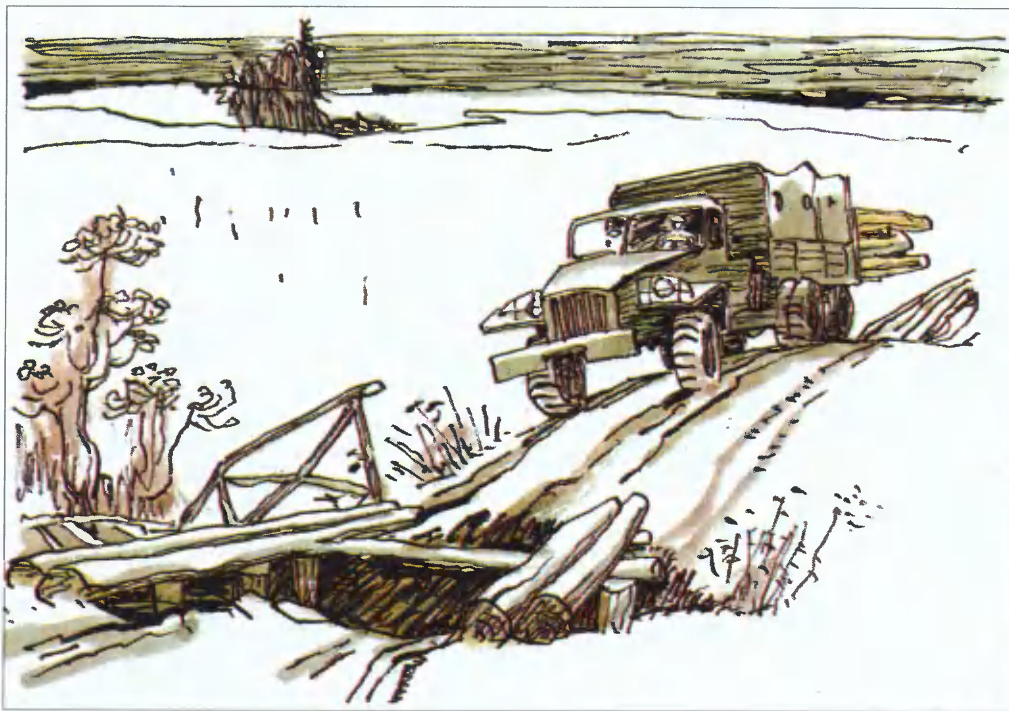
жавшего его в машину, — вы что, не видели, какой вам инструмент выдали?

— Я, товарищ старший лейтенант, понятия обо всём этом не имею. Получил по накладной четыре пилы и пять топоров, расписался за них и перенёс в машину, — ответил мне старшина.

На наш шум по просеке вышел человек. Это был старик-грибовар, расположившийся со своим хозяйством в нашем квадрате. Он понял наше положение и крепко нам помог. У него нашлись разводка и старенький напильник. Он научил нас, как разводить зубья и точить пилу. Весь следующий день мы точили инструмент — и работа закипела. Дня через два на нашей делянке снова появился грибовар и пригласил нас отведать готовых маринованных грибочков.

Во время грибной трапезы к хозяину пришёл его знакомый Трофимыч — мужчина лет под шестьдесят. Он поклонился всем сидящим вокруг эмалированного таза с маринованными грибами и по приглашению хозяина присоединился к нам. Съев несколько шляпок, гость обратился к нам с просьбой: «Товарищи военные! Не могли бы вы сделать один рейс до моей деревни и отвезти туда брёвна сруба, сделанного мной в этом лесу?» И рассказал, что в войну был в партизанах и что его хату сожгли каратели. Многие в деревне уже построились, а он всё живёт в землянке. До деревни отсюда 8 км.

Я спросил Левшуна, сможет ли он эти брёвна перевезти на нашей машине, ведь прицепа у неё нет.

ЧУДАЧЕСТВА ГЕНИЯ

Андрей Белый с женой приехал в Кутаиси в мрачном настроении. Утром, прогуливаясь по городу, он вдруг дал подержать почтительному спутнику свою трость, а сам вниз головой бросился с моста в мелкие рионские волны. Его выловили, спасли, смазали и перевязали лёгкие ушибы, дали успокоительного, а вечером, как водится, напоили.

На следующее утро встревоженные грузинские поэты перехватили обычный рейсовый автобус образца 1929 года, набитый имеретинскими крестьянами, пыльными мешками и блеющими барашками, и пригнали его к гостинице. Присутствующие благоговейно глядели на гостиничную дверь, из которой должен был выйти всемирный гений. Первой вышла Клавдия Николаевна. За ней — Борис Николаевич, который, мгновенно окинув оком изумлённые лица, приникшие к автобусным стёклам, взмахнул рукой и заявил: «В этом автобусе я никуда не поеду! Потому что в нём — моя смерть!» Упорным уговорам не внял. Автобус ушёл без Белого и его жены. И вечером того же дня утонул со всеми пассажирами в трясине какого-то огромного болота.

Белый уехал в Тбилиси, жил в Коджори. По Военно-Грузинской дороге он поехал с писателями в духан. В промежутках между тостами вдруг продолжил речь о ритмах — тема эта очень его тогда увлекала. Неожиданно стали сотрясаться столы и стаканы, двинулись с места горы, началось землетрясение. Грузинские поэты встали на колени перед теургом и мистагогом и умоляли прекратить лекцию. Он покорился общему желанию и умолк. Стихия иссякла, землетрясение кончилось...

Из будущей книги воспоминаний
Михаила Синельникова
журнал «Литературная учёба», 2002

Левшун ответил, что уже видел эти брёвна и что по длине они вполне подходят для перевозки без прицепа. Из этого я понял: Левшун уже дал согласие на перевозку. Не зная, на каких условиях они договорились, и, желая, чтобы с нашей стороны это была бы бескорыстная помощь бывшему партизану, я решил сам поехать в этот рейс.

На следующий день мы отправили с Левшуном первую машину напильных нами дров; вернувшись, он передал, что майор Шеремет доволен нашей работой и приказал ежедневно направлять дрова в часть.

К этому времени у нас появился Трофимыч, и мы согласились отвезти его сруб. Погрузили брёвна быстро, закрепили их верёвками. В кабину к Левшуну сели Трофимыч и крайний справа я. Проехали километра три по шоссе Гомель—Чернигов, свернули с него налево, на хорошую грунтовую дорогу. Вскоре лес кончился, и мы оказались на просторном убранном поле. Впереди виднелась Трофимычева деревня. Машина быстро шла по просёлку и уже начала спускаться в ложину, где виднелся мостик, а сразу за ним подъём к деревне.

Когда до мостика оставалось метров двадцать, мы увидели: настила на нём нет. В ужасе мы закричали: «Тормози, Левшун! Останови машину! Стой!» Но Левшун только грозно цыкнул на нас: «Тихо!» Казалось, он даже прибавил газу и на большой скорости мчался к мостику. Мы не успели даже охнуть, как почувствовали, что уже поднимаемся в гору к деревне. Я повернулся к Левшуну и увидел его возбуждённо-красное радостное лицо. Помню, меня удивили его руки, спокойно, как ни в чём не бывало орудовавшие баранкой автомобиля, натужно ревевшего на подъёме.

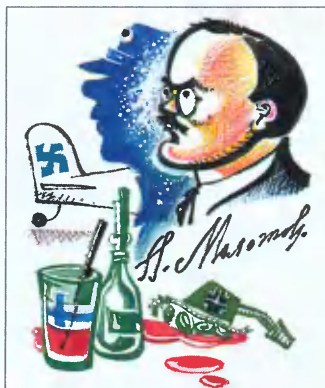
При разгрузке хозяин уверял, что ещё утром мостик был в нормальном состоянии, и непрестанно твердил: «Ну кому же это было нужно разбросать настил? Не иначе кто-то из зависти, что мне удалось сруб привезти». В разгрузке машины помогала, думается, вся деревня. От денег и магарыча мы, естественно, отказались, вызвав недовольство всех сельчан. На обратном пути Левшун этот мостик преодолел тем же способом, но уже без риска. В пути я его спросил, как он мог так рисковать собой и нами, отдавал ли он себе отчёт, к каким последствиям это могло привести?

«Отдавал,— ответил Левшун.— А что, скажите, мне оставалось делать, когда до мостика мчащейся под уклон предельно загруженной автомашины оставалось каких-то 15—20 метров? Тормозить в таких условиях — это стопроцентная авария с тяжелейшими последствиями. А я заметил, что мостик (спасибо строителям) построен правильно, по науке: на нём четыре парных продольных балки, а они, я это давно запримечал, серёжными строителями прокладываются по ширине колеи грузовых автомашин. Вы этого не могли видеть и испытывали только ужас. Поэтому, приказав вам сидеть тихо и не мешать мне, я старался направить машину так, чтобы попасть на две правые балки. И это, к счастью, удалось. А газу, как вам показалось, я не прибавлял: машина и без того под уклон шла с бешеной скоростью».

Пришлось согласиться: это было единственно правильное решение. А благополучный исход, мне думается, был результатом того, что поездка наша была бескорыстной и добропорядочной. Мы искренне хотели помочь человеку, пострадавшему за участие в борьбе с врагом. А хорошее, правильное и справедливое дело не может кончаться плохо. Это подмечено людьми давно.

В связи с этим дорожным происшествием мне вспомнился рассказ отца о переезде по зимнику с левого на правый берег реки Угра в розвальнях на своей лошади. На дворе стояла ранняя весна, река вот-вот должна была вскрыться. С рассветом он въехал на зимник. Вдруг на стремнине почувствовал: розвальни как-то подозрительно колыхнулись. «Всё,— подумал отец,— лёд вот-вот тронется». Он захотел поторопить лошадку, но заметил, что она уже перешла на мелкий, но быстрый шаг и спешит пробежать это опасное место. Отъехав несколько метров, отец обернулся и увидел: зимник на стремнине уже плывёт по течению. До своего берега они добрались благополучно, причём лошадка по льду шла теми же мелкими и быстрыми шагами, на которые она перешла, как только почувствовала опасность.

Удивительное сходство правильных действий в момент почти неминуемой опасности: в одном случае это сделал человек, в другом — животное. В обоих случаях в основе их действия лежал инстинкт самосохранения, только человек действовал осознанно, а животное — одним инстинктом.

«КОКТЕЙЛЬ ДЛЯ МОЛОТОВА»

«Коктейлем Молотова» называли бутылки с начинкой из керосина, бензина и смолы, которыми в начале Великой Отечественной войны красноармейцы поджигали немецкие танки. Откуда произошло это странное название? Ведь трудно поверить, что изобретение зажигательной смеси принадлежит нарком иностранных дел СССР Вячеславу Михайловичу Молотову! Считается: этот термин придумали западные журналисты, аккредитованные во время войны в Советском Союзе. Их поражало, как с помощью такого нехитрого оружия русские солдаты могли выводить из строя сотни фашистских танков.

Оказывается, использовать бутылки с зажигательной смесью против танков, причём советских, придумали финны во время советско-финского конфликта 1939—1940 годов. Назвали они своё изобретение «коктейлем для Молотова», как бы отвечая на требования наркома, приведшие к вооружённому конфликту.

Когда Германия напала на СССР, в Советском Союзе вспомнили об изобретении финнов и наладили его массовый выпуск. Вот западные журналисты и вышли из положения, выкинув из прежнего названия предлог «для». В результате финский «коктейль для Молотова» превратился в русский

«коктейль Молотова». В годы войны в нашей печати этот термин не употреблялся; в Красной армии хорошо знали настоящее название этого оружия: противотанковая зажигательная смесь. Лишь в начале 70-х на страницах советских изданий появился «коктейль Молотова», перекочевавший из переводной западной литературы.

Газета «Ступени Оракула»
Москва

ДЖЕКА-ПОТРОШИТЕЛЯ ЗВАЛИ УОЛТЕР СИКЕРТ

Очередную попытку назвать настоящее имя знаменитого в XIX веке маньяка-убийцы сделала в прошлом году английская писательница Патриция Корнвелл в своей книге «Джек-потрошитель. Портрет убийцы».

Заинтересовал Патрицию этой темой высокопоставленный сотрудник Скотленд-Ярда, долгие годы занимающийся изучением преступлений Джека-потрошителя. Подозрения писательницы пали на модного художника Викторианской эпохи Уолтера Сикерта, который уже фигурировал в числе подозреваемых.

Вскоре после серии убийств в Уайтчепел Сикерт написал серию картин, на которых был изображён один и тот же одетый мужчина рядом с разными обнажёнными женщинами, иногда

мёртвыми. Корнвелл, изучившая материалы дела Джека-потрошителя, обнаружила на этих полотнах множество мелких деталей, совпадавших с обстоятельствами преступлений серийного убийцы, о которых не сообщала пресса. Следовательно, считает писательница, Сикерт и есть маньяк.

Однако Патриция решила доказать свою версию. Неизвестный убийца, как известно, написал в полицию ряд писем за подписью Джек-потрошитель. Под этим именем он и вошёл в историю. В деле сохранились даже почтовые конверты, в которых преступник отправлял свои послания в Скотленд-Ярд. На них и возлагала свои надежды Корнвелл. Она предположила: маньяк, как и многие люди, запечатывал конверты, проводя языком по клеевой полоске, а значит, сохранилась его слюна, содержащая ДНК. Её и ДНК Сикерта, полученную опять-таки из слюны художника с конвертов его писем к жене, и решила сравнить находчивая Патриция.

Экспертиза продолжалась несколько месяцев и стоила писательнице четыре миллиона долларов. Однако её результаты стоили того. С вероятностью 76% ДНК Джека-потрошителя совпала с ДНК Уолтера Сикерта!

Другие исследователи дежаний маньяка-убийцы восприняли результаты работы Корнвелл скептически. Так, в частности, они заявили: преступник, возможно, не посылал никаких писем в полицию, так как точно известно, что первое из них написано журналистом Томом Буллингом, автором репортажей об убийствах в Уайтчепел, желавшим привлечь к делу внимание широкой общественности. Вполне возможно, что его перу принадлежат и все остальные.

Эти возражения ничуть не смутили Патрицию. Она заявила: первое письмо не использовалось при эксперти-

зе. Во-первых, в нём не было подписи Джек-потрошитель. Во-вторых, на его конверте не нашли ничьей слюны вообще. Преступник подыграл и следствию, и газетчикам, считает писательница; после публикации послания Буллинга он сам начал присылать в Скотленд-Ярд свои злобные письма.

Интернет-издание
«inoSMI.RU»
Москва

ИЛЬЮШИН — ДУБЛЁР КУРЧОВА

Многие участники советского «Уранового проекта» в своих мемуарах утверждают: в случае неудачных испытаний атомного оружия И. В. Курчова и его ближайших соратников Берия обещал расстрелять. Так ли это на самом деле, сказать трудно, однако можно не сомневаться: своих постов они лишились бы точно. Но кто бы тогда за них доделывал бомбу? В запасе у Лаврентия Павловича, курировавшего ядерные исследования, была команда «дублёров» — спецов экстра-класса, способных заменить физиков, не оправдавших доверия руководства. Их имена: М. А. Лаврентьев, Н. Н. Богомолов и А. А. Ильющин.

В случае неудачи они должны были заменить соответственно Юлия Харитона — главного конструктора боеприпаса, Якова Зельдовича — главного теоретика проекта и Игоря Курчова — руководителя всех работ. В ходе создания атомной бомбы, дабы дублёры находились в форме, их собрали в экспертную группу, куда

Рисунки В. Плужникова

поступала вся документация по проекту. Более того, ни одно решение по ядерной проблеме Берия не утверждал без положительной оценки этих людей.

Кандидатуру А. А. Ильюшина на пост руководителя дубля предложил Борис Ванников, который знал его ещё по работе в наркомате боеприпасов. Ильюшин, в свою очередь, привёл Боголюбова и Лаврентьева.

Похоже, выбор был сделан правильно. В дальнейшем и Лаврентьев, и Боголюбов, несмотря на противодействие ядерщиков первой волны, по вполне понятным причинам не взлюбивших их, сделали блестящие научные карьеры и стали академиками. Иначе сложилась судьба их руководителя.

После успешных испытаний первого советского атомного заряда Ильюшина назначили заместителем научного руководителя и главного инструктора КБ-11 (Арзамас-16). В этой должности он поддерживал идею создания более мощной водородной бомбы. Курчатов со товарищи хотели идти другим путём, повышать мощность за счёт простого увеличения обычного уранового заряда. А это, как стало понятно позднее, просто невозможно. Однако в среде курчатовцев Алексей Антонович освоился так и не смог — его попросту выжили. Под занавес своей работы в «Урановом проекте» под его руководством был создан уникальный самый миниатюрный в мире ядерный заряд, умещавшийся в 152-мм артиллерийском снаряде, стоявшем на вооружении сухопутных войск до 1990 года.

Уйдя из Арзамаса-16, Алексей Антонович Ильюшин занимался в МГУ вопросами упругости, пластичности и прочности, консультировал по этим проблемам С. П. Королёва. Однако, несмотря на свой немалый вклад в науку, академиком так и не стал. Причиной тому — козни соратников Курча-

това, которые трижды — в 1958-м, 1981-м и 1984 году — заблокировали его на выборах в АН СССР.

Газета «Воздушный транспорт»
Москва

НЕ Д'АРТАНЬЯН, А Д'АРТАНЬЯНЫ!

В предисловии к «Трёх мушкетёрах» сам Дюма поведал миру, что толчком к созданию книги послужили найденные им в Королевской библиотеке «Воспоминания г-на д'Артаньяна», изданные в Амстердаме. Однако, оказывается, всё было не так просто.

Самым скандальным публицистом эпохи Людовика XIV был некто Гастьен Куртиль де Сандра. В 1678 году в возрасте 34 лет он, дослужившись до капитана, вышел в отставку. Всю оставшуюся жизнь Куртиль посвящал собиранию чужих рассказов, придворных сплетен, семейных преданий... Он написал десятки романов, очерков, памфлетов, в которых предал огласке множество тайн, интриг и интимных подробностей из жизни французского двора. В 1683 году Куртиль перебрался в Голландию, где в издательстве Пьера Руже начал издавать книги под разными псевдонимами. В 1712 году незадолго до смерти литератор вернулся во Францию и угодил за свою болтливость в Бастилию.

Как оказалось, настоящий автор «Воспоминаний г-на д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетёров, содержащей множество частных и секретных вещей, которые произошли в правление Людовика Великого» — Гастьен Куртель. Публицист избрал форму мемуаров для того, чтобы придать сплетням правдоподобный вид. Капитан мушкетёров д'Артаньян был видной фигурой при дворе, и его имя на титульном листе дополнительно добавляло стряпне Куртиля достоверности. В книге ни-

где не упоминается имя вельможи, а поскольку из многочисленных д'Артаньянов лишь один был капитаном мушкетёров — Шарль, его автоматически стали считать прообразом героя Дюма.

Между тем, преследуя единственную цель: изложить в своём труде как можно больше дворцовых интриг и сплетен, Куртиль списал своего героя не с одного, а с трёх д'Артаньянов.

Самый известный из них граф Пьер де Монтескью граф д'Артаньян (1645—1725) свою карьеру при дворе начал королевским пажом, служил в мушкетёрах. Став в 1709 году маршалом Франции, он, чтобы избежать путаницы с другими многочисленными д'Артаньянами, изменил себе имя и стал просто графом де Монтескью. Под ним Пьер входил даже в регентский совет при малолетнем Людовике XV.

Второй д'Артаньян был двоюродным братом Шарля по материнской линии и звался Жозеф де Монтескью (1641—1728). Он тоже служил мушкетёром, но дослужился лишь до лейтенанта. Однако на этом его военная карьера не закончилась. Уйдя из привилегированных частей, Жозеф стал генерал-майором. После смерти Шарля он перенял титул графа д'Артаньяна.

Третий — Шарль д'Артаньян (1611—1673) занимал видное место при дворе, будучи капитаном мушкетёров, но в отличие от героя Дюма маршалом так и не стал.

Таким образом, биография д'Артаньяна из

книги Куртиля соткана из биографий этих трёх людей. Этот-то собирательный образ и перенесён Александром Дюма на страницы своих романов. Подделка ловкого публициста оказалась настолько мастерской, что ввела в заблуждение даже историков, которые приписали Шарлю д'Артаньяну многие дела его однофамильцев. Более того, с лёгкой руки Дюма, считавшего, что Атос, Портос, Арамис, упомянутые в «Воспоминаниях г-на д'Артаньяна», — это псевдонимы, исследователи долгие годы искали в реальности людей, под ними скрывавшихся. Лишь в 70-е годы прошлого века Шан де Жоржен выяснил, что Куртиль ввёл в мемуары собственных приятелей, просто указав их имена не полностью. Так Атос — двоюродный племянник де Тревиля Арман де Силлег д'Атос д'Отвьель, Портос — сын военного чиновника Исаак де Портос, Арамис — двоюродный брат де Тревиля — Анри д'Арамиц...

«Военно-исторический журнал»
Москва

ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ, ХОЛМС!

Шерлок Холмс, можно сказать, отнял славу у своего создателя. Конан Дойл, словно бы чувствуя это, не раз пытался избавиться от своего чересчур активного героя

**ОН
ЛЕЖАЛ
НА КУШЕТКЕ
В КРАСНОМ
ХАЛАТЕ...**

Нуждаясь в деньгах, молодой Конан Дойл написал шесть рассказов о Шерлоке Холмсе и, получив приличный гонорар, собирался, как говорится, завязать со

своим героем и начать работать по специальности врача-офтальмолога. Однако его издатель, редактор журнала «Стрэнд» Г. Смит, настойчиво требовал следующей порции и даже, к немалому удивлению Конан Дойла, принял все условия автора, касающиеся будущего гонорара. Пришлось снова засесть за сочинение новых похождений Холмса.

Седьмое приключение сыщика началось словами: «На третий день Рождества зашёл я к Шерлоку Холмсу поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате». С этого момента Холмс во время напряжённых домашних раздумий уже никогда не снимал свой знаменитый красный халат. Наверно, в нём ему особенно хорошо думалось... Так появились «Золотой карбункул» и «Пёстрая лента»... Эти рассказы, как и первые шесть, произвели фурор. Пришлось Конан Дойлу окончательно забросить медицину и засесть за письменный стол.

В 1891 году 31-летний Конан Дойл писал матери, вдохновительнице его творчества: «Подумываю, наконец, убить Холмса и завязать с ним. Он отвлекает меня от лучших вещей». «Ты не сделаешь этого,— возопила проницательная матушка.— Ты не должен! Ты не смеешь!» Послушный сын был вынужден подчиниться. Холмс, без спросу внедрившийся в его жизнь, не желал исчезнуть, а благодарные читатели были в восторге. «Они пристают ко мне, требуя новых рассказов о Шерлоке Холмсе»,— жаловался домашним Конан Дойл. Однако высокие гонорары несколько смягчили его авторское недовольство. Уже утопив своего героя в бурных водах Рейхштадского водопада (этот ход подсказала ему жена), он был вынужден оживить его: Холмс не желал исчезать по мановению авторского жезла. Он упрямо продолжал жить, а значит, истощать мозг своего создателя придумыванием сюжетов, разгадкой житейских головоломок, утомительными умственными усилиями. И если ещё совсем недавно Дойл обнадёженно писал приятелю: «Я на середине последнего рассказа о Холмсе, после чего этот джентльмен исчезнет, чтобы никогда не появляться. Я устал от него»,— то теперь он покори́лся воле им же самим созданного супергероя.

21 декабря 1908 года богатая старая дама 83 лет находилась одна в своей квартире. Комната её была заперта изнутри, потому что она день и ночь опасалась за свои драгоценности. Непосредственно под квартирой дамы жил сосед, которому она очень доверяла. Между ними был уговор: если ей будет грозить опасность, она стукнет три раза палкой об пол — и сосед немедленно придёт на помощь. В тот вечер ровно в семь часов он услышал настойчивый стук и поспешил к даме. Дверь спальни была открыта, а старушка лежала мёртвая. Убита она была каким-то тупым орудием вроде кочерги. Как раз в это время вернулась служанка. Она увидела спокойно спускавшегося по лестнице приличного господина средних лет. Вызвали полицию. Оказалось, что похищена лишь бриллиантовая брошка. Часть драгоценностей лежала на туалетном столике, на полу были разбросаны какие-то документы.

В эти самые дни некий Оскар Слейтер, завсегдатай одного из фешенебельных клубов, предложил ростовщику купить у него закладную на бриллиантовую брошь: ему якобы не хватало денег на длительное путешествие. Продажа получила огласку. Слейтеру предъявили обвинение в убийстве старой дамы.

Слейтер был очень несимпатичной личностью: владел игорными домами в Лондоне и Нью-Йорке, жил с содержанкой и вообще доверия не внушал. Преступника сначала приговорили к смертной казни, а потом заменили её пожизненным заключением. Слейтер виновным себя не признал. Проведя три года за решёткой, он обратился к Конан Дойлу как к последней своей надежде.

Конан Дойл взялся за дело очень неохотно именно потому, что личность этого человека не внушала доверия. Но тем не менее взялся — в судебном обвинении была одна деталь, на которую почему-то никто не обратил или не хотел обратить внимания: Слейтер заложил брошь чуть ли не за месяц до преступления. Одного этого было достаточно, чтобы доказать: это была совсем другая брошь. Начав распутывать клубок, Конан Дойл вышел на настоящего преступника. Писатель обратил внимание на то, что комната убитой оказалась открытой изнутри, а это по логике вещей могло означать только одно: престарелая мадам сама, по своей воле открыла дверь кому-то, очевидно хо-

рошо знакомому ей человеку. Разбросанные по полу документы и равнодушные к драгоценностям навели Дойла на мысль: преступник искал завещание. Возможно, не найдя его или не обнаружив там своей фамилии, он, не помня себя от гнева, нанёс богатой родственнице её же палкой несколько смертельных ударов. Так оно и оказалось. Дело было возобновлено по настоянию Конан Дойла, и через три года справедливость восторжествовала: несправедливо осуждённого оправдали, а убийца занял его место в тюрьме.

Восторженные почитатели писателя узнали о раскрытии этого загадочного преступления из брошюры Конан Дойла «Дело Оскара Слейтера». Писатель поддержал профессиональную честь Шерлока Холмса. И подобное блестяще раскрытое преступление самим сэром Конан Дойлом было далеко не единственным.

по пути в ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

В 1902 году Конан Дойл получил от короля Эдуарда VII рыцарский титул, к которому отнёсся скептически. «Я никогда не ценил титулов, — писал он матери, — и никогда не скрывал этого». Дойл мог позволить себе произнести такое признание даже вслух. Успех шёл по пятам писателя. После того как он извлёк из небытия погибшего было Холмса, одно из американских издательств сделало предложение платить по 5 тысяч долларов за каждый из последующих рассказов. Идею рассказа «Пляшущие человечки», появившегося после десяти лет молчания, подсказали ему впечатления, полученные во время поездки на автомобиле в графство Норфолк. У маленького сына владельца отеля, где остановился Холмс, было странное увлечение: писать постояльцам бесчисленные записки, а вместо подписи рисовать пляшущих человечков. Последующие рассказы вызвали привычный ажиотаж среди читателей: они снова внесли в их скучную размеренную жизнь восторг страха, риска и одержанной победы. Один за другим следовали всё новые и новые тиражи. «Таких сцен, как у железнодорожных книжных киосков, мне не приходилось видеть ни на одной распродаже», — писал один газетный репортёр после выхода книги Конан Дойла «Возвращение Шерлока Холмса». К книжным магазинам выстраивались длинные очереди, чтобы заполучить долгожданный томик.

Порядком обременённый успехом и доходами, Конан Дойл переезжает в ставший знаменитым дом на Бейкер-стрит, 221б, где до сих пор находится музей Шерлока Холмса и стоит его бронзовая статуя. Другой памятник установлен на утёсах Раушенбахского водопада, где должен был погибнуть Холмс.

Летом 1906 года у Конан Дойла умерла жена, оставив двух уже взрослых детей, сына и дочь. Через год писатель снова женился на прелестной молодой женщине — Джин. Они стали жить в собственном доме в поместье Уиндлшер в графстве Суссекс. Малиновые шторы большого кабинета Конан Дойла были обычно наглухо задернуты. Любящий уединение писатель продолжал работать, как Шерлок Холмс, в тускло-красном халате с неизменной трубкой в зубах. Во внутреннем ящике старинного письменного стола на всякий случай лежал револьвер: уж очень малообитаемым было это место.

Каждый день Конан Дойл читал Джин и её близкий подруге Лили, поселившейся с ними, написанное за день. Он удобно устраивался в кресле времён викингов, стоявшем в нише бильярдной комнаты. Жарко натопленный камин создавал ни с чем не сравнимый уют, и завороченные женщины слушали его «Затерянный мир», населённый пугающими воображение динозаврами и птеродактилями. Действующий в этом фантастическом нетронутым мире природы бородачатый профессор Челленджер поражал слушательниц своими необыкновенными открытиями. Писатель так увлёкся созданием своего воображения, что, подражая ему, отрастил длинную бороду.

После выхода романа в свет одна из английских газет писала: ««Затерянный мир» пробудил жажду приключений. Группа американцев на яхте «Делавер» вышла из Филадельфии в плавание по широкому водам Амазонки. Яхта принадлежит Пенсильванскому университету и направляется в Бразилию. Цель экспедиции — достигнуть дальних пределов Амазонии и в интересах науки и человечества найти «потерянный мир» Конан Дойла или научные доказательства его существования».

— Ты не боишься, что они приняли роман всерьёз? — волновалась Джин.

— Почему же? Пусть едут! Если они и не найдут плато, то что-нибудь интересное увидят непременно.

Путешествия в затерянный мир скоро пришлось отложить: началась Первая мировая война. Подруга Джин Лили потеряла на фронте одного за другим трёх

братьев и любимого человека, а в январе 1916-го скончалась сама. Конан Дойлу была известна способность Лили к автоматическому письму: словно некая таинственная сила водила её рукой и записывала то, что «предположительно исходит от мёртвых». Сам писатель относился к таким необычным и странным способностям очень осторожно — не слишком доверяя их истинности, но тем не менее с большим интересом. Сообщения, которые получала Лили, были переполнены военными подробностями, которые она не могла знать даже в глубине подсознания. Дойл сомневался в истинности этих сообщений, пока сам не получил некое послание от возлюбленного Лили Малькольма Лекки, убитого на фронте. Он был поражен: «Мне вдруг открылось то, с чем я так долго заигрывал (он участвовал в спиритических сеансах, хотя и не очень доверял увиденному и услышанному на них. — **Ред.**), есть не просто познание некой возможной закономерности, но нечто чрезвычайное вроде падения стены между двумя мирами, некая неопровержимая весть с той стороны, голос надежды и путеводный знак миру во времена глубочайших страданий». К нему пришла вера, которую он считал «мостом через смерть, верным продолжением личностного пути в потустороннем мире».

ВСТРЕЧА ДУХА И МАТЕРИИ

Как же могло случиться, что медик по образованию, доктор права, «фантастический реалист», как он себя называл, джентльмен из джентльменов, всю жизнь нерушимо соблюдавший кодекс рыцарской чести, сэр Артур Конан Дойл стал активным спиритом? Более того, стал считать пропаганду спиритизма самым главным своим делом, своей миссией на Земле?

Конан Дойла поразила книга английского физика Майерса «Человеческая личность и её дальнейшая жизнь после телесной смерти», вышедшая в 1901 году. Он лихорадочно начал читать работы английского физика Оливера Лоджа, биолога Уоллеса, физика Крукса. Люди науки опытным путём подтверждали невероятное: есть доказательства существования мира за гробом. Конан Дойл сам начал устраивать медиумические сеансы и убедился воочию: столы вертелись и стучали своими ножками, а непонятные тени-призраки разговаривали с живыми людьми и даже материализовывались. Однажды он получил

длинную серию сообщений, касавшихся будущей судьбы человечества, обращённых лично к нему. Слова эти врезались в его память:

«Когда мы говорим о материальном или механическом прогрессе, мы не можем не понимать, что это не настоящий прогресс... Мы же хотим прогресса истинного: понять силу разума и духа, удостовериться, что мир духовный реально существует.

Мы можем оказать неоценимую помощь в достижении настоящего прогресса, если только люди всей Земли помогут нам в этом. Но мы не можем навязывать силой свою помощь тем, кто не готов принять её. Это ваша задача — подготовить людей к этому восприятию. Некоторые из них безнадежно невежественны, но нужно и в них заронить семена настоящего, духовного прогресса. И не беда, если вы не сможете увидеть его всходы... Когда наступит переворот в сознании людей и они отринут своё невежество и тупой антагонизм, это немедленно расчистит дорогу значительно более полному проявлению наших сил, чем те, которые мы можем продемонстрировать на сегодняшний момент... Мы вместе должны сокрушить стену невежества, разделяющую нас... Это будет кульминацией всех усилий: мы увидим встречу духа и материи».

После этого Дойл уверовал: феномен существует! Есть какие-то неведомые человечеству психические, духовные силы, то остающиеся невостребованными, а то вдруг заявляющие о себе. Кто-то воспринимал их как неземных духов, кто-то как контактеров с миром мёртвых. Не исключалось и сугубо научное объяснение, до которого человек почему-то никак не мог добраться.

«С того момента, как я понял всеобъемлющее значение этого факта и осознал, сколь полно, будучи воспринято всем сердцем, это должно изменить и очистить людские представления, я почувствовал: все иные дела, которые я совершил и совершу в будущем, ничто по сравнению с этим».

Книга Конан Дойла «Новое откровение» вышла летом 1918 года. Через год он выпустил новую книгу «Живая весть». Параллельно завершил свою шеститомную «Историю войны», и с этого времени всю свою энергию посвящал пропаганде спиритизма. Писатель был убежден: стоит только человеку действительно поверить в посмертное существование, как он из чувства простого самосохранения начнёт совершенно иную жизнь. «Боже мой, боже мой, если бы они знали!» — в тоске и надежде повторял он. Но, увы, его

прежние и новые читатели в массе своей остались равнодушны к его откровениям.

В печати появились насмешливые отклики. Неудовлетворённые читатели требовали от Дойла новых рассказов о Шерлоке Холмсе. Он отвечал: «Я могу писать только то, что приходит мне в голову». И написал толстенную «Историю спиритизма», вышедшую в Англии в 1926 году.

В 1920 году Конан Дойл поехал с лекциями в Австралию, в 1922—1923 годах — в Рим, Афины, Константинополь. Летом — в США, в Африку. Суть его лекций: все сохнут по материальному телу, предназначенному для могилы. Эфирное же тело, то есть душа, переживает смерть, переходит на иные уровни в зависимости от своей чистоты и глубины. В потустороннем мире продолжается духовное совершенствование, которое человек обязан начать ещё на Земле. Жизнь на Земле — это тренировочное поле для жизни душевной; лоно, из которого выходит подлинный человек, когда он умирает для всего земного. Второе, духовное, рождение, которое проповедовал и явил Христос, может случиться ещё на Земле. Ничего не бойтесь — бойтесь греха, снова и снова убеждал он: «Всякая вера, христианская или нехристианская, имеет своих праведников и грешников, и если человек в существе своём добр, совестлив и праведен, то при переходе в загробный мир ему нечего опасаться, что он не был членом церкви, признанной на Земле».

Несмотря на то что окружающий мир принимал его убеждения в штыки, писатель не отчаивался: «Психическая и духовная эволюция — процесс медленный и постепенный. В данный момент мы находимся ещё на низких ступенях духовного развития... Мы ещё не способны к настоящей духовной жизни. Но мы станем совершеннее». Этой мыслью заканчивается книга «История спиритизма».

Конан Дойл успел ещё съездить в Скандинавию, прежде чем силы оставили его. Он умер в 1930 году, 7 июля в 9.30 утра в 71 год в своём любимом Уиндлшере, окружённый самыми дорогими ему людьми: женой Джин, сыновьями Адрианом и Дэнисом, дочерью Линой. Похоронили Конан Дойла в саду поместья. Гроб утопал в цветах, которые со всего мира слали его почитатели. На Джин было летнее платье в цветочек. Никто не плакал: чего лить слёзы о человеке, который просто отправился в бесконечное путешествие по неведомым мирам?! ■

ТАЙНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

ГОСПОДИН ИМПЕРСКИЙ ШПРИЦЕ- УКАЛЫВАТЕЛЬ

Так называли приближённые Адольфа Гитлера его личного врача Теодора Морелля, сыгравшего, быть может, хоть и неприметную, но роковую роль как в жизни своего пациента, так и в истории XX века.

ВИТАЛИЙ МЕНЬШИКОВ

МЕФИСТОФЕЛЬ ФЮРЕРА

Фигура доктора Морелля, не входившего в список первых лиц нацистской Германии, до сих пор остаётся в тени. Между тем именно под воздействием стимулирующих препаратов, прописанных медиком Адольфу Гитлеру, утверждает наш автор, в голове фюрера рождались идеи, претворение которых в жизнь привело к мировой войне, к гибели миллионов людей.

На фешенебельной берлинской улице Курфюрстердамм по соседству с Гедехтинискирхе стоит особняк, на парадной двери которого около шестидесяти лет назад красовалась медная табличка: «Доктор Тео Морелль. Кожные и венерические заболевания». Хозяин кабинета — толстый неопрятный мужчина в очках ничем не выделялся среди своих коллег-медиков, пока совершенно случайно к нему не обратился в 1935 году Генрих Гофман — личный фотограф Адольфа Гитлера. Какого рода заболевание привело фотомастера к дверям Морелля, точно неизвестно, об этом можно только догадываться. Установлено тем не менее, что, врачая пациента сульфаниамидом — препаратом, выписанным из-за границы, венеролог поставил того на ноги. Преисполнившись почтением к медику, Гофман решил пристроить его в штат врачей, обслуживающих фюрера. Однако протолкнуть протезе оказалось нелегко.

Гитлер, несмотря на свои жалобы о постоянных недомоганиях, врачей не жаловал и от обследований уклонялся. Только год спустя он уступил просьбам Гофмана и допустил к себе Морелля. Доктор должен был избавить его от экземы на ноге, мучившей фюрера не один год. По-видимому, венеролог с Курфюрстердамм неплохо знал своё дело и через несколько недель добился полного выздоровления. Гитлер начал доверять медику и однажды пожаловался на проблемы с желудком. Морелль тут же предложил свои услуги. Он утверждал, что кожными и венерическими болезнями занимается лишь потому, что к этому его вынуждают обстоятельства; на самом же деле он врач более широкого профиля, ученик знаменитого бактериолога, нобелевского лауреата Ильи Мечникова из Института Пастера. Проведя исследования, медик поставил фюреру диагноз — истощение биофлоры кишечного тракта (дисбактериоз) вследствие нервного переутомления. Для её восстановления врач назначил пациенту препарат собственного приготовления — «мультифлор» — набор кишечных бактерий, взятых у крупного рогатого скота. Не прошло и месяца, как Гитлер почувствовал себя лучше. С этого момента он стал полностью доверять Мореллю и отдал в полное его распоряжение своё тело, подобно тому как отдал Мефистофелю свою душу Фауст. Недаром же приближённые гла-

вы Третьего рейха прозвали врача «Мефистофелем фюрера».

Методы лечения, применённые Мореллем к Гитлеру, для того времени были весьма необычны, хотя с точки зрения современной медицины в них есть рациональное зерно. Так, скажем, при хроническом дисбактериозе сегодня широко применяются препараты, содержащие желудочные и кишечные ферменты домашних животных. Правда, неизвестно, как врач фюрера получал свой «мультифлор» и что входило в его состав в действительности. Но ничего антинаучного в том, чтобы ввести в организм больного ферменты, которых в нём не хватает, нет.

Другие медики — приближённые Гитлера и сторонники традиционных тогдашних методов лечения, не разделяли взглядов Морелля и обвиняли его в шарлатанстве. В частности, хирург фюрера, профессор Карл Брандт, в конце войны открыто говорил, что его методы не изучены, рискованны и таят в себе опасность привыкания. Однако едва ли «мультифлор» представлял какую-либо опасность, скорее всего он был просто безвреден. Доктор же Брандт, называя Морелля шарлатаном, говорил о лекарствах совершенно иного рода.

Придя к власти, Гитлер утверждал, что не рассчитывает прожить долго из-за слабости здоровья, подорванного на фронтах Первой мировой. Что ему надо успеть сделать главное, ради чего он

встал во главе государства,— завоевать мировое господство. Фюрер искал способы повысить свою работоспособность, пуская даже во вред продолжительность жизни. В этом—то деле ему и вызвался помочь венеролог с Курфюрстердамм. Он сумел создать метод стимуляции Гитлера, синхронный с жизненной установкой своего пациента.

В течение многих лет фюрер, следуя предписаниям Морелля, принимал от 120 до 150 различных таблеток в неделю, 28 видов микстур. К тому же каждый день личный врач делал ему 2—3 инъекции загадочных препаратов. Герман Геринг придумал даже для медика кличку: «...герр Рейхсшприцмайстер» (господин имперский шприцеукалыватель).

Какими снадобьями пичкали Гитлера, точно неизвестно. Но очевидно, что наряду с витаминами и традиционными лекарствами в этом рационе присутствовали и препараты, возбуждающие нервную систему, то есть наркотики.

Английский историк Д. Ирвинг, проштудировав архивные документы по истории болезни Гитлера, установил: в 1936 году диктатор попал в руки Морелля практически здоровым. Фюрер, вопреки расхожему мнению, не страдал ни импотенцией, ни болезнью Паркинсона, ни паранойей, ни шизофренией.

Проводимая им внутренняя политика была направлена на ликвидацию экономических последствий поражения Германии в Первой мировой войне, внешняя — на отмену кабальных положений Версальского договора и не отличалась особой агрессивностью. Всё переменялось через несколько месяцев после того, как за фюрера взялся венеролог с Курфюрстердамм. Цели, которые Гитлер осмеливался озвучивать лишь на партийных съездах (завоевание жизненного пространства для германской нации, уничтожение ради этого целых стран и народов), стали форсированными темпами претворяться в жизнь и в конечном счёте привели к Второй мировой войне и к гибели десятков миллионов людей. И похоже, главная причина столь разительных перемен в поведении главы Третьего рейха — препараты Морелля. Именно под их воздействием им принимались решения, приводившие порой в ужас даже его ближайших соратников.

Если в 1936 году Адольф Гитлер был хоть и мнительным, но практически здоровым человеком, то к концу 1944 года постоянное нервное возбуждение под действием наркотиков сделало из него развалину.

По свидетельству профессора Брандта, фюрер прекрасно знал о том

вреде, который препараты Морелля наносят его здоровью, но надеялся: эти лекарства в комплексе с наркотическими средствами позволят ему выполнить главную задачу жизни до того, как скажется их разрушительное действие.

Должен ли лейб-медик нести ответственность за решения, принятые Гитлером под воздействием его препаратов? С юридической точки зрения — нет! Доказать непосредственную вину врача за гибель миллионов людей невозможно. Тем не менее он заслуживает нравственного осуждения.

Несомненно, Теодор Морелль был неплохим врачом. Несмотря на обвинение коллег в шарлатанстве, он предвосхитил новые направления в медицине, которые появились вскоре после Второй мировой. Вместе с тем талант сочетался в нём с неуёмной жадностью славы и богатства. Он, не задумываясь, нарушил клятву Гиппократова, главная заповедь которой — не навреди. Ради денег Морелль согласился потравить Гитлера наркотиками в угоду его желанию быть неутомимым на пути к поставленной цели — мировому господству Германии. Поэтому на услужливом докторе, бесспорно, лежит доля вины за несчастья, принесённые человечеству нацизмом. ■

КОНСТАНТИН СМІРНОВ

УБИТЬ ГИТЛЕРА!

Такую задачу поставили американцы перед личным врачом фюрера профессором Тео Мореллем

Историки часто называют личного врача Гитлера Теодора Морелля шарлатаном и знахарем, который посадил фюрера на иглу. Однако это мнение не совсем верно.

Согласно официальной биографии, свою медицинскую карьеру будущий лейб-медик начал незадолго до Первой мировой войны корабельным врачом. Затем несколько лет практиковал в Дитценбахе (Гессен). В 1919 году обосновался в Берлине, открыв венерологический кабинет. Применяя препараты собственного приготовления, Морелль за немалые деньги излечивал знатных берлинских господ и дам полусвета от дурных болезней, чем снискал себе немалую популярность. В тридцать пятом году к нему обратился Генрих

Гофман — личный фотограф Гитлера с просьбой излечить его от застарелого триппера, с чем модный венеролог успешно справился. С этого момента и началось стремительное восхождение медика к вершинам славы и богатства.

Фюрер долгое время страдал от экземы на ноге, которую не могли вылечить приставленные к нему врачи. И тогда личный фотограф посоветовал Гитлеру обратиться к Мореллю, чудесным образом исцелившему его. Ловкий венеролог бойко взялся за дело и с помощью своих снадобий вылечил диктатора. Избавив в дальнейшем своего пациента и от желудочных колик, медик завоевал полное доверие вождя и сумел убедить того, что никто другой не

сможет следить за ним лучше, чем он. Вскоре Морелль стал личным врачом фюрера. Считается, что с этого—то момента он и начал пичкать своего пациента наркотиками, желая тем самым сделать того зависимым от себя. Что ему, как утверждают историки, и удалось.

Врачуя брэнную плоть Гитлера, Тео Морелль не забывал и о собственном кармане. Умело управляя своим подопечным, врач стал совладельцем крупнейшей в рейхе фармацевтической фирмы «Кац унд К^о», где налаживал выпуск целебных леденцов «Витамулин», на которых заработал более 20 миллионов марок.

Более восьми лет ловкий венеролог пичкал Гитлера наркотиками, и к концу

войны от недавно ещё пышущего энергией фюрера не осталось и следа. В возрасте 55 лет он превратился в дрожащую развалину.

После войны Тео Морелль был арестован американцами, но вскоре выпущен. Через несколько лет он умер в собственной постели естественной смертью.

Однако не всё так просто в биографии личного врача Гитлера, как это представляют историки.

В руки американцев при аресте Морелля попали и его личные бумаги. Большая часть из них почему-то была засекречена и стала доступна для изучения совсем недавно. Факты, содержащиеся в этих документах, позволяют по-новому взглянуть на их хозяина.

Оказывается, среди десятков таблеток, микстур, инъекционных составов, входивших в рацион фюрера, были витамины и простейшие лекарства, не могущие вызвать никакой зависимости. Ещё часть препаратов изготавливалась самим Мореллем. В основном это были вытяжки из желёз внутренней секреции и тканей различных животных. Большинство из них вообще не усваиваются человеческим организмом и не оказывают на него никакого действия. Так что о привыкании, а тем более о наркотической зависимости от них не может быть и речи. Среди допинговых средств, принимаемых фюрером, нет ни одного, которое действовало бы сильнее чая или кофе. Более того, деятельному Гитлеру явно не хватало стимулирующих веществ, и он пристрастился к шоколаду, который, как известно, возбуждает нервную систему.

Соратники фюрера отметили первые признаки его одряхления и психического нездоровья только в конце сорок третьего года. Явственно заметны они стали лишь во второй половине сорок четвертого, после покушения.

В истории болезни именно в сорок третьем году отмечено изменение «медикаментозного рациона» Гитлера. Морелль стал колоть ему в больших дозах первитин, стрихнин и другие наркотические вещества. Иными словами, вначале медик занимался всего лишь витаминизацией организма фюрера и только с сорок третьего года начал сажать его на иглу, а точнее сказать — травить, ведь стрихнин — сильный яд. В медицине он используется исключительно в виде солей или слабеньких экстрактов и никогда не вводится в кровь в чистом виде. Почему же дипломированный врач начал губить своего пациента?

Есть в биографии Морелля загадочный момент — его послевоенная судьба. Американцы продержали профессора в лагере лишь несколько месяцев, а затем выпустили. Более того, ему оставили нажитые им на «Витамулине» и других аферах миллионы. Так что доживал он свой век в достатке. Те же американцы, однако, повесили его оппонента, профессора Карла Брандта, вина которого заключалась лишь в том, что он так же, как и Морелль, состоял при особе фюрера. Странно, не правда ли?

Почему, наконец, США засекретили бумаги лейб-медика и спрятали их на полках секретных архивов на долгие годы?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно сделать всего лишь одно предположение: доктор Морелль был подкуплен или завербован американцами, и ему поставили задачу убить Гитлера. Если принять эту версию, всё становится на свои места.

Теодор Морелль, попав в личные врачи фюрера и будучи квалифицированным медиком, сразу понял, что тот практически здоровый человек. Лёгкие недомогания, которые время от времени случались у пациента, он лечил самыми обычными лекарствами. Видя, что Гитлер вегетарианец, ловкий венеролог разработал для него витаминный и минеральный комплекс, возмещавший недостаток веществ в организме патрона из-за отказа от мясной пищи. Естественно, общее самочувствие подопечного стало лучше. Делая вид, что не покладая рук трудится над здоровьем диктатора, Морелль колол ему совершенно безобидные снадобья и занимался собственными финансово-фармацевтическими аферами. В такой ситуации совершенно не в интересах медика было сажать фюрера на иглу, сводя его тем самым в могилу. Гитлер был для Морелля курицей, несущей золотые яйца. Так продолжалось вплоть до 1943 года, когда стало очевидно: Германия войну проиграла. Теперь лейб-медику, как и другим приближённым Гитлера, будущее рисовалось весьма трагичным.

В это время на него и вышли агенты американских спецслужб с предложением ликвидировать фюрера в обмен на безбедную жизнь после войны. А может

быть, Морелль и сам искал контактов с противником. В любом случае он решился предать своего хозяина и умертвить его. Задача оказалась непростой, мало было просто отравить фюрера, нужно было сделать так, чтобы самому потом не попасть в лапы гестапо.

По всей видимости, Морелль возложил свои надежды на стрихнин, который постепенно должен был убить пациента. Однако Гитлер оказался достаточно крепким, и симптомы отравления (дрожание конечностей — явный признак действия стрихнина) появились лишь в конце сорок четвертого. Жизненных сил фюрера хватило до конца войны, однако Мореллю удалось убедить американцев: хотя ему не совсем удалось выполнить их задание, он сумел сделать своего патрона полностью недееспособным. Эту идею лейб-медика поддержали, сами того не осознавая, другие придворные врачи вождя Третьего рейха, в частности Брандт. Он, попав в плен, не устал твердить американцам: неуч Морелль своими инъекциями превратил фюрера в развалину.

Американцы выполнили своё обещание, объявив Морелля чуть ли не антифашистом, они отпустили его на свободу и не конфисковали его состояние. Правда, от медицинской практики ему пришлось отказаться. За ним прочно закрепилась репутация шарлатана. ■

МИХАИЛ ВОСТРЫШЕВ

ИЗГОЙ НИКОЛА

Впервые стали известны обстоятельства скандала в царской семье, остававшиеся неизвестными более века

В 1874 году по Петербургу поползли слухи об ужасных событиях в семье царского брата, генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича. Его сын Николай совершил какие-то неслыханные, небывалые поступки, о которых царские родственники и близкие ко двору люди говорили полуслёпотом. Тайна опалы Николая Константиновича оставалась непроницаемой больше ста лет. И вот недавно издательство «ОЛМА-ПРЕСС» выпустило книгу Михаила Вострышева «Августейшее семейство» о великом князе Константине Константиновиче, президенте Академии наук и известном поэте, писавшем под псевдонимом К. Р. Одна из глав книги посвящена Николаю Константиновичу — старшему брату К. Р. Мы предлагаем вниманию читателей эту главу с незначительными сокращениями.

Брат Александра II, великий князь Константин Николаевич, женился на дочери Саксен-Альтенбургского герцога в 1848 году. А через полтора года Александра Иосифовна родила первенца, получившего при крещении имя божьего угодника и чудотворца святителя Николая. В августейшем семействе было принято называть друг друга уменьшительными именами на иностранный манер (Николай Николаевич старший — Низи, Николай Михайлович — Бимбо, Николай II — Ники), и лишь сын либерала-западника получил ласковое русское имя — Никола.

Никола, считавшийся самым красивым из великих князей, сдал экзамены за курс Академии Генерального штаба и поступил на службу в лейб-гвардии Конный полк. Вся семья любовалась Николой, гордилась, что он — командир эскадрона.

Блистательный офицер царской крови много путешествует по Европе, скупает картины и редкие музейные вещицы, любит старинными городами. В 1873 году уже в чине полковника он участвует в Хивинском походе, победоносно закончившемся подчинением Хивинского царства русскому царю.

Живя уже отдельно от родителей в собственном дворце и получая ежегодно доходы от земель, принадлежащих Дому Романовых и сдаваемых в аренду, более двухсот тысяч рублей, Никола и в Петербурге, и в Европе не стеснял себя ни в денежных травах, ни в выборе любовниц, ни в товарищеских офицерских попойках. Ему прочили удачную карьеру, блестящее будущее. И вдруг...

В начале 1874 года были замечены странные происшествия. Сначала у императрицы Марии Александровны после фамильного обеда со стола пропали какие-то драгоценные вещи.

В марте Александра Иосифовна заметила пропажу изумрудных серёг. Несколькими днями позже во время её причащения с Николой из домового храма исчезли старинные кресты. А тут ещё официант Таубс доложил: из Турецкой комнаты исчезла китайская чашка. Наконец, 9 апреля из иконы, которой благословляли Александру Иосифовну в день свадьбы, вор вынул и унёс бриллиант.

Всю полицию Петербурга поставили на ноги. Пропажу обнаружили в тот же день в

ломбарде, куда бриллиант отнёс, по сохранившейся записи, адъютант Николая Константиновича, капитан Варпаховский.

Отец приказал разыскать подозреваемого и доставить в Мраморный дворец. Спустя несколько часов Никола предстал перед очами отца и начальника Третьего отделения графа П. А. Шувалова. Поначалу он от кражи отрекся, придумал детское объяснение, что купил бриллиант у незнакомой старухи на улице, но в конце концов пришлось сознаться. Гром грянул...

Родители посчитали, что на кражу сына подбила американская куртизанка Фанни Лир, с которой, не забывая других женщин, сын поддерживал любовную связь с 1871 года. Она и раньше кружила головы высокопоставленным особам в Европе, но русский великий князь оказался самым лакомым кусочком.

Летом 1872 года Николай Константинович снял для Фанни загородную дачу недалеко от Павловского дворца и почти ежедневно посещал возлюбленную. Осенью, распрощавшись с дачной жизнью, они укатили за границу. Всё было бы ничего, не посмей он привести с собой любовницу в Грецию к родной сестре, королеве эллинов Ольге Константиновне, что стало причиной скандала и гнева русского императора.

Не позаботившегося о внешней благопристойности великого князя отравили на полгода завоёвывать Хиву, но по возвращении из похода в июле 1873-го старая любовная страсть разгорелась с новой силой. Николай Константинович поселился с любовницей в новом дворце, купленном ему отцом.

Молодую американскую куртизанку по наущению Александры Иосифовны решили обвинить во всех грехах Николы. Но он успел её предупредить. Когда через несколько дней после признания в краже великий князь был арестован, в комнаты его любовницы, примыкавшие ко дворцу и имевшие отдельный выход, нагрянули с обыском. Всё перевернув вверх дном, ничего не нашли, ибо смекалистая Фанни успела переправить подаренные драгоценности вместе с обязательством великого князя на сто тысяч рублей и его завещанием в американское посольство. Лишь спустя несколько месяцев, узнав, что Николай Константинович признан сумасшедшим и его имущество перешло под опеку отца, Фанни Лир согласилась продать бумаги высородного любовника царскому правительству. Получив приличную сумму и пообещав не компрометировать Дом Романовых за границей, она подобру-поздорову убралась из России.

По другой версии кража произошла не по наущению женщины, а из-за крупных долгов. Но эти бытовые слухи легко опровергались: сумма похищенного не превышала четырёх тысяч рублей, а у Николая Константиновича в письменном столе при обыске обнаружили двенадцать тысяч, да и занят он мог в любое время больше, чем выкрал.

Более подходила третья версия: великий князь страдал клептоманией — болезнен-

Опальный великий князь Николай Константинович, племянник Александра II.

ным непреодолимым стремлением к воровству. Достаточно было взглянуть на предметы, найденные в его комнатах,— склянки для духов, веера, табакерки, дешёвые статуэтки,— чтобы поверить в это. Удивляло только, что ничего подобного не замечалось за ним ни раньше, ни в последующие годы.

Одним из близких к великокняжеской семье людей в неопубликованных воспоминаниях высказано утверждение, будто бриллиант в кабинет сына подбросила сама Александра Иосифовна, надеясь обвинить в краже Фанни Лир.

Какая бы версия ни была истинной, в обычной семье постарались бы скрыть от посторонних сам факт домашнего воровства. Иное, когда в тебе течёт царская кровь. Александр II и его ближайшие родственники были до того щепетильными в вопросах престижа самодержавной власти, что не могли и помыслить, что кто-то из их семейства способен опуститься до кражи, то есть проступка, свойственного лишь простолюдинам,— этого не могли ни понять, ни простить.

Вредил себе и Никола. Нет чтобы покаяться, умолять о пощаде, он в тюремном застенке впадал в уныние, то в ярость. Так продолжалось несколько месяцев. В конце концов он написал императору письмо: «Безумен я или я преступник? Если я преступник, судите меня. Если я безумен, лечите меня. Но только дайте мне луч надежды на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь и свободу. То, что вы делаете, жестоко и бесчеловечно».

Подобный ропот нераскаявшегося арестанта до глубины души возмутил августейшего семейства. 11 декабря 1874 года его признали душевнобольным, определив местом постоянного жительства и лечения отцовскую крымскую усадьбу Ореанда. Возле великого князя до Февральской революции 1917 года постоянно находились явные и тайные надзиратели. Особо рьяно они пресекали общение *высокого больного* с неблагонадёжными интеллигентами и его продолжительную привязанность к женщинам.

В Крыму Николай Константинович влюбился в Александру Александровну Демидову, урождённую Абаза. Всё шло поначалу хорошо: он встречался с ней, перестал заглядывать на других женщин, успокоился и серьёзно занялся научной работой по изучению торговых путей Средней Азии. Даже перестал жаловаться, что ему запрещена переписка с кем-либо, кроме родителей. Но приехавшие вдруг из Петербурга врачи Здекауер и Балинский, исполняя, по всей видимости, царскую волю, «положительным образом выразились против мысли об установлении постоянных сношений *больного* Великого Князя с одной женщиной, признавая неудобство и опасность за последствия могущей произойти привязанности к такой женщине». Они цинично предложили организовать что-то вроде постоянно обновляемого гарема при великом князе, ибо «сношение с женщиной признано нужным для

его Высочества собственноручно в физическом отношении».

Демидову из Крыма удалили. Великий князь впал в неистовство. Угрожал расправой своему главному надсмотрщику, капитану первого ранга Ухтомскому, обещал убежать за границу, требовал встреч с возлюбленной. Но первое возбуждение *высокого больного* лишь уверило петербургские власти в правильности поставленного диагноза. Александр II предписал прекратить любые контакты своего племянника с Демидовой и повелел не допускать его ни в какие публичные собрания, ограничив общение узким домашним кругом.

Николая Константиновича в течение 1875—1877 годов перевозят с места на место (село Смоленское Владимирской губернии, город Умань Киевской губернии, имение Тавров Подольской губернии), надеясь окончательно избавиться от Демидовой. Но возлюбленные каждый раз вновь находят друг друга, и тайные встречи не прекращаются. Наконец Демидовой то ли дали хорошего отступного, то ли припугнули, а вернее, и то и другое вместе, и она, уже родившая двух детей от великого князя вдобавок к пяти от бывшего мужа, оборвала любовную связь и спустя два года вышла замуж за графа П. Ф. Сумарокова-Эльстона.

Удручённого Николая Константиновича 26 мая 1877 года переправили в очередную ссылку — Оренбург, объяснив необходимостью лечения кумысом. Поначалу жизнь на новом месте складывалась спокойно. Великого князя поместили в лучших комнатах городской гостиницы, и он опять увлёкся научными изысканиями, остыв, кажется, от пылкой любви.

Вскоре Николай Константинович переселился за шесть вёрст от города, где новый главный надсмотрщик граф Ростовцев нашёл подходящее для изоляции от оренбургского общества место — дачу Матвеева на берегу реки Сакмары. Общаться здесь было не с кем, и великий князь волей-неволей погружился в учёные занятия по улучшению степного коневодства и приисканию лучшего пути для прокладки железной дороги в Ташкент. Дважды в течение 1877 года он побывал в экспедициях в Каракумах. Итогом его исследований стали книги «О выборе кратчайшего направления среднеазиатской железной дороги» и «Пески Кара-Кум по отношению к среднеазиатской железной дороге». Обе получили одобрение императорского Русского географического общества за полную картину топографии и флоры местности, о которой до сих пор существовали смутные и не совсем верные представления.

**Погубительница
великого князя
американка Фанни Лир.**

Николай Константинович в отличие от предшественников доказывал возможность провести железную дорогу по прямой от Оренбурга до Ташкента, не оглябая пески. В защиту своего проекта он привёл множество доводов, основанных как на изучении старинных караванных путей, так и на наблюдениях за жизнью пустыни.

Лишь отец обрадовался увлечению старшего сына наукой и инженерным искусством. Остальные родственники остались равнодушны к столь плебейскому занятию высокородной особы.

Равнодушие и снисходительность к Николаю Константиновичу сменились гневом, когда 16 мая 1878 года Министерство двора и уделов получило шифрованную телеграмму, что *высокий больной* тайно женился на дочери провинциального казачьего офицера. Александр II, несмотря на то что его собственная любовная связь с женщиной *низкого* происхождения была у всех на глазах, искренне возмущён неравным браком племянника и приказал лишить его всех чинов и звания флигель-адъютанта. Щепетильного государя уговорили повременить — надо прояснить суть дела.

Дача оренбургского полицмейстера Драйера находилась по соседству с великокняжеской, и неудивительно, что Николай Константинович, лишенный человеческого общения, вскоре сошёлся с хорошенькой полицмейстерской дочкой Надеждой Александровной. Когда стало ясно, что обоюдное увлечение не ограничилось несколькими встречами, семью Драйер отправили в Самару. Но дочь не последовала за родителями, оставшись рядом с великим князем. Любовная связь стала явной, и, чтобы не оскорблять патриархальных родительских чувств отца возлюбленной, великий князь 15 февраля 1878 года вступил в тайный брак с Надеждой Александровной. Венчанию их сельскому священнику он назвал заставным полковником Николаем Константиновичем Волынским, ибо, назавось он Романовым, батюшка побоялся бы совершить обряд бракосочетания. Но всё тайное со временем становится явным, особенно если это касается августейшего семейства. Поэтому Петербург спустя три месяца узнал об ужасном поступке *высокого больного*. Его надзиратель граф Ростовцев посмел обратиться к Александру II с искренними словами о своём подопечном: «Его высокое положение, — писал граф, — и личные качества привлекают к Нему женщин неотразимо. В Нём же господствует потребность к сношениям с женщиной не только как предметом обладания, но и как средством удовлетворения других сторон жизни... Сноше-

ние Великого Князя с женщиной по Его вѣбору для Него необходимо как средство, сохраняющее в равновесии Его физическую и психическую природу». Далее граф сообщал, что весь Оренбург был возмущен переводом в другой город с понижением в должности полковника Драйера, известного здесь многолетней полезной деятельностью, а Николай Константинович, считавший себя причиной этой несправедливости, серьёзно заболел из-за переживаний за тестя. Граф умолял императора не лишать свободы повенчанной Надежды Александровны и отменить незаслуженную немилость к её отцу.

Суть дела прояснилась. Было решено продолжать считать Николая Константиновича психически больным и уволить его со всех постов, которые за ним ещё числятся, усилить лечение и надзор, особое внимание обратив на то, «чтобы Великий Князь избегал постоянной связи с одной и той же женщиной, последствием чего могут быть только непоправимые обещания и обманутые надежды».

Несмотря на новые строгости, Николай Константинович готовился к очередному путешествию в пустыню. «Состояние духа Его Высочества угнетённое, девица Драйер уезжает к своим родным. Великий Князь с нею виделся, но не нарушал приличия общественного», — сообщает граф Ростовцев 1 сентября 1878 года в Петербург. На следующий день экспедиция покинула Оренбург и после месяца трудов в пустыне направилась прямо в Самару, выбранную следующим местом ссылки *высокого больного*.

«Его Высочество носит бороду», — сообщает самарский губернатор 9 октября 1878 года министру иностранных дел, — волосы на голове коротко острижены, лицо загорелое. Ходит в гражданском платье притом весьма незатейливого покроя. Австрийская визитка со стоячим воротником, фуражка горохового цвета, всё это, вместе взятое, производит на всех непривычное впечатление. Предупредительная внимательность и доброта обращения обратили внимание тех, кому довелось здесь видѣться с Его Высочеством».

Брат великого князя Константин отмечал в своём дневнике: «У меня был Каразин, писатель и живописец, сделавший Хивинский поход и проведший полгода с Николой. Каразин от него в восторге. Скоро ли кончится мучительное положение, из которого бедному Николе не дают никакого выхода? Самого кроткого человека можно бы таким образом из терпения вывести, у Николы ещё есть довольно силы выносить своё заключение и нравственную тюрьму».

Сил хватало даже противиться волеизъявлению государя, запретившего племяннику общаться с полицеймейстерской дочкой. Надежда Александровна лучше придворных врачей умела лечить душевные недуги возлюбленного и, понимая, что нужна ему, согласилась даже отправиться вместе в очередную экспедицию к истокам Амударьи. Научная цель этого путешествия — ус-

тановить, возможен ли поворот Амударьи в древнее русло Узоя. Вернувшись, Николай Константинович написал книгу «Аму и Узбой», которая дышит любовью к пустынным землям Хивы и Бухары.

«Россия в течение последних двадцати пяти лет, — писал великий князь, — овладела большей частью Средней Азии, но некогда цветущий Туркестан достался русским в состоянии упадка. Он наделён от природы всеми благоприятными условиями для быстрого развития своих богатых производительных сил. Расширив оросительную сеть, раздвинув приделы оазисов, Туркестан можно сделать одной из лучших русских областей».

17 августа 1880 года начавший привыкать к Самаре Николай Константинович вдруг получил разрешение пользоваться морскими купаньями в Феодосии до конца октября, а потом ему предложили перебраться на временное жительство в усадьбу Пустынка под Петербургом. Казалось, близок конец мытарствам. Но поступки великого князя часто были непредсказуемы. Неожиданно он отказался покидать Самару. Лишь верный друг семьи его отца подполковник Павел Егорович Кеппен при личной встрече уговорил по-детски заупрямившегося тридцатилетнего великого князя не раздражать государя, смягчившего свой гнев на Николу после собственного морганатического брака.

Чуть более четырёх месяцев провёл Николай Константинович в Пустынке в нескольких десятках вёрст от любимого с детских лет Павловска, куда ему, к сожалению, запрещали показываться. Но часто навещавшие его отец и брат Дмитрий уверяли, что со дня на день грядёт высочайшее прощение, и тогда Никола будет волен жить, где захочет. Увы, не пришлось подышать долгожданным воздухом свободы. В роковой день 1 марта 1881 года Александр II был убит.

Из дневника за 1881 год государственного секретаря Е. А. Перетца: «28 марта. Арестован Великий Князь Николай Константинович и перевезён в Павловск, где содержится в местном правлении... Причину ареста — отчасти сумасбродные выходки молодого Великого князя по кончине покойного Императора, вроде следующих: когда ему не было дозволено приехать на погребение, он сказал, что если его считают сумасшедшим, то не будет и присягать, так как сумасшедших к присяге не приводят; затем он угрожал, что наденет Андреевскую ленту и пойдёт в народ».

Никто из августейшего семейства не заступился за несчастного. Спас от пожизненной тюрьмы своего воспитанника всё тот же подполковник Кеппен, умело считавший нежелательную записку и добившись через влиятельных знакомых, чтобы она легла на стол Александра III.

«Семь лет тянется уже грустная история признанной болезни Великого Князя Николая Константиновича. В эти семь лет Его Высочество десять раз переводился с одного конца России на другой... Более двад-

цати лиц перебивало в это время при Великом Князе в качестве врачей, распорядителей и состоящих. Немало разных взглядов, приёмов и даже систем практиковалось в отношении к Его Высочеству, немало проведено было более или менее удачных экспериментов, и надо сознаться, что теперь, по истечении семи лет, положение Великого Князя Николая Константиновича не только не установилось в определённых точно границах, но до невозможности осложнилось и запуталось...

В Бозе почивший Государь Император изволил высказывать неоднократно Свою волю, чтобы в отношении к Великому Князю Николаю Константиновичу был применён точный смысл касающихся душевнобольных законоположений, с теми отступлениями от формы, какие могли быть вызываемы Высочайшим рождением больного...

Высокое положение Николая Константиновича, обширные и разнообразные знакомства, сделанные им в невольных переездах по России, и, в особенности, в условиях жизни последних лет, Его значительные денежные затраты на изучение среднеазиатских путей, Его печатные труды по вопросам первостепенной важности для нашего Юго-Востока, наконец таинственное значение, приданное Ему в последние дни, — всё это привлекает к Николаю Константиновичу общественный интерес и внимание... Вчерашний государственный изменник завтра в устах молвы обратится в несчастного угнетённого...»

Чтобы он не докучал своим озлобленным августейшим родственникам, Кеппену пришлось предложить переселить великого князя за тысячи километров от Петербурга — в Туркестан. Благо тот уже знает не понаслышке об этой далёкой окраине России и может стать в крае полезным человеком.

Решено — темница заменится ссылкой в Ташкент, куда Николая Константиновича отправили летом 1881 года, а впереди полетело предуведомление генерал-губернатору, что, «основываясь на Высочайшем указе о болезненном состоянии Великого Князя, обращение с Его Высочеством должно быть как с частным лицом, а не членом Императорского Дома».

Ташкент как населённый оазис известен с IV—V веков, а в XI веке получил нынешнее название. В 1865 году его штурмом взяли русские войска под командованием генерала М. Г. Черняева, и окрестные земли были присоединены к России. В этом самом многочисленном на территории Туркестана городе проживали сто тысяч человек местного населения и находились на постое пятнадцать тысяч русских солдат и офицеров. Он был разделён на две части: Новый Ташкент — с православным собором и дворцом генерал-губернатора — пристанище русских войск, и Старый Ташкент — с мечетями, бедными жилищами за глиняными заборами, шумными базарами — родина сартов в чалмах и пёстрых халатах, туркмен в коротких бешметах, туземных евреев в чёрных шапочках. Именно Ташкент и стал вто-

рой родиной великого князя, пережившего в Туркестане царствование и Александра III, и Николая II.

Николай Константинович 2 января 1885 года пишет родителям, которых ему больше не суждено видеть: «Любимые мои занятия и путешествия для орошения пустыни помогут мне гораздо больше, чем приморское лечение. Мне бы не хотелось покидать Среднюю Азию, куда я всегда стремился и где много работал».

Петербург благодаря чьим-то хлопотам даже дал добро на поездку *высокого больного* для лечения и отдыха в Ниццу, но он, всегда упрямый и самолюбивый, отвечал, что «последнее будет сопряжено с большими хлопотами, а я уже утомился бесконечными переездами с места на место».

Наследственные права старшего сына по императорскому указу перешли от Николая Константиновича к Константину Константиновичу. Вместо ежегодно положенных двухсот с лишним тысяч от канцелярии уделов опальный великий князь ежемесячно получал двенадцать тысяч рублей и, пуская деньги в прибыльный оборот, стал к началу XX века миллионером.

Жил он без особой роскоши по сравнению с другими великими князьями, которым миллионы доставались без всякого труда. Самые дорогие вещицы в его ташкентском доме были подарками хивинского хана и бухарского эмира — персидские ковры и старинные кинжалы с дамасскими клинками. Спал Николай Константинович на полу на тюфяке, прикрывшись красным кумачовым покрывалом. Личные денежные траты ограничивались женщинами и попойками, что стоило в Ташкенте намного дешевле, чем в Петербурге или Ницце.

Продолжая жить вместе с Н. А. Драйер, великий князь не переставал посещать любовниц, приблизил к себе казачку Дарью Чесовитину, называя её *царицей*, *супругой царя Голодной Степи*. Когда Надежда Александровна в 1902 году отправилась в Петербург на свидание с детьми, получившими дворянство и фамилию Искандер, Николай Константинович, которому шёл уже шестой десяток лет, вздумал жениться на пятнадцатилетней гимназистке Хмельницкой.

— А как же Надежда Александровна? — спросили его.

— Что же, — не смутился великий князь, — она останется со мной и будет другом, а маленькая Валерия — женой.

Второе по счёту тайное бракосочетание было совершено 7 марта 1900 года. Теперь настала очередь возмутиться императору Николаю II. К великому князю, по обычаю в дни высочайшего гнева, направили заранее проинструктированных врачей. Они составили медицинское заключение, которое должно было понравиться августейшему семейству.

«Патологический характер и склад ума августейшего больного останутся навсегда такими, какими были с ранней молодости, поэтому нельзя надеяться какими бы то ни было мерами исправить его характер, изме-

нить его способ мышления, при-
вить ему другие чувства или искоренить его безнравственные тенденции, а потому он и впредь будет склонен к совершению предосудительных поступков, вредных ему и окружающим. Необходимо ограничить его свободу действий до известной степени, подчинив его чужой разумной воле».

Но, может быть, не любовные утехи Николая Константиновича взволновали Петербург. Может быть, там не понравились пропитанные бунтарским духом слова великого князя о себе: «Народная любовь и благодарность бесхитростных простых людей Туркестана будут посильнее бронзовых памятников и мавзолеев». А с каким сарказмом он отзывается о власти: «Пусть весь мир видит, как русское правительство ценит и награждает людей, посвятивших ему жизнь и свои труды!».

И в самом деле, жизнь Николая Константиновича изобилует трудами на благо Средней Азии. Он устроил между Ташкентом и Джизаком канал имени императора Николая I длиной в 60 вёрст, оросивший около восьми тысяч хлопковых деханок Голодной Степи, чем превратил эти пустынные земли в один из плодороднейших уголков Туркестана. Построил здесь семь посёлков — Николаевский, Конногвардейский, Романовский, Надеждинский, Верхне-Волынский, Нижне-Волынский и Обетованный. Поселил в них стекавшихся к нему хлыстов, оренбургских казаков, туркестанских отставных солдат и беглых сибирских каторжников. Провёл из реки Чирчик Искандер-арык и заложил на его берегу селение Искандер, где разместил высланных с Кавказа молокан. Открыл на окраине Ташкента хлебопекарню, шёлкоразмоточную и ткацкую фабрики, для которых выписал современные заграничные машины и провёл в рабочие помещения электрический свет, применявшийся до сих пор главным образом для освещения дворцов.

В Ташкенте строил, наверное, больше, чем всё русское правительство. Это и благотворительные постройки — дешёвые квартиры для отслуживших свой срок солдат, Дом инвалидов для воинов-туркестанцев, Дом офицеров-туркестанцев. И коммерческие — гостиничные номера «Старая Франция», ставшие сборищем женщин лёгкого поведения, кинематограф «Хива». Кроме того, скупал в городе дома и сдавал их внаём.

Он подарил Туркестанской публичной библиотеке в 1896 году пять тысяч собранных книг, а по духовному завещанию городу досталась также его ценная коллекция картин.

Много в долгой жизни Николая Константиновича было и неблагоприятных поступков, о них-то главным образом и рассказыва-

Николай Константинович с женой Надеждой Александровной Драйер.

лось в отчётах, которые ложились на стол императоров. У людей же, в чьи служебные обязанности не входило огульное охаивание великого князя, выработалось собственное мнение.

«В крае его признавали человеком умным, толковым и сравнительно простым» (граф С. Ю. Витте).

«Умён, говорит с юмором о своих родственниках... За орошение части Голодной Степи Государь дал ему триста тысяч для постройки дворца в Голодной Степи. Великий Князь просил Государя позволить ему на эти деньги построить театр в Ташкенте и подарить его городу. «Я хочу иметь лучше маленькую ложу в театре, чем большой дворец в Голодной Степи, — писал он Государю. — Но меня так лязят, что, наверное, откажут в моей просьбе»» (князь В. В. Барятинский).

«Я всегда поражался той неутомимой его деятельности по проведению начальной оросительной системы Голодной Степи, а также сооружению моста через Сырдарью, и всё это без помощи учёных инженеров. Да и кто, я думаю, не знает Николая Константиновича как человека — народного труженика, сеятеля культуры, давшего не одной сотне трудящихся рабочих хлеб и жилище» (А. Новицкий, служащий на станции Хилково Среднеазиатской железной дороги).

Когда 13 января 1918 года Николай Константинович скончался от воспаления лёгких на руках внебрачной дочери Дани Чесовитиной, ему устроили пышные, воистину царские похороны, несмотря на то что власть в Ташкенте уже принадлежала большевикам. В сквере у военного Георгиевского собора, где в склепе нашли упокоение бранные останки высокого больного, собралось полгорода, и все искренне сожалели об утрате столь яркой натуры. ■

ЭКЗЕНУЦИЯ С УЛЫБКОЙ

В Индии часто целые месяцы стоит засуха. Чтобы вызвать дождь, в сельской местности иногда используют так называемые «качели с крючками». Я сам наблюдал этот дикий обычай. Четыре деревни выставили своих кандидатов на главную роль. Жребий пал на крепкого 23-летнего юношу. В его обнажённую спину воткнули или, вернее, продели с двух сторон позвоночного столба по крючку под спинные мускулы. Предварительно мускулы подвергли своеобразному массажу: сильным ударами и щипками — очевидно, чтобы притупить боль. Кроме того, ему дали что-то выпить. К обоим крючкам, поддевшим тело, прикрепили кусок каната. Подвели большую телегуплатформу высотой почти в два метра. На ней стояло лёгкое деревянное строение высотой в четыре с половиной метра, наверху укреплён метровый шпиль, на котором качается и вращается восьмиметровое бревно. Приплясывая, юноша подходит к колеснице. Громадная толпа внимательно наблюдает за каждым его движением. Один конец бревна опускают, укрепив на нём верёвку, на которой за крючья повисает парень. Конец бревна то поднимают, то опускают, к тому же бревно ещё вращают. Парень не обнаруживает никакой боли. Больше того: время от времени верёвкой, конец которой прикреплён к бревну, он заарканивает приготовленные заранее букеты цветов и бросает их в визжащую от восторга толпу. Через час с четвертью парня снимают с качелей. Однако крючья он оставляет в спине, чтобы походить подольше героем и быть награждённым за мужество множеством подарков. Крючья герой не снимает в течение трёх месяцев! Кожа его разодрана в клочья, но пульт нормальный, а довольная улыбка на лице говорит сама за себя. Англичане официально запретили эту экзекуюцию, но совершенно без толку.

М. Чандлер, миссионер
«Север», 1893

ВЕРА БЕГИЧЕВА

СКУПОЙ РЫЦАРЬ ВЫБАЛТЫВАЕТ СВОЮ ТАЙНУ

Вера Бегичева неоднократно обращалась к реальным историческим событиям, зашифрованным в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина (№ 7/2000, № 6/2001). Предлагаемая вниманию читателей статья проливает свет на зловещую семейную тайну скупого барона.

Маленькую трагедию «Скупой рыцарь» пушкинисты называют «семейной драмой». Но что это за странная семья? В ней есть отец, есть сын, но нет жены и матери. Возможно, хозяйка дома умерла, но непонятно, когда и при каких обстоятельствах.

Конечно, старый барон Филипп, поглощённый маниакальной страстью к золоту, мог забыть о жене. Молодой Альбер мог забыть о матери за турнирами и любовью к Клотильде. Но и ворчливый слуга, и хитрый приметливый ростовщик молчат о жене барона. Даже молодой герцог, пригласив Филиппа и вспоминая о днях его молодости, ни словом не обмолвился о его супруге. Все они будто точно знают, что этой темы лучше не касаться.

Альберу двадцать лет. «Через тридцать лет мне стукнет пятьдесят», — говорит он. Двадцать лет назад его отец был совсем другим человеком. Он жил при герцогском дворе, был «верным, храбрым рыцарем». Тогда окружающие любили его и ценили его дружбу. В числе друзей Филиппа был и герцог, дед нынешнего молодого правителя, с которым барон был на «ты». «Лет через двадцать, право, ты да я, мы будем глупы перед этим малым», — передаёт молодому герцогу скупой барон дедово предсказание, лстиво намекая на то, что оно сбылось. А вот отец молодого герцога лишь «уважал» барона Филиппа, другом не был и особой любви к нему не испытывал. И сам барон в ту пору не показывался при дворе. Все воспоминания молодого герцога о встречах с ним относятся к времени жизни деда, но не отца.

Что же послужило причиной ссоры барона с его сеньором? Косвенно старик сам отвечает на этот вопрос.

Мы видели, каким был барон Филипп двадцать лет назад, а вот каким он стал:

Как молодой повеса ждёт свиданья
С какой-нибудь развратницей
лукавой

Иль душой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный,
к верным сундукам.

Нетрудно догадаться, отчего он так любит своё золото. Он не верит больше в женскую любовь, считает всех женщин «лукавыми», «притворщицами», «развратницами», которые «сбегутся резвою толпой» к любому, у кого есть деньги. А если женщина сама «обманутая», то не потому что честная, а потому что «дура», хотевшая, да не сумевшая обмануть. А верное золото не обманет.

Очень похоже, что причина помешательства барона — женская измена, подлинная или померещившаяся ему.

Если жена барона полюбила другого, то кто же этот другой?

Угрюмый затворник за что-то зол на отца молодого герцога и убеждён: женщины «сбегают» к тем, у кого «чертоги» и «великолепные сады». Это позволяет предположить, что счастливым соперником скупого рыцаря был его сеньор. Можно предположить и как-то была кончина супруги барона. Помимо воспоминаний об измене жены, Филипп сводит с ума нечистая совесть:

...эта ведьма,
От коей меркнет месяц, и могилы
Смущаются и мёртвых высылают.

Далее барон философствует:

Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.

Когда и при каких обстоятельствах, с какими «медиками» разговаривал барон на столь странную, специфическую тему?

Сундук с золотом заменяет скупому барону любимую женщину, семью и весь мир. Можно без преувеличения сказать, что сундук — любимое существо старо-

го Филиппа. Но, когда наступает вождельный миг встречи, странные ассоциации рождаются в воспалённом мозгу скряги:

Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

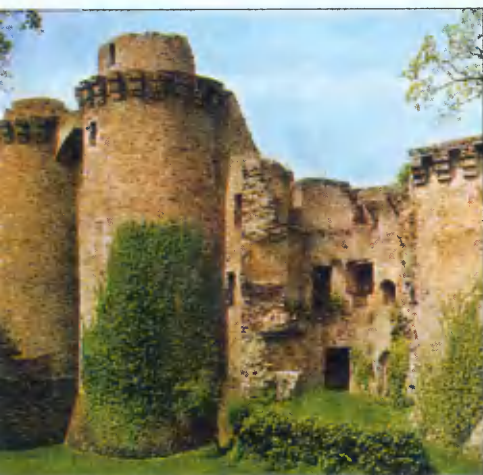
Себя барон не относит к «людям, в убийстве находящим приятность». Впрочем, собственноручно вонзать в жертву нож ему нет нужды.

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли,—

замечает он.

Вероятно, именно в подвале, уставленном сундуками, который видится барону затопленным кровью, и была убита ревнивцем мужем мать Альбера. Старый Филипп постоянно, сам того не замечая, проговаривается о преступлении, которое хочет, но не может забыть. Таким образом, ненависть друг к другу, сжигающая отца и сына, объясняется не только скупостью одного и беспечной расточительностью другого. Полную же ясность в тёмные, но исполненные тайного смысла монологи скупого барона вносит изучение времени и обстоятельств создания Пушкиным этой трагедии...

Когда Александр Сергеевич работал над «Скупым рыцарем», шёл 1830 год. Во Франции бушевала очередная революция, и у всех на слуху было имя писателя-романтика Франсуа-Рене де Шатобриана, бесстрашно выступавшего в парижской палате депутатов в защиту свергнутых Бурбонов. Не сходила с газетных страниц и семейная история, случившаяся с предками писателя-монархиста.

Замок Шатобриан.

Франсуаза де Фуа,
госпожа де Шатобриан.

Король Франциск I.

Красавица Франсуаза де Фуа стала женой Жана де Лавалья, сеньора де Шатобриана в 1509 году, а через семь лет — возлюбленной короля Франции Франциска I Валуа. Она писала прекрасные стихи, поэты воспевали её красоту и жертвенную преданность венчанному любовнику. Их роман продолжался десять лет — срок для влюбчивого и переменчивого Франциска небывало долгий. А потом король полюбил другую. Франсуаза не стала состояться с соперницей. Она вернула Франциску все его подарки и удалилась в бретонский замок к нелюбимому мужу. В октябре 1537 года Франсуаза не стало. Страшные слухи ходили о её смерти.

Жан де Лаваль годами скрывал свою ревность, внешне смирившись с изменой жены. Этому способствовала алчность до денег, титулов и земель, которыми щедро одарял мужа своей любовницы король. Лишь убедившись, что время фавора Франсуазы прошло, оскорблённый супруг решился на месть. Он заточил свою жену в потайной комнате, куда однажды ночью пришёл в сопровождении лакеев и лекарей. Слуги схватили кричавшую от ужаса женщину, а хирурги (вот они — загадочные «медики» скупого барона!) вскрыли ей вены на руках и ногах. Муж стоял и смотрел, как она умирала.

Против сеньора Шатобриана было возбуждено уголовное дело, но ему удалось подкупить главу следствия Анн де Монморанси, завещав ему все свои земли и замки в обход законных наследников — племянников Франсуазы. Остаток дней Жан де Лаваль прожил изгоем в замке, где убил свою жену.

Историю Франсуазы де Фуа Пушкин знал не только из публикаций в прессе и

романов, героиней которых стала несчастная возлюбленная короля Франциска. Александр Сергеевич читал мемуары современника событий Пьера Брантома, книга которого была в библиотеке поэта.

Пушкинский скупой барон, как ни велико его сходство с историческим прототипом, — вымышленный литературный персонаж. И всё же тень ревнивого бретонского сеньора незримо присутствует в «семейной драме». Пушкин прямо не называет место действия трагедии, но, вероятнее всего, это Бретань. «Так дай воды», — говорит Альбер слуге, узнав, что кончилось вино, которое ему прислали из Испании. Очевидно, этот разговор не мог происходить в Бургундии, Шампани или Анжу, где находятся знаменитейшие винограды мира и где пушкинским героям не было бы необходимости пить воду, когда кончилось привозное вино. Именно Бретань не относится к числу винодельческих районов, да и кельтское имя слуги Альбера — Иван (Ивэн) также указывает на Бретань, единственную провинцию Франции с преимущественно кельтским населением.

Тёмные леса Бретани и мрачные руины её замков хранят немало леденящих кровь историй о зверских убийствах мужьями своих жён. Первый из них — полуполюбопытный король Комор, правивший в VI веке. Неслучайно именно в Бретани родилась легенда о Синей Бороде, обретшая бессмертие в сказке Шарля Перро.

В пушкинских «Маленьких трагедиях» Испанию представляет Дон Гуан, австрийскую Вену — Моцарт, Англию — Вальсингам, председатель пира во время чумы. Кому же представлять Бретань, как не барону Синей Бороде? ■

**ГОСПОЖА-СЛУЖАНКА
НА СЦЕНЕ
И В ЖИЗНИ**

При упоминании серии портретов «Смолянки», написанных придворным живописцем Дмитрием Левицким в 1772–1776 годах, чаще всего всплывает в памяти портрет Екатерины Ивановны Нелидовой (1752–1839). Художник изобразил 15-летнюю поручицу дочь играющей роль Сербины в комической опере Перголези «Госпожа-служанка». И по таинственному роковому стечению обстоятельств ей довелось сыграть эту же роль и в далеко не комических событиях петербургской придворной жизни.

«Девушка умная, но лицом отменно дурная, благородной осанки, но короткого роста, черная, как жук», — писал о ней современник, — но до того умна и любезна, что всякий, говоря с ней, забывал, что она дурна». И подобно многим подпал под обаяние этой очаровательной дурнушки, фрейлины его жены, сам наследник русского престола Павел Петрович.

Историки почему-то больше всего интересуют вопрос: была ли Екатерина Ивановна любовницей Павла или их отношения носили чисто платонический характер? Сами подозреваемые оставили

письменные свидетельства того, что любовной страсти между ними не было, а была «дружба священная и нежная, но невинная и чистая». Эти заверения далеко не всегда убеждают специалистов, как не убеждали они и современников, в том числе и супругу великого князя Марию Фёдоровну, крепко невзлюбившую кокетливую соперницу. Но в жизни обстоятельства порою переписывают чувства. Когда, став императором, Павел Петрович всерьёз увлёкся Анной Лопухиной (№ 3, 2002), между императрицей и её фрейлиной установилась нежнейшая, но, как оказалось, основанная на взаимном интересе дружба. Без Нелидовой Мария Фёдоровна не могла влиять на охладевшего к ней императора, а Нелидова без поддержки императрицы не могла играть при дворе жаждаемой ею роли. Эта дружба бывших соперниц стала роковой для императора.

В начале 1801 года в руки Павла попали сведения о причастности жены и старших сыновей к заговору против него. В сердцах он отдал приказ об их аресте. Но Нелидова уговорила императора не делать этого в отношении Марии Фёдоровны. Павел смягчился, предоставил событиям идти своим чередом и через несколько дней был убит...

После этого Екатерине Ивановне не оставалось ничего иного, кроме как и дальше поддерживать нежную дружбу с вдовствующей императрицей и участвовать в её благотворительной деятельности. Всю дальнейшую жизнь она мудро хранила молчание о своих отношениях с Павлом Петровичем, которыми почему-то очень интересовался Николай I. Когда она умерла в феврале 1839 года, он приказал доставить к нему её архив. Лично разобрав бумаги и прочитав их, император сказал статс-секретарю Вилламову: «Я более не сомневаюсь, что она была его любовницей!»

Думается, тут у Николая Павловича был личный интерес: его многолетней любовницей была родная племянница Нелидовой Варвара Аркадьевна, дочь её родного брата генерала Нелидова. Вкусы отца унаследовал сын...

Иван ПРЯДИЛЬЩИКОВ

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА

«Русскому здорово, а немцу смерть!» — говорим мы, даже не подозревая, что повторяем фразу фельдмаршала Александра Васильевича Суворова, произнесённую им в 1794 году во время штурма варшавского предместья Прага. Наши солдаты разбили тогда горевшую аптеку, вытащили из неё большую бутылку и отведали её содержимое. Оно им понравилось. «Славное вино!» — говорили они, прихлёбывая прозрачную жидкость. Проходивший мимо немец-коновал из нашей артиллерии, решив, что они пьют водку, попросил налить ему полную чарку и выпил её одним духом. Он сразу же потерял сознание, упал и вскорости умер! Оказалось, солдаты пили чистый спирт.

Когда Суворову донесли об этом происшествии, он сказал: «Вольно же немцу тягаться с русскими! Что русскому здорово, то немцу смерть!»

***

Будучи студентом университета, старший брат В. И. Ленина Александр Ульянов (1866–1887) избрал темой своей научной работы половые органы дождевых червей. Его же главный соперник по научной работе заинтересовался пивками. «Нет ручья и нет канавки, где бы не было пива», — начертил он в качестве эпиграфа на своём трактате. Саша же Ульянов в

половых органах червей усмотрел проявление гегелевского принципа: «Всё существующее — разумно!»

И что же? Легкомысленный пивочник получил медаль и стал учёным, а серьёзный гегельянец пошёл иным, нежели его младший брат, путём, то есть подготовил покушение на царя и попал на виселицу...

***

В своё время критики не раз корили Н. Лескова за страсть переиначивать иностранные слова на русский лад; их раздражали его блестящие находки — мелкоскоп, буреметр, мимоноска, предприятель, морской добоглаз, нимфозория. Но Николай Семёнович был прав: такие слова не были его прихотью, они до сих пор порождаются самой жизнью. Один мой знакомый, например, почему-то вместо «никчёмный» говорил «никчменный». Другой искренне считал, что селедка в винном соусе отличный «декольтес» и вместо слова «энтузиазм» упорно говорил «энтуазизм».

Да что там знакомые! С высокой трибуны Верховного Совета один депутат пространно толковал о «презюмении невинности». А несколько лет назад одна кокетливая телеведущая пророчески называла самолёты и вертолёт «летальными аппаратами»...

Сергей ИРАКЛИЕВ

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ТЕСТЕМ СУХОТИНА!

Как-то раз Л. Толстой с семьёй, гостя у своей старшей дочери, вышедшей замуж за богатого помещика М. С. Сухотина, поехал погулять в роскошный парк сухотинского соседа князя Голицына. Назвавшись перегорожившим ему дорогу сторожем, Лев Николаевич был пораждён, что его имя не произвело на них никакого впечатления. Тогда он сказал им:

— Я — тесть Сухотина!

— Это другое дело, Михаила Сергеевича мы уважаем, — кланялись сторожа, открывая ворота парка.

Узнав об этом инциденте, Сухотин пришёл в восторг.

— Подумать только! — радостно говорил он. — Есть на земле точка, где слова «тесть Сухотина» производят впечатле-

ние, а «граф Лев Николаевич Толстой» действия не оказывают. Всемирная известность! Разные там Парагвай, Уругвай... А вот здесь это ничего не значит. А «тесть Михаила Сергеевича» — значит!

КОГО БРАЛИ СЕБЕ В ПРИМЕР АМЕРИКАНСКИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ

■ Когда заключались первые трактаты о границах между Россией и Китаем, обе стороны ещё ничего не знали о землях, о которых спорили, поэтому в договорах был пункт о землях, остающихся до времени нейтральными. Эта неопределённость привела к тому, что в 1858 году капитан Г. Невельской по своей инициативе присоединил к России часть земель этой нейтральной территории. Возник конфликт, и комиссия, назначенная правительством, признала действия Невельского неправомерными. Однако император Николай I не согласился с мнением комиссии. Поступок Невельского он назвал молодецким, благородным и патриотичным, сказав при этом знаменитую фразу:

— Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен!

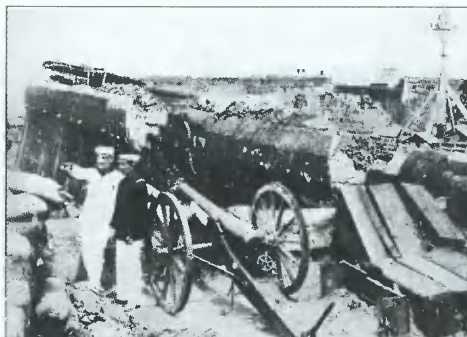
Прошло ровно сорок лет. В ходе испано-американской войны руководитель филиппинских повстанцев Агинальдо обратился к американскому консулу в Гонконге Спенсеру с предложением: если американское правительство поддержит создание независимой филиппинской республики, он, Агинальдо, поднимет на островах антииспанское восстание. Спенсер немедленно дал своё согласие, известив об этом американское правительство и адмирала Дьюи, приведшего свою эскадру в полинезийские воды.

Простодушный Агинальдо, прибыв на Филиппины из гонконгской эмиграции, одобрил американскую интервенцию, искренне считая её бескорыстной помощью. Но когда победа была одержана и филиппинцы с энтузиазмом приступили к выборам законодательного собрания и составлению конституции, выяснилось: на мирных переговорах в Париже американцы требуют передать бывшую испанскую колонию под управление американского генерал-губернатора!

— А как же обещание Спенсера? — восклицал Агинальдо.

— Я их не санкционировал, — холодно отвечал Президент США Мак-Кинли.

**Американцы
на фортах
Манилы.**

— А слово адмиралов и генералов?

— Давая его, они не имели права связывать американское правительство.

Возмущённый Агинальдо призвал народ к вооружённому сопротивлению. Некоторые боязливые конгрессмены потребовали проведения переговоров для достижения консенсуса с Агинальдо. Но Мак-Кинли уже закусил удила; на одном многочисленном митинге он заявил:

— Там, где взвился однажды американский флаг, он останется навсегда!

В то время американские президенты ещё только учились державности у русских царей...

Корней АРСЕНЬЕВ

АЛЛЮЗИИ

В словаре говорится, что иностранное слово «аллюзии» означает намёк, особенно посредством пословицы, поговорки, притчи, к месту рассказанного анекдота или истории. Добавим к этому списку: цитаты из произведения какого-нибудь пронизательного философа, писателя или государственного деятеля. Сегодня мы предлагаем нашим читателям цитату-аллюзию из «Записки графа Н. П. Игнатьева от 12 марта 1881 г.», составленной через несколько дней после убийства Александра II.

***

В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами она имеет громадное влияние и на чиновничество, и вообще на весь ход дел.

Отдельными частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны и с крамолой. Всякая энергическая попытка прекращения казнокрадства и борьбы с крамолой до настоящего времени парализовалась её усилиями.

Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя своё нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец.

Всякий раз, когда правительственные исследования доводили до серьёзных открытий, указывали на возможность освободить промышленность от рабства Западу и евреям, уничтожить вкоренившиеся злоупотребления, дело останавливалось вследствие не русских криков о варварстве принимаемых мер, о несогласии их с ходячими доктринами, о вредном влиянии их на биржу и курс...

АНТОНИМ ПСЕВДОНИМА

■ Слово «прозвище» у нас частенько путают со словом «псевдоним», считая их синонимами, хотя на самом деле это самые настоящие антонимы, то есть слова с противоположным смыслом. В самом деле, псевдоним человек придумывает себе сам, а прозвище ему дают другие люди. Псевдоним призван не что скрыть, приукрасить, а прозвище, наоборот, нечто разоблачить, иногда добродушно, но чаще едко и язвительно. Псевдоним предназначается для несведущей публики, прозвище же даётся в узком кругу хорошо знающих друг друга людей, от которых трудно что-нибудь скрыть.

Взять, к примеру, хрестоматийный случай — прозвища в литературном обществе «Арзамас». Здесь П. Вяземского за мефистофелевскую язвительность и насмешливость прозвали Асмодем. Тучного любителя поесть Александра Тургенева за постоянное бурчание в животе — Золовой арфой. А. Пушкина за малый рост и говорливость — Сверчком, а его дядю Василия Львовича, злоупотреблявшего фразой «Вот я вас», — Вотом; Жуковского по названию его баллады — Светланой и т. д.

В менее известном московском сообществе писателей тоже бытовали остроумные прозвища, связанные с топонимикой Москвы. Писателя Скитальца прозвали почему-то Тигром из мехового магазина, Златовратского — Старыми триумфальными воротами, Горького — Хитровкой, Шаляпина — Разгуляем, Бунина за худобу — Живоёркой, Серафимовича за лысину — Кудрино, Вересаева за твёрдость убеждений. — Ка-

менным мостом, Куприна за любовь к лошадям — Конной площадью, Миролюбова почему-то — Пирамидальным буйволом.

Смешные и, по-видимому, точные прозвища придумал Л. Берия другим членам сталинского Политбюро. Орджоникидзе он прозвал Вороной, Ворошилова — Индюком, Будённого — Лошадиной мордой, Ежова — Ужом, Маленкова — Маланьей, Кагановича — Кого гоним, Хрущёва — Хрущём, Булганина — Протодьяконом, Шверника — Шиверником, Калинина — Козлиным, Молотова — Деревянной задницей. Эти люди составляли, пожалуй, самый закрытый кружок в мире, поэтому бериевские прозвища стали известны отечественным остроловам только сейчас, по прошествии полувека...

Герман КОТЛОВ

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

БЫЛЬ

Рис. Б. Косульникова

Снег, снег, снег... Дома посёлка в нахлобученных снежных шапках, похожих на оснеженные стога. Сосны в глыбах снега. В глухой тишине изредка слышен треск — это под тяжестью снега обломалась ветка, а то и ствол. Сломанные стволы сосен то там, то здесь светлеют косыми свежими изломами. Глухая, ватная тишина. Невысокий березняк, кусты — всё легло под снег. Где-то за занавесом снегопада шурша скатится лавинка — может, даже с крыши дома, — и снова тихо и тревожно. И так уже с неделю.

Когда начался снегопад, склоны собирались обстрелять из пушек. Но дело увязло в согласованиях, и момент упустили. Сейчас не то что стрелять — дышать на склоны было страшно.

Со стороны Когутаев — двух вершин, похожих на египетские пирамиды, — сошла грандиозная лавина. Она срезала лес, оставив за собой широкий лавинный прочёс. По сторонам прочёса мачтовые сосны полегли, как трава, перестоявшая пору сенокоса. Когда сероватая вуаль снегопада время от времени становилась чуть прозрачнее, всяк с тревогой косился на передовой лавинный вал, туманной громадой устрашающе выросший над посёлком. Ошкуренные стволы вековых сосен торчали из него, как спички. Продвинулся вал чуть дальше — где бы мы сейчас все были?..

Ещё в начале снегопада лавинный завал отрезал посёлок от остального мира. Перекрыв ущелье, лавина выплеснулась на противоположный склон. Бульдозеры пробили в теле завала траншею только нынче под утро. Я ходил туда вместе с другими зеваками. Жуть: отвесные грязные стены — не то спрессованный снег, не то лёд — плотная, тяжёлая на вид масса, похожая на бетон.

Расчищенная дорога вся в хвое, в розовых пятнах раздавленных ягод барбариса. Терпкий запах размозжённой хвои и снега — запах тревоги... А мне завтра предстоял смертельный аттракцион, что называется, «Белый вальс на минном поле». Я должен был идти наверх — идти по склонам, на которые дышать страшно.

Вечеру по посёлку разнеслась весть: в столовую привезли пиво! Войдя внутрь, я озадачился — где же тут очередь? За пивом лезли все скопом. Но стоять мне не пришлось, меня зазвали за свой стол инструкторы с турбазы и соседнего альплагеря — местная элита. Мне дали место за столом, придвинули стакан с пивом. Я был... Да, я был растроган. Я здесь — человек новый, приехал в посёлок с высокогорной зимовки. Многих из сидящих за столом знал только в лицо, но не более того. И если меня приняли, значит, я выдержал незаметно для себя какой-то экзамен. Так сказать, дань уважения авансом.

За столом много говорили на злобу дня — о лавинах. Спросили:

— А тебе когда наверх?

— Завтра...

— Я бы на твоём месте отсиделся в посёлке, — сказал один из собеседников.

— Да нет, надо идти.

— Дело твоё. Но снежная обстановка плохая, — предупредили меня. — Не вздумай идти наверх по обычному пути. Подрезать склон и спустить на себя лавину — дело первых минут. Если уж решил идти, то иди от строительной площадки на поляне Азау, от бетономешалки.

— А где это?

— Выйдешь за посёлок и иди до самой бетономешалки. От неё бери вправо, на склон. Старайся идти прямо, по линии ската воды. Там вначале крутовато, но это ничего. Зато наверху нет опасных лавиносборов. А дальше...

Я понятливо кивал головой. А мне надо было не головой кивать, а слушать повнимательней да уточнить бы путь как следует...

Когда я шёл в столовую, в конусе света под фонарём густо роились снежинки. Сейчас там было чисто. И посёлок напоминал чистенькую, только что отпечатанную рождественскую открытку: крыши нахлобучены снежными папахами, уютно и разноцветно теплятся светом окна, стеклянно светится на просвет подсвеченная ими густая бахрома длинных сосул, и великолепные сосны в пышных снежных кружевах, и... И до чего же она всё-таки хороша — жизнь... Да не пойду я никуда, пропади оно всё пропадом!

А всё-таки не идти было нельзя...

Мой напарник, зимовавший уже не первый год, был матёрый зимовщик, в словах и поступках очень чёткий. Он меня предупредил: зимовать вдвоём — непросто. Потенциал на общение исчерпывается быстро. Люди друг другу приедаются. Если кому из нас друг в друге что-то не понравится — следует сказать об этом прямо и сразу. Иначе дело может дойти до последствий трагических.

Я воспринял его слова с лёгким сердцем: мне нравилось в нём всё. Потягивая из хрусталя сухое винцо, разбавленное нарзаном — на прощание с цивилизацией мы с ним обедали в ресторане «Эльбрус» в Нальчике, — он как-то замедленно воззрился на меня и сказал: «Виталий! Сам не пойму, в чём дело, но видеть твою морду мне почему-то приятно». Я ответил, что всё дело, видимо, во взаимности.

Первый месяц наверху пролетел как одна неделя: отвлекала работа по обустройству на зиму. А затем её стало меньше, время повлеклось всё медленней. На исходе третьего месяца — наверху уже давно установилась зима — я стал чувствовать, что, когда я не вижу своего напарника, мои глаза отдыхают. «Итак, что мне в нём не нравится? — добросовестно попытался определить я. Во мне всё так и подпрыгнуло. — Да всё!..»

Как-то за вечерним чаем — снаружи гремела пурга — против обыкновения он разговорился и рассказал такую историю. На полярную зимовку вместе с мороженым мясом завезли окоченелую муху. В тепле та отогрелась, ожила, стала летать по комнате, бегать по стенам, на краю немой тарелки сучить лапками, в общем, делать всё, что они умеют. И один зимовщик прямо в неё влюбился. Будто солнце для него взошло. Чуть проснётся — а ночь там круглые сутки и спят они как попало — и уже ищет её глазами: где она? Другой же зимовщик муху возненавидел. До того, что вот взял бы да и убил. Однажды под настроение он это и сделал. Его напарник сорвал со стены двустоволку и дублетом съёс ему полголовы. «И суд его оправдал», — завершил рассказ напарник, глядя на меня с нехорошей задумчивостью. С того вечера мне стало мерещиться: в тишине его сдержанности вызревает что-то для меня опасное...

Однажды в моё дежурство, когда я заварил чай не совсем так, как ему хотелось, он мне сказал: «Виталий! Сам не пойму, в чём дело. Но видеть твою морду мне неприятно». Я не скрыл, что, видимо, всё дело во взаимности. «Хорошо, — сказал он. —

Давай поступим, как существа разумные». Его идея была в том, что далее мы с ним будем сидеть наверху поочерёдно. Один подымается наверх — другой уходит вниз. Правда, зимовать в одиночку инструкцией возбранялось. Но что делать?

Так у нас и пошло, по схеме коромысла. Из напарников мы превратились в сменщиков. Не помню случая, чтобы он прозевал мой приход. Каждый раз я встречал его уже на пороге с рюкзаком за плечами. «Виталий! Борщ — на плите. Гречневая каша — в большой кастрюле. Можешь открыть банку земляничного джема. Я сменю тебя...» — Он называл дату и время. И всегда был на месте, как сказал, — хоть в мороз, хоть в пургу. Однажды он пришёл — на нём лица не было: оно у него почернело и от соли, отложившейся из пота, блестело, будто натёртое ртутью. Я ему попенял: что за срочная необходимость была идти наверх в такую погоду? Отсиделся бы внизу. Он поднял палец вверх и изрёк: «Клинок, который однажды согнулся, больше не клинок».

И после этого я являюсь на зимовку с опозданием в несколько дней? С гадким таким смешочком: «Хи-хи, а вот и я?» Да я после этого себе даже в зеркале в глаза не смогу смотреть...

Спалось мне плохо. Просыпался я тяжко. Вышел запоздало... Небо затянулось тонко-мглистой дымкой. Солнце сквозь неё выглядело обширным слепящим пятном. Всё как-то по-ловещему...

За посёлком простиралась снежная целина. Не то что дороги — намёка на дорогу не было. Ни следа — ни человеческого, ни звериного, ни птичьего.

Я пошёл на лыжах. Горные лыжи — это не лёгонькие беговые, на подъём идти на них тяжело. Да ещё по свежему снегу. Я быстро взмок. Видимо, сказывалось и вчерашнее пиво. Я не шёл — меня будто тащили на аркане.

«Но где же, наконец, эта чёртова бетономешалка?» Я знал, что здесь разворачивали строительство гостиничного комплекса, но пока выше посёлка не бывал.

Под склоном горы показались задрипанные дощатые строения, почти погребённые под снежными шапками. «Она, что ли?»

Я внимательно осмотрелся. Далеко впереди долину ущелья замыкал лес. Просека в нём, обозначавшая дорогу, далее вообще уходила резко влево, в сторону от склонов к реке. Слух улавливал слабый шелест — в горных реках вода холодна как лёд и летом, но она не замерзает и в сильные морозы. Дальше — никаких строений. Мне и в голову не пришло, что строительная площадка располагается где-то в лесу, щетинисто замыкавшем видимую часть ущелья. Мои же сарайчики выстроились справа, впритык к склону. Судя по уныло-серому цвету досок, они стояли тут со времён царя Гороха. Это было хорошо: будь склон лавиноопасен, их бы давно снесло. Видимо, это соображение и решило дело.

«Она, бетономешалка, — успокоился я. — Но где же сам агрегат?»

Я предположил, что сама бетономешалка находится в одном из этих сарайчиков. Её, подумал я, туда временно затащили на зиму, чтоб она зря не ржавела на свежем воздухе. Чтoб она туда влезла, я представил её в виде небольшой полуконической железной бочки с ручным приводом — такие бетономешалочки иногда используют частные застройщики. Простейшая мысль, что производительности такой бетономешалки недостаточно, чтоб снабдить бетоном гостиничный комплекс, мне в голову не пришла.

Далее. Глаза мои видели: кособокие дверцы сарайчиков совсем низенькие. Ишак с поднятыми ушами в такую дверь бы не прошёл. Тогда как же туда затащили бетономешалку, хотя бы и небольшую?.. Наконец, это же должна быть новостройка, из свежих светлых досок. А здесь?..

Клянусь: я не обыгрываю сюжет. Всё в точности так и было. Как-то даже неудобно выставлять себя в таком свете. Но если сознание человека оседает предвзятая идея, ум ему нужен только для того, чтобы обходить факты, которые ей противоречат.

Я спешился, приторочил лыжи под клапан рюкзака и, проваливаясь в снег, подобрался к самому склону. От крутизны его брала жуть.

Ничего себе!.. Да, но они же сказали: «Там сначала будет крутовато...»

Я побрёл в снегу вдоль склона, выбирая место, где бы он был хоть немножко положе. И вдруг вышел на место твёрдое, как едва припорошенный снегом бетон. Ба!.. Это был свежий лавинный конус. Лавинка невелика, но всё ж... Много ли мне надо?.. Как той мухе... «Вот тебе и “безопасно”!..»

То, что я выяснил в этой рекогносцировке, было убедительно, как красный свет на светофоре: «Не лезь!» Вы думаете, меня это остановило? Чёрта с два. «А! Полезу!»

По лотку схода лавины, конечно, идти было невозможно: сплошной лёд. Я перешёл по тверди конуса на его другую сторону и носком ботинка выдолбил в рыхлом снегу первую лунку. Попробовал, прочно ли держит меня эта снежная ступень, — вроде ничего, держала, — стал на неё одной ногой, а другой выдолбил следующую лунку.

Вперёд, дорогой товарищ!..

Я ритмично долбил в снегу лунку за лункой. Склон стал ещё круче. Но раз полез — значит, полез: нечего оглядываться. В опасной работе к человеку приходит спокойствие. Он уже не думает о том, как дело опасно. Он его делает, и всё.

Склон был до того крут, что, долбя ступени, я упирался в него лбом. Я лез как по пожарной лестнице, почти без наклона. И чувствовал: чуть отклонись я назад — рюкзак перевесит, центр тяжести окажется у меня позади пяток, и — привет: кувыркoм через спину я улечу вниз.

Облачная дымка к тому времени истаяла, солнце припекало, становилось жарко, пот заливал глазницы. Да и сказывалось, сказывалось вчерашнее пиво...

Наконец я почувствовал: надо перевести дух. Я выдолбил в снегу площадочку, попрочней утвердился на ней и осторожно, вжимаясь головой в снег, мимо отставленной в сторону руки посмотрел вниз.

Уходивший из-под моих ног серебристый склон блестел словно дюралевый лист. Отсюда он казался почти отвесным. Далее был перегиб, и склон вместе с цепочкой моих следов исчезал, и уже чёрт знает как далеко за линией перегиба виднелись сосны в снегу, ещё дальше — домики посёлка среди сосен, голубые дымы над ними и десятка полтора зевак на площадке перед столовой. На ярком снегу они казались чёрными, как шахматные фигурки. Похоже, они там заключали пари, сорвусь я или нет. Всё это выглядело как с крыла самолёта.

Лучше было не оглядываться. Я чувствовал определённо: начну пятиться назад — сорвусь. Да я и пяти ступенек не одолею... Подниматься всегда легче, чем слезать. Всё: вниз — нельзя.

С той же осторожностью в движениях я изловчился поглядеть вверх. Видимую часть склона венчали красноватые скалы, похожие на выветренную крепостную стену. В одном месте между ними просматривалась снежная полоса прорана. Если доберусь, по нему можно взобраться на скалы. Возможно, выше скал станет положе. Должен этот проклятый склон где-нибудь выполаживаться или не должен?.. И потом, другого выхода у меня всё равно нет.

Не спеша, добротнo отделявая каждую лунку, я снова полез вверх. Страх не было. Была легкомысленная уверенность, что всё обойдётся.

Откуда берётся в человеке эта уверенность?.. От инстинкта самосохранения?.. или примитивной веры в личное бессмертие?.. Между тем я уже располагал примерами, когда на один человек на радужных крыльях этой веры улетал прямёхонько на тот свет...

Я свалил дурака ещё в одном: выходя на склон, не надел рукавицы. Теперь же, хотя телу было жарко, руки мёрзли. Рукавицы лежали в кармане рюкзака, но как их теперь достанешь?..

Я добрался-таки до неё, до этой крепостной стены. По узенькой дресвяной полочке у её основания, обнимая скалы

широко распыленными руками, я осторожно, боком продвинулся к тому прорану.

Вот и он. Я попробовал ногой: это был твёрдый и скользкий, как полированный мрамор, жёлоб лавинного кулуара. По нему шага не сделаешь... Всё, мышеловка захлопнулась.

Помню: мне и так было жарко, но тут меня прошиб пот. Им залило глазницы, но от зыбкого равновесия я не мог поднять руку, чтобы его отереть. Я так и стоял, раскинув руки, как на распятии, прижимаясь к скальной стенке щекой и всем телом. Она была шероховатой, сырой от стаявшего на ней снега. От неё пахло глиняным горшком. Я чувствовал в себе человека, которого поставили к стенке, чтоб выстрелить ему в затылок.

Это было похоже на кошмарный сон. Сейчас я проснусь, и всё станет хорошо. Вместе с тем меня одолевала сонливость. Уснуть бы... Есть жучки каразиусы, которые, чуть их тронь, становятся как мёртвые. Но они не притворяются, а действительно в опасности выпадают в летаргическое состояние. Что-то от них, я уверен, есть и в нас...

Я не знал, что делать. Вдруг во мне как взрывом прорвалось отчаяние: снимите меня отсюда!.. спасите!.. Но не было мыслимых способов спасти меня из той ситуации, в какую я попал. Эх! Скальных бы крючьев сюда и ледоруб!..

И снова наплывала волной сонливость... Отцепиться, чуть отшатнуться назад — короткие мгновения ослепительно яркой боли — и наконец покой...

Можно считать, что так я отдохнул. Теперь надо лезть на скалы.

Это были выходы вулканической породы. Красного цвета, с тёмными зёрнышками, сильно выветренной. По-моему, андезитоациты. На каждом выступе горкой насыпано дресвы, тяжёлой, как дробь. Кое-где из этой каменной зерни торчали кустики высохшей травы. Медленно, пластаясь по скалам, я лез всё выше с ощущением странной лёгкости своего тела. Оно казалось мне пустым, как надутый воздухом бычий пузырь. Представлялось, что я держусь на скалах только за счёт шероховатости одежды. «Всё, кажется — всё... — пульсом билось в голове. — Конеч. Вот она, гибель...»

Говорят, в минуту смертельной опасности человек вспоминает важные моменты жизни. Я за собой такого не помню. Но помню другое: всякий раз я обещал себе, что, ежели спасусь, впредь буду жить осмысленней, не так бестолково.

Наконец я забрался на уступчик, где можно было немного расслабиться. Тело дрожало. Я ни разу не взглянул вниз. Я прижимался горячим лбом к мокрой дресве — она оттаивала на солнце. Кого просить, чтоб всё было хорошо?!

Я вспомнил, как прошли последние дни. Всё время я был не в духе, с какой-то тяжестью на душе. А как мне не хотелось идти!..

Теперь понятно: предчувствовал свою гибель.

Я отдохнул, дрожь в теле унялась, я снова полез.

И скалы кончились. Над ними нависал крутой оснеженный склон — столь же крутой, как и тот, что я осилил, но по нему из-под снега торчали колючие кустики. Голыми руками, не чувствуя боли, я ухватился за колючие прутья и стал подтягиваться по снежной крутизне.

От попытки долбить лунку носком ботинка пласт снега вдруг откололся от удара и выскользнул из-под меня, обнажив мокрую, гладко вылеглошую жухлую траву. Зашуршал снег, кусками улетающий по склону. Повиснув на одних руках, я тиснетно ёрзал ногами по скользкой траве. Сбоку я нащупал коленом травяную кочку. Налегать на её вялую мягкость всей тяжестью тела опасно. Осторожно, едва дыша, я всё же решился на это — и дотянулся до веток следующего куста... Так дело и пошло.

Я совершенно не верил в то, что выберусь, но всё-таки выбрался, чудом.

Добравшись до места, где можно было действовать смелее, я сбросил рюкзак с лыжами, а сам ничком упал на снег. Полежал, пока во мне не прибило силы, а потом сел.

На склоне, где грело вовсю солнце, было тепло и тихо. Но вершины Главного хребта по ту сторону ущелья будто горели — густо и медленно дымили снежными флагами от вет-

ра. Мой ум ещё оставался в состоянии летаргического оцепенения. Я сидел, и всё.

Сначала осозналась одна странность: хватаясь за колючий кустарник, я не чувствовал боли в пальцах. Я попробовал сжать их в кулак, а затем разжать. Получалось. Они потеряли чувствительность, но не гибкость. Я стал растягивать их снегом. Они были как деревяшки. Я тёр и тёр их, пока не появилась боль. Боль усиливалась, становилась едва переносимой, но я всё тёр их и тёр. Потом она стала утихать. В пальцах приятно покалывали множество тёплых иголок, пока покалывание не перешло в сплошной терпковато-тёплый зуд. И только теперь в руках стала ощущаться боль от бесчисленных заноз. С руками, похоже, всё в порядке...

Посёлка я уже не видел. Внизу справа по дну ущелья темнел лес. Просека, обозначавшая дорогу, действительно забирала вначале влево, к реке, но затем, описав что-то похожее на зеркальное отражение вопросительного знака, возвращалась снова к склону, к большой пропелшине — судя по всему, к площадке строительства гостиничного комплекса. Там стояло несколько вагончиков и светлело свежими досками несурзное строение, высотой этажа в два. Конечно же, это бетономешалка. От неё шёл пологий распадок, по которому и можно было выбраться на то место, где я теперь сидел.

Одна мысль пришла мне в голову: тяжёлый рюкзак, да ещё с притороченными к нему лыжами, я всё-таки не сбросил. Не расстался с вещью даже на пороге гибели. А без рюкзака у меня дело бы пошло куда живее.

Не исключено, что я просто не додумался. А может, это следствие всё той же легкомысленной уверенности, что со мной ничего не случится. Теперь мне казалось, что я, пожалуй, несколько драматизировал ситуацию. Так во мне исчезли и самые слабые отголоски той страстной мольбы о жизни, которая раздирала мою душу какие-то полчаса назад. А что я начисто тут же и забыл, так это обет, который дал себе за своё спасение, — впредь жить иначе... Не то чтобы забыл, а просто не исполнил. Знаете, когда жизнь твоя на волоске, ты готов отдать всё мыслимое, лишь бы выжить. Но если ты остался жив, то возникает желание поторговаться.

Закурив, я занялся занозами. Ладони и пальцы покрылись ими как щетиной. Я вытаскивал их, сколько смог, покурив, надел рукавицы и полез по склону. Он и тут был крутой. Сорваться и улететь с него первым сортом можно было и здесь, но против того, что я одолел, это были семечки.

Мой сменщик, как всегда, встретил меня на пороге с рюкзаком за плечами.

— Витаий! Борщ на плите. Гречневая каша с салом в большой кастрюле. Чай. Сыр. Печенье. Можешь открыть банку абрикосового джема. Я возвращаюсь на следующей неделе в четверг в четырнадцать тридцать.

Первым делом я сменил волглую от пота одежду. Облёкся в хорошо обношенный мягкий свитер, обулся в валенки. Печка жарко пылала. В трещины разошедшей кирпичной кладки било белым светом, как из мартеновской печи. Тепло шло от неё волной, как от калорифера. В помещении приятно пахло хорошим трубочным табаком. Подметено, убрано. Борщ вкусный, каша — выше похвал, чай — ароматен и крепок. Сменщик мой сделал всё правильно.

Покончив с обедом, я открыл верхнюю фрамугу окна: в комнате было жарковато, и расслабленно сел, забросивши ноги на другой стул ступнями к печке. Да, Эпиктет прав: «Спокойствие души не даётся даром».

Я не спеша вытаскивал из пачки сигарету, размял её, закурил. За окном мело белой мглой высокой позёмки. Струи снега, будто пар, вырывающийся из сопла турбины, стремительно обтекали тёмно-красные утёсы, сложенные стекловатой вулканической породой. В открытую фрамугу влетали снежинки, будто прыгали в комнату с трамплина. Неслись вниз стремительно и плавно, как лыжники по крутому и гладкому склону, и исчезали, таяли на лету.

В душе моей был покой: я тоже всё сделал правильно.

А П Р Е Л Ь

● Таинственное явление интенсивных локальных дождей получило у метеорологов название «точечного выпадения осадков». В отличие от таких дождей есть ещё и «небесные струи». В «Контрэндю» упоминается о выпадении потока воды над Нуарфонтаном во Франции из неподвижной точки на небе: вода продолжала литься в течение двух дней в апреле 1842 года.

● 30 апреля 1897 года еженедельник «Джентри джорнэл» рассказал о странной могиле в Пекине (Иллинойс). В ней был похоронен убийца своей сестры. На самой могиле не растёт ни одной былинки, между тем как пустое пространство вокруг неё своими очертаниями удивительно напоминает портрет убитой женщины.

● Из всех известных сообщений о загадочных воздушных судах самое поразительное — корреспонденция, опубликованная 28 апреля 1903 года в газете «Хьюстон дэйли пост»:

«26 апреля, Меркал, штат Техас. Вчера вечером несколько человек, возвращавшихся из церкви, заметили массивный предмет с привязанным к нему канатом, который волочился по земле. Посмотрев наверх, они увидели нечто, что, по их предположению, было воздушным судном. Поскольку оно находилось довольно высоко, было трудно определить его размеры. Из нескольких иллюминаторов били лучи света, а один луч светил спереди, как головной прожектор локомотива. Минут через десять по канату начал спускаться человек, который оказался достаточно близко,

чтобы можно было рассмотреть его внешность. На его тщедушном теле был лёгкий голубой костюм моряка. Увидев, что подле якоря остановились люди, он перерезал под собой канат и уплыл вместе с кораблём на северо-запад. Якорь теперь выставлен на всеобщее обозрение в кузнице Элиота и Миллера и привлекает внимание сотен людей».

● В апреле 1909 года в Британии очевидцы из более чем сорока городов сообщали о странных предметах и огнях в небе в течение всего месяца. Эксперты, опросив население, пришли к выводу, что виденные ими воздушные суда не похожи ни на какие известные в то время летательные аппараты.

● 7 апреля 1919 года в газете «Дартфорд кроникл» было опубликовано сообщение о том, что в половине третьего ночи писатель Дж. Джонсон был найден мёртвым: нижняя половина его тела полностью сгорела. На одежде, так же, как и в комнате, не было никаких следов огня. Однако за дверью комнаты писателя пожарные обнаружили огонь и не могли понять, как он возник и почему локализовался именно в этом месте. Джонсон был полностью одет и находился в доме один. В кармане у него были деньги; никаких признаков того, что пожар был устроен для сокрытия следов ограбления. Следователь удивлен тем, что, будучи одетым в момент обнаружения огня, Джонсон не попытался спастись или позвать на помощь соседей.

● В Лиморе (Австралия) в апреле 1918 года на кладбище начал ярко светиться каменный крест. Это продол-

жалось шестьдесят лет, пока в конце концов памятник не был сломан грабителями могил.

● Ранним утром 16 апреля 1922 года в лондонский госпиталь на Черингкросс привезли человека без сознания, истекающего кровью из глубокой колотой раны на шее. Когда раненый очнулся, он убеждённо заявил полицейским, что во время нападения рядом никого не было. Никто ему не поверил бы, если бы через несколько дней в тот же госпиталь не доставили ещё двух раненых. Им были нанесены ножевые удары в грудь, но их одежда при этом была цела. Все нападения были совершены в одном и том же месте — на углу Котвентри-стрит.

● Несколько недель подряд в апреле 1929 года на одной жительнице острова Ливард (Вест-Индия) воспламенялась и полностью сгорала одежда, а огонь не оставлял на коже никаких следов.

● В ирландском графстве Дери 4 апреля 1931 года один студент видел, как по реке плыла огромная чёрная собака с огромными клыками в оскаленной пасти и глазами, как светящиеся угли. Возможно, это была «пука» — легендарная ирландская собака-призрак.

● Весь апрель 1947 года у береговой полосы Секьюрити-бей (Аляска) плескался на мелководье морской монстр с коровьей головой и плавниками на спине, наводя ужас на местных моряков и сотрудников спасательной станции.

● 30 апреля 1960 года в Ирландии строитель Куни ехал с приятелем мимо озера Глендари, которое располо-

жено на острове Ахилл. Свет фар выхватил странное, похожее на плезиозавра животное. Оно пересекло дорогу прямо перед фургоном и исчезло в густых зарослях. Криптозоологи заявили: строители видели существо, аналогичное тому, что обитает в легендарном озере Ри.

● В апреле 1973 года по английскому телевидению показали документальный фильм о тюленях, в котором интервью с охотниками перемежалось неприятными кадрами забытых насмерть животных. Британцы — нация анималистов. После передачи поднялся вал протестов и, конечно же, угроз и проклятий в адрес охотников из посёлка Фосдейл. После этого странная смерть настигла пятнадцать «убийц тюленей» одного за другим. Только через год и один день жители Фосдейла смогли уснуть спокойно, сила проклятия, по-видимому, сошла на нет.

● Ночью 10 апреля 1978 года Ван Яарсфельд затормозил на дороге недалеко от городка Юниондейл. Голосовала девушка, которую он согласился подвезти. Когда вскоре он остановился для заправки, то обнаружил: его пассажирка исчезла. Проведённое по заявлению водителя расследование помогло идентифицировать призрак с Марией Ру, погибшей в аварии 12 апреля 1968 года на том же самом месте. Ван Яарсфельд опознал девушку по фотографии.

● Четырёхлетний Тонг Танг-Чжианг в апреле 1990 года вспыхивал несколько раз без видимых причин. При этом из пор на его коже вырывались струйки пламени.

Владимир ДЕМЕННОВ

ЦВЕТЫ НА СНЕГУ

Часто приходится писать сразу о двух художниках. Ведь каждый художник — индивидуальность, не похожая на других. Но этот случай исключение, когда не только можно, но и нужно рассказывать сразу о двух ярких, самобытных мастерах. Дело вовсе не в том, что они муж и жена, а в том, что творческие искания Сусанны Мари Франсиз из жаркой Индии и москвича Юрия Дьяконова взаимно проникают и дополняют друг друга. Художники увидели свет в разных странах. Для Сусанны с детства были близки жаркие, пёстрые, насыщенные краски юга, для Юрия — неброский колорит средней полосы России. Она с детства интересовалась холодной страной на севере, он мечтал о знойной Индии. Встретились они десять лет

Сусанна Дьяконова-Франсиз. Букет

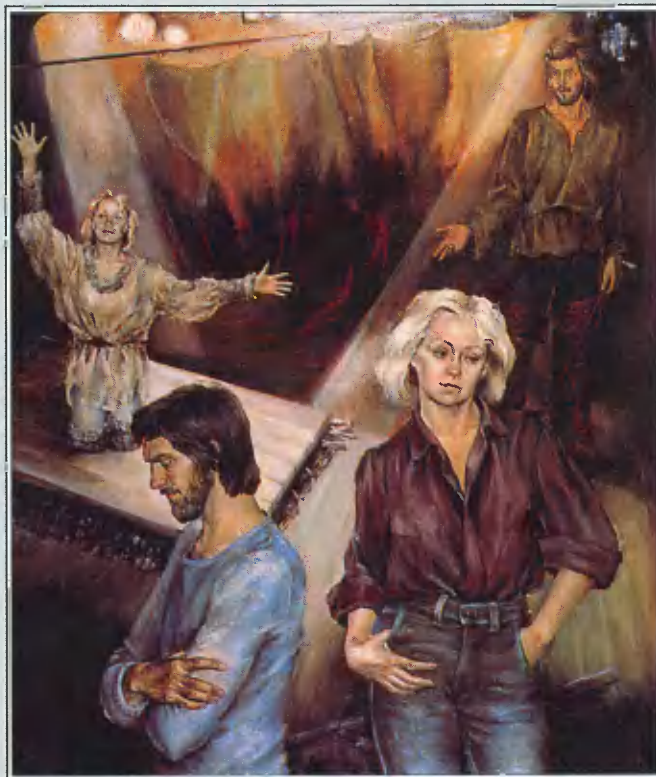

Сусанна Дьяконова-Франсиз. Влюблённые

Юрий Дьяконов.
Воспоминания о Волгограде

Юрий Дьяконов. Рождается истина

назад в Дели, в насыщенной искусством атмосфере крупной художественной выставки. Они были уже взрослыми людьми, зрелыми художниками, которые знали цену успеха и горечь творческих неудач. Через три года они стали супругами, но ещё раньше — товарищами по искусству. Юрий Дьяконов — художник чистого, искреннего порыва. Наиболее сильно эмоциональность живописца видна, когда он берётся разрабатывать тему православия, идеалы которого считает путеводными, определяющими его судьбу. Сусанна христианка, родившаяся в христианской индийской семье. Поэтому её излюбленные сюжеты навеяны образами цветущего рая, который для неё почти реальность. На её полотнах

много цветов. Это не русские цветы, прекрасные в своей скромности. Цветы на картинах Сусанны взращены жгучим индийским солнцем. Яркие, сильные, они буквально расцветают в её мастерской.

В прошлом году в залах московского музея на Тверской Юрий Дьяконов выставил свои картины, где краски бушуют, светятся, живут, кажется, собственной насыщенной эмоциональной жизнью («Цветы», «Золотое отражение», «Красный конь»). А Сусанна Дьяконова-Франсиз показала среди прочего небольшую картину «Зима» — русская деревня в снегу, домишки под белыми крышами и отблески низкого солнца на обледеневшем тыне. Северянин Юрий обрёл в колорите своих холстов

дыхание Индии, а южанка Сусанна новыми глазами увидела северный русский пейзаж. Взгляд этот необычен и интересен. Русский художник так нашу зиму не напишет. Возможно, это взаимопроникновение в творчестве двух супругов частный случай. Ведь Юрий продолжает работать над темой православия и пишет свои великолепные абстракции. Да и Сусанна не собирается отказываться от ярких образов своей родины. Но бесспорно одно: то, что делают сегодня эти даровитые художники, очень значительно, и их мастерство помножено на животворное влияние двух разных культур. За это они должны быть благодарны судьбе!

Нонна КРИСТИ

Сусанна Дьяконова-Франсиз. Зима

Сусанна Дьяконова-Франсиз. Весна

Сусанна Дьяконова-Франсиз. Попугай

ЧУМНОЙ ФОРТ

Раньше
здесь витала смерть.
Теперь здесь
царит разруха...

Коллеги-чумологи
у постели обречённого
коллеги М. Шрейбера.
Фото А. Гнедича

